НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

NOMOTHETIKA:
Философия. Социология. Право
2020. Том 45, № 3

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Адрес редакции: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
Римский В.П., доктор философских наук, профессор Белгородского государственного института искусств и культуры

Заместители главного редактора:
Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор
Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:
Новикова А.Е.
кандидат юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
Вангородская С.А.
кандидат социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:
Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Петар Боянич, доктор философии, профессор (Белградский университет, Сербия)
Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор (Университет Северной Каролины, США)
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)
Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)
Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)
Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)
Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)
Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный института искусств и культуры)
Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)
Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)
Никольский С.А., доктор философских наук, профессор (Института философии РАН)
Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)
Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)
Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)
Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)
Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Государственный университет управления)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77841 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: goleusov@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Дата выхода 30.09.2020. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право
2020. Том 45, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

393 **Возняк В.С.** Категории «рассудок» и «разум» в «феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля
400 **Иващук О.Ф.** Гегель о философской потребности и философская потребность его времени
411 **Лобастов Г.В.** Культурно-исторический смысл философии Гегеля
420 **Павлов П.В.** Истина и история в «Феноменологии духа» Гегеля
427 **Энди Бланден.** Гегельянские истоки культурно-исторической теории деятельности. Перевод с англ. **А.Д. Майданского**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

437 **Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.** Реновация идеи социальной солидарности: опыт Белгородской области
447 **Шмарион Ю.В., Насонова М.А.** Панельное исследование социального портрета молодого лидера регионального профсоюзного движения

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

460 **Лосев А.В.** Трагедия смерти и драма жизни
468 **Ромащенко А.А.** Событийность человека в городском пространстве: между модернизацией и экзистенциальной памятью

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

478 **Королёв Ю.А.** Суфизм как гностическое учение в исламе

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

486 **Анисимов А.П**. О пандемии коронавируса в контексте философии экологического права
495 **Грищенко Л.Л., Таболин В.В., Корабельникова Ю.Л.** Основы теории безопасности города с точки зрения юридической урбанологии
504 **Евтушенко В.И., Бондаренко А.А.** Регулирование внешней трудовой миграции в СССР в период проведения новой экономической политики и в Российской Федерации на современном этапе формирования рыночных отношений: историко-правовые параллели
516 **Лукичев Б.А., Алексеев С. Г.** Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовном процессе России и Германии
527 **Макогон Б.В.** Процессуальное дефинирование правовой глобализации
533 **Никитин А.А., Шевченко О. А., Морозов П.Е.** О перспективах разграничения полномочий в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации
542 **Новикова А.Е.** Категории правозащитного ряда в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию Российской Федерации
550 **Редькина А.И.** Особенности государственного управления в области киберспорта
558 **Троян В.А.** Гарантирование избирательного права: российский законодательный опыт
565 **Чернышов А.В.** Отличие приказа от иных правовых актов органов исполнительной власти

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

572 **Воевода Д. В.** Изменение понятия личности в русском общественном сознании начала XX в. (на материале романа Ю. Олеши «Зависть»)
579 **Ходыкин А.В.** Социологический анализ распространения виртуальных мобильностей как формы виртуализации пространственных перемещений (на основании социологии мобильностей Джона Урри)

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

NOMOTHETIKA:
Philosophy. Sociology. Law
2020. Volume 45, No. 3

Previously, the magazine was published under the title "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995
The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.
Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».
Address of editorial office: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor
Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor
Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)
Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor
Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary
Novikova, A.E., Candidate of law (Belgorod State National Research University
Vangorodskaya, S.A., Candidate of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:
Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)
Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research Univ Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)
Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)
Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)
Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)
Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)
Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS
Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)
Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)
Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod state institute of arts and culture)
Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)
Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)
Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy
Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)
Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)
Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)
Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University
Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)
Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)
Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (the State University of Management)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77841 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor *L.P. Kotenko.* Pag Proofreading, computer imposition *O.G. Tomusyak.* Dummy layout by *S.S. Pocheptsov.* E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typeface Georgia, Arial Narrow, Impact. Date of publishing 30.09.2020. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015.

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law
2020. Vol. 45, No. 3

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

393 Voznyak V.S. The categories of «Reason» and «Intelligence» in Hegel's «Phenomenology of Spirit»
400 Ivashchuk O.F. Hegel about the philosophical need and the philosophical need of his time
411 Lobastov G.V. The cultural and historical meaning of Hegel's philosophy
420 Pavlov P.V. Truth and history in Hegel's «Phenomenology of spirit»
427 Andy Blunden. The Hegelian sources of cultural historical activity theory (translation by A.D. Maidansky)

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

437 Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. Renovation of social solidarity idea: experience of the Belgorod region
447 Shmarion Yu. V., Nasonova M.A. Panel study of the social portrait of the young leader of the regional trade union movement

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

460 Losev A.V. The tragedy of death and the drama of life
468 Romashchenko A.A. Human eventfulness in the city space: between modernization and existential memory

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

478 Korolev U.A. Sufism as a gnostic doctrine in Islam

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

486 Anisimov A.P. About the coronavirus pandemic in the context of philosophy environmental law
495 Grischenko L.L., Tabolin V.V., Korabelnikova Y.L. Fundamentals of the theory of city security from the point of view of legal urbanology
504 Evtushenko V.I., Bondarenko A.A. Regulation of external labor migration in the USSR during the new economic policy and in the Russian Federation at the present stage of market relations formation: historical and legal parallels
516 Lukichev B.A., Alexeev S.G. Comparative legal analysis of regulations governing the production of forensic examination and procedural status of expert witnesses in the criminal process in Russia and Germany
527 Makogon B.V. Procedural definition of legal globalization
533 Nikitin A.A., Shevchenko O.A., Morozov P.E. On the prospects for the division of powers in the field of legal regulation of physical culture and sports in the Russian Federation
542 Novikova A.E. Categories of the human rights series in the annual messages President to the Federal Assembly Russian Federation
550 Redkina A.I. Features of public administration in the field of esports
558 Troyan V.A. The methodology of science and applied analytics: the parameter of completeness of coverage and completeness of accounting for the determining factors in the study
565 Chernyshov A.V. Difference of order from other legal acts executive authorities

THESIS

572 Voevoda D.V. Change in the concept of personality in the Russian social consciousness at the beginning of the XX century (based on the novel "Envy" by Yu. Olesha)
579 Khodykin A.V. Sociological analysis of the spread of virtual mobility as a form of spatial movement virtualization (based on John Urry's sociology of mobility)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕГЕЛЯ

Мировая философия 27 августа отмечает юбилей одного из самых мощных и глубоких умов – Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Наш журнал не мог остаться в стороне. В этом номере публикуются работы авторов из Австралии, Украины и России, освещающие разные стороны гегелевского философского наследия. Все они написаны с позиций культурно-исторического прочтения Гегеля, основы которого заложил выдающийся советский философ Эвальд Васильевич Ильенков. Редколлегия «Номотетики» выражает надежду, что эти работы внесут свою лепту в осмысление богатого гегелевского наследия.

On 27 August world philosophy celebrates the anniversary of one of its most powerful and deepest minds – Georg Wilhelm Friedrich Hegel. Our magazine could not stand aside. This issue publishes works by authors from Australia, Ukraine and Russia, covering different sides of Hegel's philosophical heritage. All of them are written from the standpoint of cultural-historical reading of Hegel, the foundations of which were laid by the outstanding Soviet philosopher Ewald Vasilyevich Ilyenkov. The editorial board of "Nomothetica" expresses the hope that these works will contribute to the understanding of Hegel's rich heritage.

УДК 130.121:140 (430) «XIX»
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-393-399

Категории «рассудок» и «разум» в «феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля

Возняк В.С.
Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко
Украина, 82100, Львовская обл., г. Дрогобыч, ул. Ивана Франко, 24
E-mail: volim_s@ukr.net

Аннотация. Рассмотрены особенности гегелевской концепции рассудка и разума в работе «Феноменология духа» в сопоставлении с тем измерением содержания этих категорий, который представлен в «Науке логики». В «Феноменологии духа» категории «рассудок» и «разум» играют несколько иную роль, чем в «Науке логики», поскольку рассматриваются не как одновременные моменты самодвижения мышления, а как необходимые формообразования духа (включая этап самосознания) на пути овладения последним самим собой как *полноценной истиной* бытия.

Ключевые слова: рассудок, разум, самосознание, дух, представляющее сознание.

Для цитирования: Возняк В.С. 2020. Категории «рассудок» и «разум» в «феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 393–399. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-393-399

The categories of «reason» and «intelligence» in Hegel's «Phenomenology of Spirit»

Vladimir S. Voznyak
Drohobych state pedagogical university named after Ivan Franko
24 Ivan Franko St, Drohobych, 28100, Ukraine
E-mail: volim_s@ukr.net

Abstract. The article discusses the features of the Hegelian concept of mind and reason in the work «Phenomenology of the spirit», in particular, in comparison with the measurement of the content of these categories, which is presented in the «Science of Logic». In the «Phenomenology of the Spirit», the categories «reason» and «mind» play a slightly different role than in the «Science of Logic», since they are considered not as simultaneous moments of self-movement of thinking, but as necessary formations of the spirit (including the stage of self-consciousness) on the path to mastering the latter by itself as a full truth of being.

Key words: reason, mind, self-consciousness, spirit, representing consciousness.

For citation: Voznyak V.S. 2020. The categories of «reason» and «intelligence» in Hegel's «Phenomenology of Spirit». NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 393–399 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-393-399

Введение

В философии Г.В.Ф. Гегеля мы встречаемся с наиболее системно разработанной концепцией рассудка и разума во всей западноевропейской философии. Гегель продолжает традиционное для его непосредственных предшественников (И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга) различение рассудка и разума, но уже на почве сознательно выраженного и тщательно категориально отрефлексированного *диалектического способа мышления*. Гегель отнюдь не отвергал рассудок как необходимый тип мышления, однако пытался его *понять*, то есть – увидеть глазами разума. Он писал: «Уразумение того, что диалектика составляет природу самого мышления, что в качестве рассудка оно должно впадать в отрицание самого себя, в противоречие, уразумение этого составляет одну из главных сторон логики» [Гегель, 1974, с. 96].

Гегелевское понимание содержания категорий «рассудок» и «разум» анализировалось в различных трудах отечественных и зарубежных авторов, рассмотрение же этих категорий в «Феноменологии духа» Гегеля можно найти в исследованиях А. Кожева, Ж. Валя, И.С. Нарского, А.Г. Погоняйло, В.И. Шинкарука, Н.В. Мотрошиловой и др.

Целью данной статьи является экспликация того содержания соотношения рассудка и разума в этом гегелевском труде, который до сих пор недостаточно артикулирован.

Гегель о рассудке

Следующие рассуждения Гегеля из «Предисловия» к «Феноменологии духа» часто цитируют, но не всегда адекватно понимают: «Рассудочная форма науки – это всем предоставленный и для всех одинаково проложенный путь к ней, и достигнуть при помощи рассудка разумного знания есть справедливое требование сознания, которое приступает к науке, так что рассудок есть мышление, чистое "я" вообще; и рассудочное есть уже

известное и общее для науки и ненаучного сознания, благодаря чему последнее в состоянии непосредственно приобщиться к науке» [Гегель, 1959, с. 7]. По моему мнению, эти слова следует понимать *сугубо конкретно*: прежде всего здесь Гегель выступает против некоторой эзотерики Шеллинга и его последователей. Однако вряд ли сам Гегель серьезно считает, что именно *с помощью рассудка* можно подняться до уровня его собственной, гегелевской, Науки и что именно почтенному рассудку стоит поручать *дело адекватного восхождения* ступеньками «Феноменологии духа» как науки об опыте сознания. При этом, как известно, Гегель отнюдь не ограничивает себя в инвективах в адрес рассудка, *здравого смысла* именно в «Предисловии».

Итак, Гегель отнюдь не утверждает, что «рассудочная форма науки» – самая правильная и единственно необходимая, он говорит иное: *нельзя пренебрегать* такой формой, чтобы изучить науку, нельзя пренебрегать рассудком *на пути* восхождения к разуму. Ведь рассудочность является разумностью лишь в качестве «некоторого становления» [Гегель, 1959, с. 30]. Опора на рассудок – «справедливое требование сознания». И *не более*.

В немецком языке слово «Verstand» (рассудок) происходит от глагола «ver-stehen» – понимать. Русское же «рассудок», по мнению П.П. Гайденко, более соответствует немецкому «Urtail» – суждение [Гайденко, 1979, с. 81]. Понимание, способность мышления как способность владеть понятиями Кант, Фихте и Шеллинг связывают именно с рассудком (Verstand). Гегель же делает радикальный поворот в переосмыслении *самого понимания*: на уровне рассудка мы еще не имеем дела с понятием как таковым, здесь – лишь общие представления. Понять же, выразить в понятии, по Гегелю, – значит преодолеть рассудочную односторонность и схватить внутреннее единство различных (в том числе и противоположных) определений в высшей форме понимания, в спекулятивном разуме.

Как известно, Шеллинг не смог понять новой философии своего старого друга. Преодолев лишь Предисловие к «Феноменологии духа», Шеллинг пишет Гегелю: «<…> я признаю, что не понимаю смысла того, почему ты противопоставляешь *понятие* интуиции (Anschauung). Не можешь ведь ты подразумевать под понятием нечто иное, чем то, что мы с тобой называем идеей, которая, с одной стороны, является понятием, а с другой – интуицией» (здесь и далее курсив наш. – *В.В.*) [Шеллинг, 1971, с. 283]. Однако в своих «Мюнхенских лекциях по истории новой философии» Шеллинг вообще оценивает философию Гегеля как «эпизод» и довольно резко противостоит гегелевскому пониманию «понимания». Он высказывается вполне определенно: «<…> тот, кто хочет подняться над всеми естественными понятиями под предлогом того, что это лишь конечные рассудочные определения, сам лишает себя всех органов понимания, ибо понятным нам может все лишь в этих формах» [Шеллинг, 1989, с. 528]. Итак, Шеллинг остается на своей позиции: понять – значит выразить в *рассудочной* форме; рассудок – *орган понимания*.

Гегель же «изобретает» другой, сверх-рассудочный «орган понимания» – «спекулятивное понятие» как *истинную форму движения ума*, благодаря которому мы и становимся способными в истинном смысле слова *понимать*.

Если слово «Verstand» (рассудок) происходит от глагола «ver-stehen», то «Vernunft» (разум) – от «vernehmen» (внимание). А.В. Ахутин пишет: «Только *феноменологически* выученный и настроенный слух услышит в греческих νους (обычно переводимые как *ум, мышление*) прежде vernehmen – *восприятие, в-нимание*; тот же слух заметит и простейшее: «сам» Vernunft (*Разум*) произведен от этого vernehmen (*внимание*)» [Ахутин, 2007, с. 178].

В «Феноменологии духа» рассудок и разум предстают как определенные формообразования сознания на пути его движения к абсолютному знанию. В «Логике» же эти категории имеют несколько иное толкование: они являются моментами развертывания самого логического. Гегель выделяет три стороны логического: абстрактная, или рассудочная; диалектическая, или отрицательно-разумная; спекулятивная, или положительно-разумная. Причем эти моменты существуют одновременно. «Логическое» у Гегеля, по мнению Александра Кожева, означает не логическое *мышление* само по себе, а *Бытие*, раскрытое (правильно) в мышлении и посредством мышления, или речи (*Логос*). «Три

упомянутые «момента» – это, стало быть, прежде всего моменты самого Бытия, *онтологические*, а не логические или гносеологические категории, и уж конечно, не просто ухищрения исследовательского *метода* или способа изложения» [Кожев, 2003, с. 554].

Итак, Гегель ни в «Феноменологии духа», ни в «Науке логики» отнюдь *не исключает* рассудок. Правда, Ф. Энгельс считал, что «больше всего Гегель презирал рассудок, а что это такое, как не разум, фиксированный в своей субъективности и единичности» [Энгельс, 1960, с. 476].

Чувственная достоверность, восприятие, рассудок являются формообразованиями сознания, *просто сознания*, «внешнего сознания», по выражению А. Кожева. Рассудок поднимается к восприятию закона, внутреннего вещей, различает чувственное и сверхчувственное. Однако Гегель тут же замечает: «это внутреннее различие пока лишь исходит от *рассудка* и еще не *установлено в самой сути дела*. Следовательно, рассудок провозглашает лишь *собственную* необходимость, – различие, которое он, следовательно, проводит, только выражая в то же время, что это различие не есть *различие самой сути дела*» [Гегель, 1959, с. 84].

Итак, провозглашение лишь «*собственной* необходимости» при неспособности воспринять и выразить *объективную необходимость* развития существа дела, проведение различения, которое не является «*различием самой сути дела*» – особенность рассудка как *собственно рассудка*. Дело в том, что рассудочная форма как таковая не рефлектирует внутри себя как *содержательно* определенная. Она не рефлектирует субъекту, действующему в пределах такой – рассудочной – формы, своей культурно-человеческой, исторической определенности. Именно в этом – огромная *сила, мощь и преимущество рассудка*, и именно в этом – серьезная *опасность*, когда рассудок вторгается в запретные для него сферы. Рассудок твёрдо держится именно *своей* формы, а посему откровенно безразличен к нравственным и эстетическим измерениям человеческого бытия. *Разумная* же форма рефлектирует внутри самой себя своей бытийственной (субстанциальной) *содержательностью*, она репрезентует (и презентует – ибо *дарит*, а не отдает на временное потребление, пользование, функционирование) субъекту его *собственное культурно-историческое бытие*.

Гегель отдает рассудку *должное*, – но *не более того*. «Деятельность разложения [на составные части] есть сила и работа *рассудка*, изумительнейшей и величайшей или, лучше сказать, абсолютной мощи. Неподвижный, замкнутый в себе круг, как субстанция содержащий свои моменты, есть отношение непосредственное и потому не вызывающее изумления. Но в том, что оторванное от своей сферы акцидентальное как таковое, в том, что связанное и действительное только в своей связи с другим приобретает собственное наличное бытие и обособленную свободу, – в этом проявляется огромная сила негативного; это – энергия мышления, чистого "я". Смерть, если мы так назовем упомянутую недействительность, есть самое ужасное, и для того, чтобы удержать мертвое, требуется величайшая сила. Бессильная красота ненавидит рассудок, потому что он от нее требует того, к чему она неспособна. Но не та жизнь, которая страшится смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь духа» [Гегель, 1959, с. 17]. Целостная жизнь духа как духа, конечно же, допускает, терпит, но главное – *претерпевает* рассудок.

В чем же природа этого абсолютного могущества рассудка? В первую очередь – в сплошной ориентации на абстрактно-общее и, соответственно, на использование. Рассудок не знает и знать в принципе не может своей меры, посему от является откровенно *своемерным*. Своемерие – логика рассудка, его царство, его *кодекс чести*. Ведь сфера абстрактно-общего поистине вездесуща: любую конкретность можно редуцировать к абстрактному. Это ведь *огромная, страшная сила – мерять* (исчислять, просчитывать, раскладывать по полочкам, файлам и папкам) *всё*, не ведая при этом своей действительной, объективной *меры*, пределов применимости. Именно здесь, именно в этом – истоки самых существенных преимуществ рассудка, способного «отрывать» и работать «в отрыве», самостоятельно, не взирая на иные измерения и проявления человеческого бытия. Потому

рассудочное как таковое способно, в конце концов, работать и *без непосредственного участия* человека – в первую очередь в современных информационных системах и технологиях. Сила рассудка – в абстрагировании и в оперировании абстракциями, среди которых он чувствует себя как рыба в воде. Рассудок предстает способностью человека осуществлять деятельность, *абстрагируясь* как от смысловых, культурно-исторических измерений осваиваемой и преобразуемой реальности (в рассудочном деле – используемой реальности), так и от собственной общественно-исторической (то бишь – человеческой) сущности. Подобная «отстраненность» рассудка никоим образом не препятствует его «приземленности», наоборот: именно она и позволяет ему быть нашим надёжным поводырем в мире вещной повседневности.

В этом смысле рассудок, как замечает Н.В. Мотрошилова, является «комплексным, сложным гештальтом духа, но это пока своего рода слепой гештальт» [Мотрошилова, 1984 с. 158]. Рассудок осуществляет процедуры абстрагирования, но сам попадает в плен игры объективированных абстракций. Слепота рассудка прежде всего состоит в том, что он, вместе и со своими предшественниками («чувственной достоверностью» и «восприятием») относится к предмету как к *внешней вещи* и не узнает себя в действительности. Александр Кожев так определяет эту принципиальную особенность «внешнего сознания»: «сознавая *предмет, Мир*, в котором он живет, человек не знает, что тем самым он осознает самого себя. Он не отдает себе в этом отчета, потому что не знает, что он *есть* свое Действие и что он *есть* в своем произведении, что его произведение и *есть* он сам. И, не зная этого, он думает, что произведение или предмет – это некоторое *Sein*, определенное и устойчивое, существующее независимо от него, нечто ему противопоставленное. <...> Таким образом, этот предмет представляется ему <...> некоей *определенной*, постоянной, неизменной сущностью, осязаемой конкретной формой. Соотнося себя *таким образом* с произведением, он и себя самого понимает как <...> определенность и Gestalt (форму, образ); в таком случае для себя самого Человек становится наличной устойчивой *вещью*, обладающей определенными постоянными качествами» [Кожев, 2003, с. 294].

Гегель о разуме

На уровне рассудка и только рассудка человек не осознает, что окружающая его предметность так или иначе является собственно *человеческим* миром, в том числе – и результатом человеческого труда. Рассудок, считает А. Кожев, из принципа тождества полностью и правильно раскрывает налично-данное-Бытие или естественную Реальность, то есть природный мир, но при этом исключая человека и его мир, социальный или исторический [Кожев, 2003, с. 584].

В отличие от рассмотрения категорий «рассудок» и «разум» в рамках «Логики», – в «Феноменологии духа» между рассудком и разумом расположена такая необходимая «станция» движения духа, как *самосознание*. Переход от рассудка к разуму, от сознания к самосознанию – это выяснение *истины*, содержащейся в достоверности представления. Достоверность – это не истина, истина в ней скрыта: «*онтологически* проблема восприятия (восприятия как онтологическая проблема) формулируется в вопросе: насколько адекватно мыслим мы бытия, если мыслим его как восприятие вещей? Этот вопрос приводит нас в «царство рассудка» (in das Reich des Verstandes), в котором после долгих мытарств сознание, которое было еще до сих пор «предметным» или «вещным», т. е. рассматривающем предмет как нечто себе противопоставленное, вынуждено поставить под вопрос саму эту противопоставленность, усомниться в ее изначальности и безусловности. Тем самым оно встает на путь превращения в самосознание» [Погоняйло, 2003, с. 776]. В самосознании граница между сознанием и предметом стирается, хотя тут же и восстанавливается, но уже не как непреодолимая: она преодолевается именно тем, что *снимается*, сознание удостоверилась в том, что вся реальность – в нем, и вся (целая) реальность – оно само.

А здесь уже мы можем иметь дело с таким формообразования духа, как *разум*. Гегель пишет: «разум стремится *знать* истину, найти как понятие того, чт***о*** для мнения и

воспринимания есть вещь, то есть обладать в вещности только сознанием себя самого. Разум теперь проявляет общий *интерес* к миру потому, что он есть достоверность того, что он наличествует в мире, или что наличность – разумна. Он ищет свое «иное», зная, что обладает в нем ничем иным, как самим собой; он ищет только свою собственную бесконечность» [Гегель, 1959, с. 129]. Однако этот разум является пока весьма абстрактным – он просто наблюдает. Наблюдающий разум – это не тот разум, который полностью осуществился. Это разум, исключенный из деятельности, чисто пассивное, но – разумное, созерцание. Следовательно, это еще не является адекватно осознающим себя разумом; в таком состоянии ему не подняться к духу, и он не идёт далее понятия Жизни. Перед нами *абстрактный разум*. Человек такого разума не осознает себя конкретным индивидом, потому что наблюдающий разум является разумом отдельного, асоциального индивида, едва распознаваемого на фоне чисто биологической жизни. Человек такого разума не знает истории, его жизнь является лишь абстрактной жизнью Мира, и мир для него – лишь Природа. Разум, наблюдает, верит, что мир интересует его сам по себе, и он способен найти сущность вещей как вещей. Следовательно, он не понимает сам себя [Кожев, 2003, с. 98].

Рассудок созерцает, и разум созерцает, – точнее, – наблюдает, но более внимательно (внимание – vernehmen) по отношению к самой сути вещей, стараясь не привносить чего-то только своего; рассудок же, в конце концов, как мы уже знаем, провозглашает *лишь собственную* необходимость.

В то же время деятельностный характер присущ как разуму, так и рассудку: «разум есть *целесообразное действование*» [Гегель, 1959, с. 11]. Только Трудом порождается Мышление и Рассудок, то есть концептуальное постижение Мира [Кожев, 2003, с. 469].

Гегель отмечает, что не просто «*в себе*», но именно «*для себя*» человек является собственно человеком «только как развитый ум, который *превратил* себя в то, чт***о*** он есть *в себе*. Лишь в этом состоит действительность разума.» [Гегель, 1959, с. 11]. Преобразование того, что есть «в себе», в состояние «для себя» является делом именно разума, потому что *понять самого себя* (ту истину, что содержится в самом себе) – это уже Vernunft [Кожев, 2003, с. 82]. Разум в «Феноменологии духа» оказывается *единством сознания и самосознания*, однако такое единство само движется и развивается, поскольку высший и окончательный синтез сознания и самосознания, по Гегелю, возможен лишь как *абсолютное знание*, Наука. Из абстрактного состояния разум должен подняться к конкретному своему бытию, сбыванию, осуществлению, а это уже – *дух*.

Гегель в «Феноменологии духа», по мнению О.Г. Погоняйло, выступает как первый критик всей новоевропейской парадигмы, то есть – пресловутого *представляющего мышления*. Таким образом Гегель десубстанциализует сознание.

Представляющее мышление (мышление представления, так или иначе – рассудок) работает по модели «субъект – объект». Разумная (спекулятивная) мысль разрушает эти *две отдельные самобытности*, полагая развертывание одной – *самого бытия* сквозь человека и в человеке, собственно – человеком. Здесь самобытие человека тождественно самобытию самого бытия.

Для *представляющего* сознания представленное является чем-то отличным от сознания, но в *понятии* это различие оказывается внутри сознания. По Гегелю, в мышлении предмет движется не в представлениях или образах, а в *понятиях*, т.е. в некотором различаемом в-себе-бытии, которое непосредственно для сознания от него же не отличается. «Представляющее сознание представляет себе себя как некую сущность, субстанцию, противопоставленную субстанции вещей. В разумном самосознании, или мышлении, эта противоположность снята, т. е. сохранена как противоположность *внутри* мышления. <...> Сознание тогда самостоятельно, когда оно сознает свою несамостоятельность, знает себя сознаванием вещей, тогда она, мысля «иное себя», остается у себя дома. Субстанциальность сознания в том, что оно есть чистое опосредование, а не какой-то «мыслящая субстанция»» [Погоняйло, 2003, с. 787].

Заключение

Таким образом, в «Феноменологии духа» категории «рассудок» и «разум» играют несколько иную роль, чем в «Науке логики», поскольку рассматриваются не как одновременные моменты самодвижения мышления, а как необходимые формообразования духа на пути овладения последним самим собой как *полноценной истиной* бытия. Станция «рассудок» является необходимым этапом такого становления для того, чтобы подготовить почву для перехода к разуму, не минуя при этом *всех мытарств самосознания*. Для того, чтобы, – вспомним Гегеля: «быть в своем *бытии* своим *понятием*» [Гегель, 1959, с. 35], необходимо войти в ситуацию подлинно «своего» – своего бытия, осознанного *своего* бытия, т. е. войти в *артикулированное самосознание*. Однако и «разум» не является ни конечным пунктом, ни чем-то *заранее приготовленным* для вхождения субъективного сознания в его подлинный эйдос, – разум является не просто *этапом, состоянием, формой*. Разум – это определенный *способ самодвижения субъекта* в процессе создания и адекватного осознавания как мира, так и собственной сущности.

Список источников

1. Гайденко П.П. 1979. Философия Фихте и современность. М., Мысль, 281 с.
2. Гегель Г.В.Ф. 1959. Феноменология духа. Соч. Т. IV. М., Изд-во соц.-эк. л-ры, 440 с.
3. Гегель Г.В.Ф. 1974. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т.1. М.: Мысль, 452 с.
4. Шеллинг – Гегелю. 1971. Мюнхен, 2 ноября 1807 г. В кн.: Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., Мысль, 283 с.
5. Шеллинг Ф.В.Й. 1989. К истории новой философии (Мюнхенские лекции). Соч.: в 2 т. Т. 2. М., Мысль, С. 387–560.
6. Энгельс Ф. 1960. Александр Юнг. Лекции о современной литературе немцев. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: изд. 2-е. Т. 1. М., Политиздат, С. 473–483.

Список литературы

1. Ахутин А.В. 2007. Античные начала философии. СПб., Наука, 783 с.
2. Кожев А. 2003. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 791 с.
3. Мотрошилова Н.В. 1984. Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма. М., Наука, 351 с.
4. Погоняйло А.Г. 2003. В дополнение к переводу. В кн.: Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 760–791.

References

1. Akhutin A.V. 2007. Antichnye nachala filosofii [Antique principles of philosophy]. SPb., Publ. Nauka, 783 p.
2. Kozhev Aleksandr. 2003. Vvedenie v chtenie Gegelya [Introduction to Hegel's reading]. SPb., Publ. Nauka, 791 p.
3. Motroshilova N.V. 1984. Put Gegelya k «Nauke logiki». Formirovanie rinczipov sistemnosti i istorizma [Hegel's path to the «Science of Logic». The formation of the principles of systematicism and historicism]. M., Publ. Nauka, 351 p.
4. Pogonyajlo A.G. 2003. V dopolnenie k perevodu [In addition to translation]. In: Kozhev Aleksandr. Vvedenie v chtenie Gegelya. SPb., Publ. Nauka, 760–791.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Возняк Владимир Степанович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии им. профессора В.Г. Скотного Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко, г. Дрогобыч, Украина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voznyak Vladimir Stepanovich, doctor of philosophy, Professor, head of the Department of philosophy named after Professor Valery Grigoryevich Skotny Drohobych state pedagogical University named after Ivan Franko, Drohobych, Ukraine

УДК 101.8; 165.2
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-400-410

Гегель о философской потребности и философская потребность его времени

Иващук О.Ф.
Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ (РАНХиГС)
Россия, Москва, проспект Вернадского, 82-84, строение 2
E-mail: ofi@list.ru

Аннотация. Автор анализирует социальный контекст и основные линии полемики того интеллектуального поля, в котором появились первые публикации Гегеля. Социогенетический метод анализа позволяет обосновать гомологии между силами в социально-экономическом пространстве с одной стороны, и в пространстве современной Гегелю интеллектуальной жизни, в котором происходило рождение высших достижений немецкой классической философии, с другой стороны. Формирование мирового рынка и национальных европейских государств в качестве институциональной защиты внутренних локусов товарного производства породило специфические интеллектуальные задачи, успешное решение которых обосновывается в качестве необходимого условия сохранения культуры, открывшейся рынку, и ее успеха в рыночной игре. Гегелевская философия выступает в этом контексте как наиболее релевантный ответ на этот запрос, ответ, ставший существенным моментом цивилизационного прорыва отстающей культуры. В этом и заключалась хорошо осознаваемая им философская потребность его времени.

Ключевые слова*:* ценообразующий рынок, национальное государство, философское поле, гомологии, трансцендентализм, scholastic fallacy, плюриверсум.

Для цитирования: Иващук О.Ф. 2020. Гегель о философской потребности и философская потребность его времени. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 400–410. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-400-410

Hegel about the philosophical need and the philosophical need of his time

Olga F. Ivashchuk
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Building 2, 82-84, Vernadsky prospect, Moscow, Rucssia
E-mail: ofi@list.ru

Abstract. The author analyzes the social context and main lines of polemics of the intellectual field in which Hegel's first publication appeared. The sociogenetic method of analysis allows us to establish homologies between forces in social and economic space, on the one hand, and, on the other hand, in the space of contemporary to Hegel intellectual life, where the highest achievements of German classical philosophy were born. The formation of the world market and national European states as the institutional protection of the internal loci of commodity production gave rise to specific intellectual tasks, the successful solution of which is substantiated as an essential component of the preservation of the culture that opened the market and its success in the market game. Hegelian philosophy, starting with his first significant publications, appears in this context as the most relevant response to this request, the response which has become an essential moment of the civilizational breakthrough of a lagging culture. That was namely the well-understood by him philosophical need of his time.

Key words*:* pricing market, nation state, philosophical field, homology, transcendentalism, scholastic fallacy, pluriversum.

For citation: Ivashchuk O.F. 2020. Hegel about the philosophical need and the philosophical need of his time. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 400–410 (in Russian). DOI 10.18413 /2712-746X-2020-44-3-400-410

Введение

Вероятно, не было во всей истории философии такого мыслителя, наследие которого вызывало бы столь противоречивое к себе отношение, как Гегель, который неизменно притягивал толкователей противоположных направлений. Что-то такое он «выпустил из несуществования» [Хайдеггер, 1993а, с. 224], став «виновником» «раскрытия потаенности», которое ему вменяется весьма многообразными способами. Среди этих способов есть жесткие обвинения в самом узком смысле, и порой чем больше Гегель притягивал, тем резче звучали обвинения в его адрес. Поскольку, как показал Хайдеггер, именно в том, что сильнее всего «задевает», следует искать входа «внутрь» философии [Хайдеггер, 1993б, с. 113], то мы и попытаемся дать анализ того, что Гегелю предъявлено наиболее враждебной критикой, и сделать это началом путеводной нити, которая приведет нас к пониманию того, в чем состояла потребность, породившая гегелевскую философию, и того, как он сам понимал «философскую потребность» [Hegel 1981, p. 24][1], на которую отвечал.

В чем провинился Гегель?

Весь спектр упреков, высказанных в разное время в адрес Гегеля, вероятно, невозможно охватить в статье, но он, как показывает В. Серф [Serf, 1977], с которым мы в этом солидарны, размещается между двумя полюсами, и их здесь можно кратко обрисовать. Это, с одной стороны, аналитически и сциентистски ориентированная философия, которая отвергла идею логики нового типа, с другой стороны – ее известный антипод, антисциентистски ориентированная экзистенциальная философия.

Образец критики первого типа – К. Поппер. Он обвиняет Гегеля в том, что тот, опираясь на тождество противоположностей, обосновывает такой коллективизм, который поглощает человеческую индивидуальность, подчиняет ее тотальности государства, «платным агентом» которого выступает рвущийся к власти Гегель [Поппер, 1992, с. 43]. Образец критики второго типа среди наиболее бескомпромиссных вариантов мы находим, например, у Э. Фёгеллина. Здесь гегелевское тождество выступает как притязание примирить извечную разорванность человеческой экзистенции (покушаться на эту разорванность все равно что «уничтожать гуманистичность человека») [Фёгелин, 1973, с. 80], а выдвигающий его Гегель выдает себя за нового Мессию и с помощью магических заклинаний «намеревается достичь господства как колдун, который будет заклинать идола истории – видимость, дух – с целью заслонить историю, творимую Богом» [Фёгелин, 1973, с. 78].

При всей несхожести отправных позиций этой критики, структурное сходство обвинений очевидно: Гегель стремится к власти (политической и / или религиозно-мессианской) и для этого хочет выдать чародейство / мистику (которую изобличает самопротиворечивость его построений) за науку, приписывая человеку и его мышлению завышенные возможности: возможность логически мыслить, нарушая закон запрета противоречия, или возможность соединить несоединимое с помощью противоречия, объявленного законом высшей логики. Таким образом, главным предметом критики является гегелев-

[1] Удивительным образом параграф «Философская потребность» отсутствует в русском переводе гегелевского эссе «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале 19-го столетия» [Гегель, 1988].

ское развенчание запрета противоречия как высшей логической формы, которое толкуется как подтасовка, мотивированная стремлением к власти.

Попытки проверить состоятельность этой обвинительной конструкции многочисленны и свидетельствуют не в ее пользу. С одной стороны, сама внутренняя эволюция аналитической философии оборачивается в XX веке удивительным результатом: разрабатывая свои теоретические проблемы, аналитическая философия обнаружила себя конвергирующей с гегельянством [Giladi, 1917; Redding, 2010; Redding, 2019]. И это значит, она развивалась в русле логики, обоснованной Гегелем, в предсказанном им направлении, и она сама обнаружила это, достигнув достаточной зрелости.

Существуют и скрупулезные исследования гегелевских текстов, специально направленные на проверку предположений К. Поппера и других об авторитаризме гегелевской философии. Они показывают, что авторитаризм не имеет ничего общего ни с политическими симпатиями Гегеля, ни с его теоретическими импликациями [Baumann, 2018].

Тем не менее, обрисованные установки сохраняются в сообществе в качестве само собой разумеющегося положения дел. И такая – патовая – ситуация указывает, что здесь требуется анализ особого типа, который способен поставить под вопрос данный паттерн «само собой разумеющегося», выявить и нейтрализовать то, что превращает его в молчаливо принимаемую и устойчиво воспроизводимую господствующую установку. Всякий механизм навязывания каких-то диспозиций, в том числе теоретических, в качестве квазиприродных, естественных, единственно возможных, является и механизмом вытеснения иного способа мыслить. Поэтому анализ, чтобы вскрыть эти механизмы и восстановить изжитые ими возможности, должен быть социогенетическим [Бурдье, 2016]. Нижеследующее представляет собой попытку такового.

Социогенетический анализ гегелевской философии

А) В какой философии нуждалась Германия начала XIX века?

Чтобы представить себе обстоятельства, в которых рождалась гегелевская философия, эта сложная до странности «интеллектуальная акробатика», достаточно вспомнить, что к этому времени английские *bourgeois* уж примерно полтора века двигали свою страну по пути активного промышленного и рыночного развития, французские *citoyens* более десяти лет назад совершили свою Великую революцию, а ставший консулом Наполеон стремился обеспечить французской промышленной и финансовой буржуазии первенство на европейском рынке, проводя в стране реформы, закреплявшие завоевания революции. Германия ко времени вторжения Наполеона в германские земли (1892 г) все еще оставалась задворками Европы и оказалась слишком слабой и административно, и экономически даже для того, чтобы оказать сопротивление французской оккупации. Ее землевладельцы уже не были в силах воспроизвести себя и свой образ жизни и вынуждены были перезакладывать имения и искать государственной службы для прожитка.

Достаточно представительной фигурой юнкера тех лет был барон Г. фон Штайн [Каринский, 1903], который обучался юриспруденциии и изучал английскую историю в Геттингене. Нужда в средствах для жизни побудила его искать пути реформирования текущей ситуации, а знатность рода позволила занять достаточно высокое административное положение, чтобы последовательно и успешно бороться за осуществление своих замыслов. В число последних входило освобождение крестьян от крепостной зависимости, наделение их землей, разделение общинных земель и государственная охрана прав собственников, налоговая реформа, способствующая формированию внутреннего рынка и институционально защищенного рыночного производства.

Рыночное производство в Европе к концу XVIII в. уже достигло таких масштабов, что ему не существовало альтернатив: каждая культура, вступающая в контакт со странами, уже направившимися по индустриально-капиталистическому пути, просто вынуждена

была, чтобы вообще сохраниться, специфический для нее способ производства человека переплавить в рыночный. Так возникает всемирный рынок современного типа, рынок *laissez-faire*. Это прежде всего означает коммодификацию всех факторов производства (в том числе тех, которые К. Поланьи называет «фиктивными товарами» [Поланьи 2007, с. 87] – это деньги, труд и земля, а К. Маркс – моментами производственного отношения: субъектом-организатором общественного производства (который зависит от стоимости денег), субъектом-непосредственным производителем (собственником рабочей силы) и природой [Маркс 1962, с. 354]). Сможет ли при этом рынок функционировать производительно или произойдет удушение производства (и субъектности культуры) рынком – зависит от того, защищают ли культурные институции от буквализма коммодификации самих субъектов производственного отношения, позволяя им воспроизводиться.

Как показывает исторический опыт, наиболее эффективным интегратором всех трех направлений защиты воспроизводства является национальное бюрократическое (не династическое) государство, поэтому такое государство и рынок возникают одновременно и друг без друга невозможны. При этом типической особенностью трансформаций такого рода является то, что представители уходящего уклада играют в них характерную роль: они, сопротивляясь развертыванию рыночно-городских процессов, пытаются организовать защиты собственных позиций и населения с помощью социальных мер, наподобие «хлебных законов» в Англии. Такие процессы амбивалентны, поскольку, с одной стороны, помогают выжить беднейшим, замедляя слишком стремительный подрыв их жизненных условий, с другой – не дают им достойно заработать на жизнь, вызывая деградацию и инфантилизацию населения и производственный коллапс. Парадигматическим примером таких консервативных защит является описанный К. Поланьи Спинхемлэнд [Поланьи 1992].

Фридрих Вильгельм III, прусский король, призвавший к себе Г. фон Штайна в качестве премьер-министра, хотя периодически и отправлял его в отставку за реформаторскую отвагу, все же был вынужден под давлением международной конкуренции, в особенности со стороны Франции, оккупировавшей почти всю Германию, следовать советам Штайна. Видимо, только угроза полной потери суверенитета вынудила его принять позицию Штайна и сдвинуть баланс противостояния в пользу набравшей уже обороты и принявшей военную форму межнациональной рыночной конкуренции против изживших себя и тормозящих выработку адекватных ответов на эти вызовы сил, связанных с ретроградными, сеньориальными, спинхемлэнд-тенденциями. В итоге в 1807 г. указ об отмене крепостного права был утвержден, причем, по настоянию Штайна, для всей территории государства, а не для востока Пруссии, как планировали первоначально. Так, шаг за шагом, Пруссия, которая начала создавать себе пространство интенсивного капиталистического развития, становилась надеждой всех немцев.

При этом Германия не просто отдала себя на милость носителей прогресса: так она бы только позволила себя колонизировать. Даже самые прогрессивно, либерально и франкофильски настроенные немцы (кто, подобно Гегелю или Бетховену видел в Наполеоне героя) быстро убедились, что въезд в страну этой идеи мировой истории на белом коне ничего, кроме расстройства жизни и подчинения завоеванной страны, не несет, и что единственный способ быть на высоте прогресса – не принять подчиненный статус, а найти способ противостоять господству. Без превращения собственного государства в орудие реформ это было бы невозможно.

Но сделать это было непросто, поскольку надлежало уйти и от Сциллы сеньориального и спинхемлэнд-ориентированного мышления, которое было исходным у тех, кто имел доступ к ключевым формирующим позициям, и от Харибды прямого взаимодействия с развитым рынком.

Так Германия и нащупывала оптимальный в сложившихся условиях путь успешного выхода на мировой рынок в качестве притязающего на равенство игрока.

Оптимальной стратегией борьбы в данных условиях является попытка не просто занять место сильного (это невозможно), но оспорить сам порядок мира с единственным центром господства в пользу плюриверсального [Элиас, 2001]. Это позволяет противодействовать унифицирующим стратегиям, которые пытается навязать лидер рынка, и приводит к возникновению в сознании сопротивляющейся культуры различия цивилизации как чужой, формальной, формы, олицетворяемой лидером (экспансии которого выгодна сдвигаемая или открытая граница), и культуры, т.е. формы, выросшей на собственной почве (eigentlich) и имеющей свою четкую границу и особенность.

Экспансия лидера стремится навязать культурно-безотносительный, т.е. индивидуалистический, образ мыслей и подчиняемым, поскольку принятие соперником этих правил игры лишает его символических опор для выработки коллективного сопротивления и делает легитимным выигрыш лидера. Точкой зрения господства, как показывает П.Бурдье, вообще является точка зрения одиночного Cogito [Бурдье, 2001], поскольку она содержит трудно выявляемую ошибку, которую П. Бурдье называет scholastic fallacy. Последняя состоит в том, что сеньориально настроенный теоретик, располагающий досугом, приписывает то же состояние и свои интересы тем, кто погружен в недосуг [Бурдье 2019]. Она и является инструментом навязывания определенных форм мышления и поведения – тех, которые поддерживают господство единственного субъекта, объективируя всех остальных. Это непризнание субъективности других достигается вытеснением из зоны видимости альтернативных способов vision et division, тем самым актуальное господство легитимируется, превращается в «естественное», а способы его оспорить – в недоступные.

Вот почему плоско-эмпирическое воззрение на мир и науку, связанное с точкой зрения одинокого индивида, возобладало в английском и французском Просвещении, представителю которого трудно было бы даже объяснить, в чем различие цивилизации и культуры, но в немецкой культуре оценивалось как если и неизбежное, то все же сугубо вторичное и опосредствованное, что надо обезвредить, чтобы «из смерти и заката ложной науки и абстрактных теорий в Германии могла скорее прорасти истинная Наука и Метафизика» [Шеллинг, 2009, с. 465].

Описанные процессы радикального переустройства, смены основания социального развития и были той волшебной ретортой, в которой родилась «потребность в философии», а затем и сама эта невиданная и ставшая мировой вершиной философия, которой в символической борьбе и надлежало преодолеть scholastic fallacy, чтобы вооружить свою культуру одновременно не только против рыночно-цивилизационной экспансии, но и против того, что В. Зомбарт называет сеньориальным образом мыслей [Зомбарт 2005, с. 37, 147 и далее], которой надлежало оказывать этому образу мыслей систематическое противодействие[1], культивируя предпринимательский, инновативный дух.

Самостоятельная продуктивность, свобода творческой субъективности, ее условия возможности – вот что должно было выдвинуться на первый план в духовной жизни. Причем условия эти отыскивались не только в ментальном пространстве одинокого субъекта, но и в пространстве межсубъективном, социально-институциональном.

Б) Гегелевский ответ на философскую потребность

Первым шагом к институциональным преобразованиям в описанном направлении было развертывание Cogito в трансцендентальную субъективность. Но от Cogito ее отличает только абстрактно-всеобщий характер, при котором сверхиндивидуальные характеристики человека моделируются все же по образу индивида («яйность» вместо «я»). Поэтому есть все основания квалифицировать ее, как это делает и П. Бурдье [2019, с. 294],

[1] «Что всегда сокрушало предпринимательский дух, без которого не может существовать дух капиталистический, – это измельчание в сытое рантьерство или усвоение сеньориальных замашек» [Зомбарт 2005, с. 434].

как разновидность scholastic fallacy. Чтобы отличить ее от первой, наивной версии, Бурдье вслед за американской социологией называет их как RAT (rational activity theory) и CAT (collective activity theory).

В обеих версиях cogito-ориентированная организация человеческого мира превращает его в процесс по преимуществу познавательно детерминированный, где одинокому мыслящему индивиду, умеющему «пользоваться собственным умом» [Кант 1966, с. 27], может противостоять и им признаваться лишь полагаемый им объект, в котором все исчислимо, и теория, помимо такого исчисления, не видит за собой иных возможностей и обязанностей, вытесняя все прочее в область веры. О вере и знании Гегель будет рассуждать в работе, которая так и называется, «Вера и знание», и которая была второй по счету публикацией Гегеля в «Критическом журнале философии», который они издавали вдвоем с Шеллингом.

Но каким же должно быть надлежащее, соответствующее вызовам времени, решение проблемы соотношения субъекта и объекта? На уяснение этого, прежде всего самому себе, была направлена уже самая первая крупная публикация в этом же журнале – эссе «Различия философских систем Фихте и Шеллинга». И здесь очевидно, что для Гегеля, как и для всей его культуры, углубление в этот по виду отвлеченно гносеологический вопрос имеет прямое экзистенциальное значение, как вопрос выживания, ведь «философия порождается своим временем… только для того, чтобы вопреки разрушениям века восстановить человека из себя» [Гегель, 1990, с. 146].

Субъект-объектное отношение в сознании самих теоретиков этого времени является прежде всего проблемой контроля господства и правильной организации межиндивидуальных связей. И Гегель, взявшись решать эту проблему, стремится обосновать такую общность, где обе противоположности были бы равно реальными, что означает: чтобы объект мог переходить в субъект [Гегель, 1989, с. 131], в противном случае свобода и самоопределяемость господствующего субъекта оказываются лишь иллюзией и неявным дуализмом, зависимостью от неизвестного и произволом [Гегель, 1989, с. 129].

Разум, конечно, «может попытаться решить проблему так, что одно он уничтожает, одну из противоположностей, а другую возводит в бесконечность. Это, по сути, и произошло в Фихтевой системе», поскольку «В трансцендентальном «Я = Я» … одно является господствующим, другое — подчиненным, субъективное не равно объективному, а оба находятся в каузальном отношении. Одно оказывается зависимым, из двух сфер, свободы и необходимости, последняя подчинена первой. Таким образом, конец системы не отвечает своему началу» [Гегель, 1989, с. 143].

В итоге у Фихте мы имеем конструкцию полицейского государства, «государства бедствования (Notstaat)» [Гегель, 1989, с. 149], в котором «полиция довольно точно знает, где находится каждый ее гражданин в любое время дня и чем занимается» [Гегель 1989, с. 150]. Но «такой способ сохраняет противоположность, ибо то, что полагается как абсолютное, обусловливается другим, и пока существует одно, существует и другое» [Гегель 1988, с. 128].

Напротив, разумно устроенная «общность личности с другими должна рассматриваться поэтому существенно не как ограничение истинной свободы индивидуума, а как ее расширение. Самая высшая общность есть высшая свобода как власти, так и ее исполнения, – но именно в этой высшей общности как раз свобода как идеальный фактор и разум как противоположность природы совершенно отпадают» [Гегель 1989, с. 148]. Под идеальным фактором здесь имеется в виду свобода на стороне господства, чистого мышления Я = Я, а противоположность разума и природы возникает, когда «живое разрывается на понятие и материю и природа попадает в зависимость» [Гегель 1989, с. 148]. Такое «поношение» природы, в том числе нашей собственной, претит Гегелю с эстетической точки зрения, но он и сам понимает, что на шеллингианский манер выразить «презрение» этой

«рассудочной сущности господства» [Гегель 1989, с. 156] совершенно недостаточно. Необходимо идти дальше шеллингианского инструментария борьбы с нею.

Поэтому в следующей большой публикации, появившейся годом позже, в «Вере и знании» Гегель берется не просто за описание недостатков неудовлетворительного состояния умов, но, выделив фихтеанский трансценденталистский принцип как высшее напряжение «потребности в философии», как некий предел, «в рамках» которого «все остались… и не могли ему противостоять» [Гегель 1988, с. 152], и сделав его преодоление задачей, он прослеживает генезис этого принципа, узловые моменты которого он находит как противоположности, каковыми последовательно выступают учения Канта и Якоби. Их отчетливо проявленный характер экстремумов и противоположностей по отношению друг к другу позволяет ему заключить, что этот принцип имеет тенденцию преодоления себя самого изнутри и что он, реализовав свои предельно противоположные возможности, тем самым исчерпал их все и подготовил переход к более высокой и сложной жизненной форме.

Гегель, трансцендентализм и социоэкономическое поле: гомологии

Насколько такой поиск сложностей был насущным, можно попытаться понять, проведя гомологии между жизнью «узкого срединного слоя… без социального фундамента» (поскольку восхождение буржуазии к благосостоянию «в это время только начинается» [Элиас 2001, с. 83]), и тем, как его представители выражают и обосновывают свои устремления. Чтобы эти гомологии усмотреть, надо принять во внимание замечание Н. Элиаса: «Для сознания среднего сословия нет ничего более характерного, чем это выражение: "Двери на лестницу, ведущую вниз, должны оставаться закрытыми". Открыться должен путь наверх. Как и любой слой, находящийся посередине, этот слой оказывается в своего рода ловушке: он не может желать разрушения стен, мешающих ему подняться вверх, из страха, что падут и стены, отделяющие его от народа» [Элиас 2001, с. 74].

Наилучшим способом занять это срединное положение в символическом поле является тот именно принцип, с которым с первых же публикаций развернул борьбу Гегель, т.е. трансцендентализм: его достаточно, чтобы отграничить достоинство своей «культуры» от поверхностности аристократической «civilité», но недостаточно, брататься с низами, он, как и Bildung, который отсутствует равно у общеевропейской аристократии, и у трудящихся слоев, является «паролем узкого срединного слоя» [Элиас 2001, с. 83]. Возвышаясь над здравым смыслом, он держит закрытой дверь вниз. Но этот баланс, при всей характерной для немецкой специфики непроницаемости аристократического класса, создающей, казалось бы, большее напряжение между ним и восходящей буржуазией, чем между нею и низшими слоями, все же всегда создает искушение закрепиться (лучше априори) на месте сильного.

Таким образом, дистанцируясь от трансцендентализма и требуя преодоления установки однополярного господства, Гегель занимает наиболее левую позицию из возникших альтернатив. В 1802 году он ищет условий возможности пробиться к другому субъекту объективным средствами. А к 1807 году в «Феноменологии духа» построит для него – для всех как обязательную – образовательную лестницу.

Выше мы показали, что искушение занять единственный полюс господства является сеньориальным стремлением и предпосылкой легитимации действующих в одном направлении спинхемлэнд-образных и колонизирующих, то есть опасных, парализующих локальное производство, тенденций. Видимо, поэтому зайти так далеко, даже просто в

мысли, в направлении демократизации культуры, как Гегель, культуре дано не в любую эпоху, а только когда сеньориальные тенденции немедленно ставят ее перед лицом краха.

Заключение

Вот мы и нашли, в чем провинился Гегель: отвечая на потребность в такой философии, которая позволит консолидировать усилия культуры в направлении и защиты своей продуктивности, он распахнул ту самую дверь, которую старательно подпирали за собой стремящиеся институционально закрепить собственное господство его достигшие респектабельности современники и сегодняшние их потомки. Разоблачение трансценденталиализма как ущербной доктрины выдает *«самую тайную и самую общеизвестную из тайн (ведь ее охраной заняты все*)» [Бурдье 2001, с. 224], разрушает «*институционально* организованное и гарантированное неузнавание» [Бурдье 2001, с. 119] стремления восходящего класса к господству сеньориального типа, дорогостоящую коллективную работу по отладке легитимирующего это стремление символического оружия. Образовательная лестница наверх, которую Гегель, начиная с первых работ, устраивал для всех субъектов, оказавшихся внизу, угрожает самой структуре господства сеньориально-мандаринского типа, в которой институционально закреплено признание одного-единственного субъекта – господствующего. Сама сохранность этой структуры зависит от демонтажа или хотя бы сокрытия этой лестницы.

Лучший прием нейтрализации последствий гегелевских открытий в символической борьбе для хорошо институциализированных мандаринов – критиковать Гегеля за свои собственные прегрешения. Именно это мы и наблюдаем на обоих полюсах критики. Так, Поппер критикует поглощение индивида коллективной тотальностью, но ведь реальной мишенью этой критики является как раз трансценденталистская установка, CAT-разновидность scholastic fallacy, которую разделяет как раз Поппер, но не Гегель. В ней индивид действительно поглощен обществом, объективирован, нивелирован, потому что общество само является трансцендентальным и одиноким субъектом-супериндивидом. И то же верно для Фёгеллина, который, кипя возмущением, описывает… себя: колдовство воображения, которому надлежит оставаться тайной, и создание фиктивного «мира феноменов», как и эстетических фикций способности суждения, – это по части вполне классического трансценденталиализма кантовского образца, но не гегелевской имманентной предмету методологии, которая с помощью противоречия «снимает» или, на языке П. Бурдье, «объективирует» объективацию, полагая свой предмет как субъект и плюриверсум субъектов.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. 1988. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале 19-го столетия. Пер с нем. КАНТОВСКИЙ СБОРНИК. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 13, с. 148–174. (Hegel G.W.F. 1801. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie in Beziehung auf Reinholds Beytrage zur leichtern Obersicht des Zustands der Philosophie zu Anfang des neunzehnten jahrhunderts. Jena, Akademische Buchhandlung 1801).

2. Кант И. 1966. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? Пер. с нем. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., Мысль. 743 с. (Kant I. 1784. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? Berlinische Monthly 4 (1784), pp. 481-494)

3. Каринский Д. Д. 1890–1907. Штейн, Генрих-Фридрих-Карл. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.

4. Маркс К. 1962. Капитал. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть 2. Пер с нем. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25 Ч. 2. М.: Гос. изд-во политической литературы, 552 с. (Marx K. 1894. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Band 3: Der Gesamtprozess der kapitalistischen Produktion. Hrsg. von Engels, Marx-Engels-Werke, Band 25)

5. Шеллинг Ф.В.Й. 2009. О сущности немецкой науки. Пер. с нем. Отрывок из фрагмента незаконченной статьи Шеллинга «О сущности немецкой науки», 1807. И.Л. Фокин. Philosophus Teutonicus. Якоб Бёме: возвещение и путь немецкого идеализма. СПб., 2014. Приложение, 461-477. (Schelling F.W.J.1807. Uber das Wesen deutscher Wissenschaft. Aus dem handschriftlichen Nachlass 1807)

Список литературы

1. Бурдье П. 2016. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). Пер с франц. М., Дело. 720 с. (Bourdieu P. 2012. Sur l'État. Cours au Collège de France (1989-1992). Raisons d'AGIR \Seuil).

2. Бурдье П. 2001 г. Практический смысл. Пер с франц. СПб., Алетейя, 562 с. (Bourdieu P. 1980. Le Sens pratique. Les Éditions de Minuit, Paris).

3. Бурдье П. 2019. Экономическая антропология. Курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). Пер с франц. М., Изд. дом Дело РАНХиГС. 416 с (Bourdieu P. 2017. Anthropologie économique. Cours au Collège de France 1992-1993. Raisons d'AGIR \Seuil)

4. Зомбарт В. 2005. Буржуа. К истории духовного развития современного экономического человека. Пер с нем. Санкт-Петербург, «ВЛАДИМИР ДАЛЬ». 639 с. (Sombart, Werner. 1913. Der Bourgeois. München und Leipzig: Duncker & Humblot)

5. Поланьи К. 2002. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Пер. с англ. СПб., Алетейя. 320 с. (Polanyi, K. 1944. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. New York: Farrar & Rinehart)

6. Поланьи К. 2007. О вере в экономический детерминизм. В кн.: «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. Под общей ред. Р.М. Нуреева. Пер. с англ. М., ГУ-ВШЭ. 321с. (Polanyi K. 1947. On Belief inEconomic Determinism. Sociological Review, vol. 37, no. 1, pp. 96-112)

7. Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. М., Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 528 с. (Popper K.R. 1966. The Open Society And Its Enemy. Vol. 2. ROUTLEDGE and KEGAN PAUL London and Heniey)

8. Фегелин Э. 1973. О Гегеле – исследование чародейства. Отрывки из доклада на Первой Конференции Международного общества Изучения Времени, Обервольфах, 31 августа – 6 сентября 1969 года. Пер. с нем. ВОЛЬНОЕ СЛОВО Самиздат. Избранное. Документальная серия. Выпуск 9-10. ВЕЧЕ № 5. (Vögelin E. 1971. On Hegel — A Study in Sorcery. Studium Generale. Vol. 24 (1971), pp. 335-368)

9. Хайдеггер М. 1993. Вопрос о технике. Пер. с нем. В кн.: Хайдеггер М. Время и бытие. М., Республика, 447 с (Heidegger M. 1954. Die Frage nach der Technik// Die Künste im Technischen Zeitalter. München, Oldenbourg. pp.70-108).

10. Хайдеггер М. 1993. Что такое философия? Пер. с нем. // Вопросы философии. № 8. с.113-123. (Heidegger M. 1956. Was ist das - die Philosophie? Verlag Günter Neske, Pfulingen)

11. Элиас Н. 2001. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах запада. Пер. с нем. СПб., Университетская книга, 336 с. (Elias N. 1939. Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Bd. 1: Wandlungen des Verhaltens in den westlichen Oberschichten des Abendlandes. Basel, Haus zum Falken).

12. Baumann Ch. 2018. Was Hegel an Authoritarian Thinker? Reading Hegel's Philosophy of History on the Basis of his Metaphysics. Forthcoming in Archiv für Geschichte der Philosophie Vol. 2, 2021. (Submitted 11/2017; accepted for publication 9/2018). URL: https://www.academia.edu/38305339/Was_Hegel_an_Authoritarian_Thinker_Reading_Hegels_Philosophy_of_History_on_the_Basis_of_his_Metaphysics (Accessed 18 of June)

13. Giladi P. 2017. Hegel, Analytic Philosophy's Pharmakon. The European Legacy, 22:2, 185-198

14. Hegel G.W.F. 1981. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie in Beziehung auf Reinholds Beytrage zur leichtern Obersicht des Zustands der Philosophie zu Anfang des neunzehnten jahrhunderts. Verlag Philipp Reclam jun. Lepzig

15. Redding Paul. 2010. The Possibility of German Idealism after Analytic Philosophy: McDowell, Brandom and Beyond. Postanalytic and Metacontinental: Crossing Philosophical Divides, ed. Jack Reinolds et al. New York: Continuum, 191–202

16. Redding Paul. 2019. Rethinking Sellars' Myth of the Given: From the Epistemological to the Modal Relevance of Givenness in Kant and Hegel. International Journal of Philosophical Studies. Volume 27, 2019 - Issue 3: Hegel and Sellars. pp. 379-398

17. Serf W. 1977. Speculative Philosophy and Intellectual Intuition. An Introduction to Hegel's Essays. Hegel G.W.F. Faith & Knowledge. Translated by W. Serf and H.S. Harris. State University of New York Press, Albany

References

1. Burd'e P. 2016. O gosudarstve. Kurs lektsii v Kollezh de Frans (1989–1992). [About the state. Course of lectures at the Collège de France (1989-1992)]. Translated from the French. M., Delo. 720 p. (Bourdieu P. 2012. Sur l'État. Cours au Collège de France (1989–1992). Raisons d'AGIR \Seuil).

2. Burd'e P. 2001 g. Prakticheskii smysl. [Practical sense]. Translated from the French. SPb., Aleteiya, 562 p. (Bour-dieu P. 1980. Le Sens pratique. Les Éditions de Minuit, Paris).

3. Burd'e P. 2019. Ekonomicheskaya antropologiya. Kurs lektsii v Kollezh de Frans (1992–1993). [Economic anthropology. Course of lectures at the Collège de France (1992–1993)]. Translated from the French. M., Izd. dom Delo RANKhiGS. 416 s (Bourdieu P. 2017. Anthropolo-gie économique. Cours au Collège de France 1992-1993. Raisons d'AGIR \Seuil)

4. Zombart V. 2005. Burzhua. K istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka. [Bourgeois. On the history of the spiritual development of modern economic man]. Translation from German. Sankt-Peterburg, «VLADIMIR DAL"». 639 p. (Sombart, Werner. 1913. Der Bourgeois. München und Leipzig: Duncker & Humblot)

5. Polan'i K. 2002. Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni. [The great transformation: the political and economic origins of our time]. Translated from English. SPb., Aleteiya. 320 p. (Polanyi, K. 1944. The Great Transfor-mation: The Political and Economic Origins of Our Time. New York: Farrar & Rinehart)

6. Polan'i K. 2007. O vere v ekonomicheskii determinizm [On the belief in economic determinism]. In: «Velikaya transformatsiya» Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee ["The great transformation" by Karl Polanyi: past, present, future]. Ed. R.M. Nureeva. M., GU-VShE. 321 p. (Polanyi K. 1947. On Belief inEconomic Determinism. Sociological Re-view, vol. 37, no. 1, pp. 96-112)

7. Popper K. 1992. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vol. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly. [Open society and its enemies, Vol. 2: The time of false prophets: Gegel, Marx and other oracles]. Translated from English. M., Feniks, Mezhdunarodnyi fond «Kul'turnaya initsiativa». 528 p. (Popper K.R. 1966. The Open Society And Its Enemy. Vol. 2. ROUTLEDGE and KEGAN PAUL London and Heniey)

8. Fegelin E. 1973. O Gegele – issledovanie charodeistva. [On Hegel – a study of witchcraft]. Excerpts from a report at the First Conference of the International society for the Study of Time, Oberwolfach, 31 Aug-6 September 1969. Translation from German. VOL"NOE SLOVO Samizdat. Favourites. Documentary series. Issue 9-10. VEChE № 5 (Vögelin E. 1971. On Hegel — A Study in Sorcery. Studium Generale. Vol. 24 (1971), pp. 335-368)

9. Khaidegger M. 1993. Vopros o tekhnike. [Question about technology]. In: V kn.: Vremya i bytie. [Time and being: articles and speeches]. Translation from German. M., Respublika, 447 p (Heidegger M. 1954. Die Frage nach der Technik. Die Künste im Technischen Zeitalter. München, Oldenbourg. rr.70-108).

10. Khaidegger M. 1993. Chto takoe filosofiya? [What is philosophy?] Translation from German. Voprosy filosofii, 8: 113-123. (Heidegger M. 1956. Was ist das - die Philosophie? Verlag Günter Neske, Pfulingen)

11. Elias N. 2001. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya. Tom 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranakh zapada. [About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research. Vol. 1. Changes in the behavior of the upper layer of the laity in the West]. Translation from German. SPb., Universitetskaya kniga, 336 s. (Elias N. 1939. Über den Prozeß der Zivilisation. Sozi-ogenetische und psychogenetische

Untersuchungen. Bd. 1: Wandlungen des Verhaltens in den westlichen Oberschichten des Abendlandes. Basel, Haus zum Falken).

12. Baumann Ch. 2018. Was Hegel an Authoritarian Thinker? Reading Hegel's Philosophy of History on the Basis of his Metaphysics. Forthcoming in Archiv für Geschichte der Philosophie Vol. 2, 2021. (Submitted 11/2017; accepted for publication 9/2018). URL: https://www.academia.edu/38305339/Was_Hegel_an_Authoritarian_Thinker_Reading_Hegels_Philosophy_of_History_on_the_Basis_of_his_Metaphysics (Accessed 18 of June)

13. Giladi P. 2017. Hegel, Analytic Philosophy's Pharmakon. The European Legacy, 22:2, 185-198

14. Hegel G.W.F. 1981. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie in Beziehung auf Reinholds Beytrage zur leichtern Obersicht des Zustands der Philosophie zu Anfang des neunzehnten jahrhunderts. Verlag Philipp Reclam jun. Lepzig

15. Redding Paul. 2010. The Possibility of German Idealism after Analytic Philosophy: McDowell, Brandom and Beyond. Postanalytic and Metacontinental: Crossing Philosophical Divides, ed. Jack Reinolds et al. New York: Continuum, 191–202

16. Redding Paul. 2019. Rethinking Sellars' Myth of the Given: From the Epistemological to the Modal Relevance of Givenness in Kant and Hegel. International Journal of Philosophical Studies. Volume 27, 2019 - Issue 3: Hegel and Sellars. pp. 379-398

17. Serf W. 1977. Speculative Philosophy and Intellectual Intuition. An Introduction to Hegel's Essays. Hegel G.W.F. Faith & Knowledge. Translated by W. Serf and H.S. Harris. State University of New York Press, Albany

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иващук Ольга Федоровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии философско-социологического факультета Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ (РАНХиГС)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga F. Ivashchuk, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Faculty of Philosophy, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RASHP)

УДК 1 (091) + 17.024
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-411-419

Культурно-исторический смысл философии Гегеля

Лобастов Г.В.
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4
E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Логика Гегеля рассматривается автором как главное звено в его философии, имеющее объективное значение для культурно-исторического развития мышления, значение, выходящее далеко за рамки философии. Этим и утверждается объективный культурно-исторический смысл его философии. Задача конкретизирована анализом диалектической формы и демонстрацией ее истинности как метода. Сам метод понимается как деятельная способность, и тем самым смысл философии Гегеля сводится к удержанию в пространстве мыслительной культуры всеобщей диалектической формы, которая захватывает все содержание действительности и одновременно служит способом разворачивания внутренней логики этого содержания. Развернуто понятие истины как центральной проблемы философии и обоснована ее диалектическая форма, находящая свое выражение в логике Гегеля. Обоснована и утверждена мысль, что диалектическая логика Гегеля адекватно может быть постигнута только как развитие собственной мыслительной способности.

Ключевые слова: логика, диалектическая форма, способность, понятие, чистая форма, идея, истина, абсолютное, субъектность понятия; понятие и свобода.

Для цитирования: Лобастов Г.В. 2020. Культурно-исторический смысл философии Гегеля. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 411–419. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-411-419

The cultural and historical meaning of Hegel’s philosophy

Gennady V. Lobastov
Moscow Aviation Institute (National Research University)
4 Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russia
E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Annotation. In the article, Hegel’s logic is considered as the main link in his philosophy, which has an objective value for the cultural-historical development of thinking, a value that goes far beyond philosophy. The objective cultural-historical meaning of his philosophy affirms by this. The task is concretized by the analysis of the dialectical form and demonstration its truth as a method. The method itself is understood as active ability, and thus the meaning of Hegel’s philosophy comes down to retention in the space of mental culture of a universal dialectical form, which captures the entire content of reality and at the same time serves as a way to unfold the internal logic of this content. The concept of truth as a central problem of philosophy and its dialectical form is substantiated, which finds its expression in Hegel’s logic. The idea that dialectical Hegel’s logic can be adequately comprehended only as development own mental ability.

Key words: Hegel; philosophy; logics; dialectic form; ability; concept; pure form; idea; true; absolute; subjectivity concepts; concept and freedom.

For citation: Lobastov G.V. 2020. The cultural and historical meaning of Hegel’s philosophy. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 411–419 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-411-419

Введение

В исторической философской культуре есть фигуры, которые обойти нельзя и пройти мимо них тоже невозможно, – даже если они не стоят на пути, даже если о них ничего не знать: без них ощущение смысловой незавершенности будет сопровождать любое философское сознание, не лишенное критического внимания к действительности. Ни одно свое представление нельзя обосновать, не опираясь на суждения этих философов. Гегель – как раз одна из этих фигур, если не сказать первая.

Факт заключается в том, что эта опора на суждения исторической философии не обязательно сознательная. Мы не знаем, на чьих плечах стоим, когда производим математическую операцию два плюс два. Истинная философия разворачивает перед сознанием фундаментальные основания человеческого бытия – именно те, которые ни «обойти, ни пройти мимо» которых нельзя. Нельзя, потому как они даны в *пределах самой мысли*, не как эмпирические факты, на которые можно натолкнуться или которые можно знать по некоторым свидетельствам. Сегодня слышим, что Маркс-де не знал того, что история показывает сегодня, и потому его теория исчерпала себя содержанием классического капитализма и т.д. И говорят это будто бы люди неглупые, но шустрость их ума, легко показать, не выходит за рамки эмпирической методологии. Они из тех, кто «жонглирует» фактами. Неслучайно потому возникла проблема самого факта.

Но форму теоретического мышления из самих фактов не выведешь, это показано всем историческим развитием философии, и Кант на этом поставил точку. Обосновав невыводимость всеобщих и необходимых определений из содержания опыта. Гегелевская логика в полной мере это обстоятельство учла и показала, что ее форма тождественна содержанию, что мысль только воспроизводит это содержание. Как она это делает – показано движением всех категорий логики Гегеля. Все действительное содержание находится в пределах мысли. А пределы мысли разворачивают диапазон всех возможностей этого действительного содержания. Движение же самой мысли в ее предельных формах замкнуто в диапазон от тождества до противоречия. Потому мысль захватывает полноту бытия. Включая самое себя. Поэтому логика всегда есть движение от начала предмета к его полному осуществлению. Следовательно, к абсолютной истине.

В мире есть вещи, бытие которых, как нынче могли бы сказать, самодостаточно. Они укоренены в абсолютном, в них – точка отсчета любого формообразования в мире, и даже неопытный глаз чувствует в них таинственную глубину мировых начал. Истинная красота не требует адвоката, религиозному сознанию не надо доказывать бытие бога.

1. Истина и диалектико-логическая форма

Но в этом мире оспаривается все – даже истина. Истина даже в своей обоснованной форме. И есть силы, способные истину представить противоположным смыслом. Хотя, казалось бы, именно истина есть единственное, что прочно удерживает в себе абсолютное содержание и обнаруживает себя своим собственным объективным бытием. И потому, кажется, не нуждается в обоснованиях и доказательствах.

Ибо есть вещи, которые своим бытием в полной мере выражают свою сущность. Это и есть истина, данная в самом объективно-реальном бытии. Истинная вещь. Истинная форма бытия. Через которую непосредственно «светится» ее сущность. Где сущность совпадает с очевидностью. Для чего нет иной меры, кроме самой себя. И что служит мерой для всего другого. Как шар в геометрии есть мера любого реального пространственного тела округлой формы. Как человек в пространстве общественной культурно-исторической действительности. Ибо в исторической действительности все прочие меры носят преходящий характер, или иначе, снимаемый мерой человека, его человечности. И потому эта мера должна быть дана сознанию.

Но действительность обнаруживает себя далеко не только в истинных формах. Она может проявляться и в формах изломанно-изуродованных, более того, сами эти формы могут представлять себя содержательными моментами самой этой действительности. А потому иметь и свою определенную этими формами меру. Эмпирический метод познания относительности этой меры легко придает всеобщий характер. Это и служит основанием для утверждения *относительности истины*. В этих обстоятельствах и вязнет любая эмпирическая методология.

Логическая форма – в любом ее образе, не обязательно гегелевском, – всегда устойчивее фактической стороны дела, и именно потому, что ею факты *снимаются*. Потому, по мнению самого Маркса, метод, который он использует при исследовании буржуазного общества, сохраняет себя в анализах любого исторического содержания. Метод живет как всеобщая форма и за рамками содержания XIX века.

Чтобы отсечь возможность обвинения в некоем идеализме (ибо снять в понятии не значит снять в действительности), напомню, что понятие для Гегеля есть истинный субъект, вне которого история не совершает ни одного своего дела. Идея, по Марксу, становится материальной силой, когда овладевает массами. Однако абстрактной идеи недостаточно, идея должна быть развернута в понятии. Которым овладеть несколько сложнее, чем выразить некую интенцию потребности и действия. Понятие становится внутренним определением субъекта, субъект определяется в действительности через ее понятие.

Весь выявленный историческим философским познанием состав категорий суть диалектические моменты движения действительного содержания. И философскому сознанию не должно казаться, что изменчивая форма бытия не содержит в себе абсолютной основы. Один из тех, кого *философское мышление обойти не может*, Гераклит, в движении увидел покой, в изменении – неизменность, в противоречии – тождество.

И эти формы не просто кажущиеся, явившиеся только сознанию, но объективно сущие и претендующие на статус определяющих мышление форм, а потому и на истину. А истина, если она не находит своего основания в абсолютном, то она и не есть истина. Сегодняшнее сознание философии это фундаментальное обстоятельство не только не берет во внимание, но легко его обходит и даже агрессивно пытается проблему истины вывести за рамки своих анализов как «неистинную». Так что легко снимается в начале статьи высказанное положение о невозможности в философии обойти некоторые фигуры: обходят и даже не оглядываются, а Гегеля, может быть, в первую очередь.

Правда, Гегель – не та фигура, которая нуждается в адвокатах. Но некоторые прояснения смысла его философии внутри контекста современных философских концепций (и не только философских, на диалектическую форму гегелевской логики наталкивается любая наука) оправдывается самим объективным значением его логики. Гегель ведь дискредитируется не некими «ужимками ума», а построением таких концепций, где истина низведена до уровня сиюминутно значащих в том или другом отношении представлений, на которые опирается сознание и некое социальное действие. Истина предстает как сама по себе ничего не значащая конструкция, за которой не лежит никакого денотата. Это – в прямую противоположность гегелевской философии, которая обосновывает онтологический характер истины. Характер объективный, имеющий значение в составе самого бытия, – как особая форма бытийного содержания, абсолютно укорененная в абсолютном, и потому объективно различающая себя от преходящих, зависимых, внешне определенных форм самой действительности.

Любое утверждение отсутствия истины, как это делается, например, в постмодернизме, утверждается как истина – иначе было бы бессмысленно вообще что-либо утверждать. Таким образом можно оправдать и оправдывается многообразие философских представлений (систем), каждая из которых претендует на выражение истины. Гегель говорит: «Те, которые полагают, что они что-то сказали этим названием (философией – *Г.Л.*), могут тем легче проклинать или благословлять многие философские учения, чем

больше они склонны смотреть, как на свет солнца, не только на каждое скопище звезд, но и на каждое мигание свечки, или, иначе говоря, готовы провозглашать *философией* всякую популяризаторскую болтовню и воспользоваться этим, по крайней мере, для доказательства того, что существует так много систем философии и ежедневно одна вытесняет другую» [Гегель, 1993, с. 102].

Абсолютное же содержание схватывается только через противоположность бытия и небытия. Потому логика и обязана в своем развитии удерживать именно это противоположение и все особенности их, бытия и небытия, перехода друг в друга. В реально-действительном бытии, казалось бы, сама истина превращается в свою противоположность, когда чистая форма «разрушается», когда порядок превращается в хаос, а «из хаоса образуется порядок», когда единичная изломанность оказывается основанием и началом бытия «прекрасной» формы, когда сама красота оборачивается злом, когда зло превращается в благо.

Но здесь не только кажимость, здесь логика движения самой истины: истина не обособлена от своей противоположности, но, именно как истина, снимает свою противоположность в себе. Ясно, что мыслящему сознанию, привыкшему к рассудочной упорядоченности, не так легко удерживать себя в движении этих взаимоопределений.

Гегель уловил в этом «мутном потоке» действительности и ее отражений в сознании устойчивые формы. Принявший в себя все идеи Гераклита, Гегель в историческом движении сменяющихся форм, в переплетении причинности и исторической свободы, увидел логический порядок его внутренней формы. И показал внутреннюю подвижность, изменчивость этой устойчивой логической формы.

Потому логическая форма, представленная Гегелем, выглядит весьма необычно. Попробуйте увидеть в ней то, что традиционно излагалось и излагается в логических трактатах! Но неискушенному в философии сознанию только в «Субъективной логике» Гегеля увидится собственно логическое содержание. Разумеется, любую объективно представленную вещь легко разложить на составляющие ее части, и можно не в одной из них не увидеть целого. Это историками философии легко делается с любой философской системой. Попробуйте усмотреть в «Философии истории», в «Политических произведениях», в «Философии духа», в «Эстетике» и т.д. логику Гегеля! А в «Капитале» Маркса его метод?

Логическая форма – как форма движения самого содержания. Увидеть в этой логике что-то похожее на традиционную ее форму просто немыслимо. Хотя ведь и кажется, что в субъективной логике Гегель воспроизвел все основные формы мышления, как они прописаны со времен Аристотеля. В сфере бытия и сущности идет такая связь взаимоопределений и переходов, что может показаться сплошной мистикой. Система логики, – пишет Гегель, – это царство теней, мир простых сущностей, освобожденных от всякой чувственной конкретности» [Гегель, 1970, с. 113]. Но попытайтесь удержать вниманием это движение, и будет понятна мысль Гегеля, что изучение этой логики приучает «вращаться в абстракциях и двигаться вперед с помощью понятий без чувственных субстратов, становится бессознательной мощью, способностью вбирать в себя все остальное многообразие знаний и наук в разумную форму, схватывать и удерживать их суть» [Гегель, 1970, с. 113]. Эта «мистика» выражает движение нашей субъективности в объективном материале, вхождение мысли, нашего сознания в действительность, обнаружение самим этим сознанием, что это движение и есть движение самой действительности.

Здесь тождество бытия и мышления, действительности и мысли (идеи). Для Гегеля мысль – это как раз определение самой действительности, это форма внутренней взаимосвязи определений содержания в его развитии, – что и предстает формой движения человеческой субъективности.

Понять гегелевскую логическую идею можно только как воссоздание вместе с Гегелем формы внутреннего движения содержания. А истинная форма есть тождество явления и сущности, возможности и действительности, объективного и субъективного, содер-

жания и формы, свободы и необходимости и т.д. Всего известного ряда категорий. Говоря языком Гегеля, истинная мысль в своем движении следует выражающим ее моментам развивающейся идеи.

Да, во всех попытках дискредитировать философию Гегеля есть нечто недопонятое. Более определенно – недопонято именно зерно его философии. Мировая философская критика, естественно, за два века уже успела указать на все пороки его философии и, одновременно, на все его достоинства, и нет необходимости все эти позиции воспроизводить. Они захватывают диапазон от полного согласия до полного отрицания. Достаточно указать на И. Ильина и М. Хайдеггера.

И может показаться, что любая апология Гегеля с необходимостью находится внутри этого диапазона. И с этим спорить сложно. Но дело не в этом. И даже не в том, что содержательно нельзя не повторить массы тех суждений о философии Гегеля, которые в мировой философской культуре о нем высказаны: это необходимое следствие исторического культурно-философского процесса, в котором присутствует не только принцип кантианской критики оснований выдвигаемых позиций (парадигм, сказали бы сегодня), но и уже ставшее бессознательным, в этой критике отшлифованным, движение самих критикуемых форм. Гегель – так или иначе, – но уже вошел в способ нашего мышления и утонул в его бессознательных формах, – утонул настолько, что и психология бессознательного его там уловить не может. Что и понятно: извлечь из нашего субъективного содержания описанные Гегелем формы можно только с помощью его же логики. Однако там, где мышление хотя бы чуть-чуть совпадает с объективным движением мыслимого содержания, в этой же мере оно совпадает и с логикой Гегеля.

Все, что Гегель выявил и представил в сознательных формах, открыто-доступных человечеству, остается за рамками сознания. Это совсем не противоречит только что высказанному суждению о присутствии в духовной культуре гегелевского способа мышления. Ибо это *логическое содержание объективно*, но существует как *действенная форма бессознательной человеческой субъективности.*

Гегелевская философия требует принципиального понимания, понимания ее *принципа*, тогда она приобретает реально-действенный – и не только теоретический, но и практический – характер. Вряд ли будет умным опереться, скажем, на состав субъективной логики Гегеля, не сняв своей способностью логику бытия и сущности. Как угодно ссылайтесь на Гегеля, но, если в своем исследовательском движении вы не воспроизведете, не выразите своим движением всеобщую форму гегелевской логики, ни своего ума, ни объективной истины вы не обнаружите.

А что это значит – выразить и воспроизвести логику Гегеля? Если одним словом, то выразить предмет в его истине, во всех его категориальных определениях.

Гегель именно категории видит в качестве всеобщих закономерностей бытия мировой действительности. В этом отношении Гегель действительно панлогист, ибо утверждает тождество логических форм и форм бытийных. И столь же отчетливый спинозист, потому как его логика и есть выражение бытия «божественного» духа. Его логика универсальна, и предельные определения ее форм захватывают любое содержание, ибо понятие обязано выразить всю полноту содержания, и она, эта логика, выражает внутреннюю форму этого содержания, логику развития и бытия вещи. Но и Гегель – материалист: субъективная сфера понятия у него с необходимостью порождается диалектикой бытия, диалектикой, «выворачивающей» его сущность, и оборачивающейся понятием. В котором как раз бытие в его сущностных определениях и представлено. Скажете, это не есть отражение?

Именно отражение, но только не в тех примитивных формах, которые рисует нам столь же примитивный догматический (вульгарный, прагматический, позитивистский) материализм, изготовляемый для примитивной педагогики высшей школы.

2. Разум и действительность

Еще предстоит войти в ту культуру мысли, которая так четко и даже лаконично выражена в логических произведениях Гегеля. Но и самому автору было понятно, как далека действительность от разумного бытия, от самой способности войти в истину. Казалось бы, здесь противоречие: у Гегеля ясно прочитывается мысль, что все действительное разумно, а я допускаю как будто нелепое утверждение, что действительность еще далека от разума. Да и приписываю это представление самому Гегелю.

Здесь, однако, требуется не забыть, что и все разумное действительно. Диалектику этих моментов мышление должно удержать, и только тогда оно не выпадет в односторонность своего суждения. И если еще мыслящее мышление увидит в логике Гегеля завершенную в себе систему от бытия и ничто до абсолютной идеи, удерживающей в себе полноту определений всего состава действительности, то будет понятна и мысль, что *в каждой точке бытия* осуществляется, как процесс и как сохраняющая себя конкретно-устойчивая форма, *вся полнота логических определений*. Это, может быть, нелегко понять, но понять надо. Что возможно, только пройдя школу Гегеля.

Мощь ума, которую мир с самого начала признал в Гегеле, – увы! – осталась за рамками истории. Но не будет умным думать, что его диалектика, через Маркса и Ленина врезавшись в действительное бытие, обнаружила свою немощь. Скорее мир обнаружил свое бессилие удержать эту диалектику. Приземленность полуживотных мотивов эмпирического бытия и чистый разум кажутся мало совместимыми даже опосредствованным образом. Прагматичность настроений, нищета и богатство создали ситуацию, в которой не до высоких смыслов и соответствующих им идеалов, – разум едва успевает, если успевает, отразить и удержать то, что делается самой историей. Сова Минервы остается в сумерках. Более того, разум далеко не всегда понимает свой собственный продукт, свою собственную историю. Разум и действительность тождественны, но тождественны как противоположности. И реальное бытие содержит в себе этот момент истины, и содержит в реально-объективной форме, на которую действительное историческое развитие бессознательно опирается. Вывести бессознательную форму движения разума в форму самосознающего разумного бытия и есть смысл истории.

В логике выражено историческое развитие человеческого духа, объективный исторический процесс, понятие действительности предстает через логику ее развития. И нет иного способа достичь истины и тем самым истинного бытия, кроме осуществления той формы движения, которая содержится в понятии. Именно понятие, по Гегелю, определяет субъектность.

И, однако, наоборот, только в истории понятие выявляет свои истинные определения. И там, где субъективный дух не способен извлечь (вывести) понятие из действительности, он действует как несвободный, как ограниченный своей собственной неистинностью.

Свободный же в себе – значит осуществляющий себя в чистой логике понятия, по Гегелю, это в его Логике. В диалектике. Именно диалектика содержит в себе импульс активности, ибо это логика саморазвивающегося содержания. Обособляясь, она обретает свою чистую идеальную форму и существует только как объективный момент предметно-преобразовательной деятельности. И становится активной формой деятельности человека. Как абстрактно-отвлеченная всеобщая форма деятельности, она свое первое выражение и обособление получает в языке.

И здесь Гегель прав. Ибо бытие мышления с его логикой в качестве момента внутри реально-объективной деятельности не есть обособленное его бытие. Это – процессуальное бытие *деятельной логической способности*, непосредственно осуществляющей себя в предметном материале и весь этот материал превращающей в форму своего объективного движения. Здесь их, бытия и мышления, непосредственное тождество: все действительное разумно, все разумное действительно, повторю снова эту мысль.

И еще раз укажу, что несовпадение разума с действительностью для диалектики банальная вещь, ибо там, где противоположности не способны отождествиться, а тождество развернуться противоречием, – там диалектикой не пахнет. Там попахивает простой ссылкой на факты, – и делается это именно там, *где требуется логика*. Любой дурак может показать математику камень и утверждать, что это не шар. И математик поймет, с кем имеет дело.

Мышление противополагает себя бытию и в этом самом бытии удерживает себя в материи такого рода, которая абсолютно не имеет значения ни для самой мысли, ни для смысла осуществляющейся практической деятельности. Материя творимой предметной культуры, которая, хотя и выступает исходным «языком реальной жизни» (Маркс) и противоположена субъекту, не может выступить условием *свободного движения мышления*, потому как смысловая сторона этой предметной культуры достаточно строго определена объективно-практической жизнедеятельностью. Именно поэтому для Гегеля материей отвлеченного свободного мышления является материя языка.

И в этом, повторю, есть момент истины, потому что в объективном процессе природно-исторического бытия логика *связана особенным содержанием* и не проявлена в чистом виде, понятие еще не извлечено из бытия и потому не дано сознанию в чистой, т.е. истинной форме. В пространстве языка мысль получает свободу и способна определиться в соответствии с обстоятельствами, увидеть свою собственную универсальность и, одновременно, свою определенность реальными объективными условиями. Увидеть идеальное содержание всего состава действительности, представленного в субъективности. И именно благодаря этому различию реального и идеального положить деятельность, воплощающую свою идею (цель) в действительность.

Понятие, по Гегелю, есть субъект. Мы бы сказали: понимание есть атрибут субъектности и тем самым не выразили бы полноты истины, что субъект исчерпывается своими атрибутами. И потому же, согласно Гегелю, понятие есть свобода, т.е. снятие объективности в ее природном бытии, и деятельность в сопряжении с ее, объективности, собственной логикой, т.е. логикой понятия, – поскольку в этой логике бытие представлено.

Не будучи способно преодолеть сопротивление бытия, понятие, однако, вынуждено *примириться* с действительностью и понять последнюю как свой предел. То есть как *внешнее* его определение, которое, поскольку понятие выражает именно действительность, есть одновременно *внутреннее*. Понятие зависит от действительности. Так как оно выражает ее, и только ее. Развитие понятия связано лишь с развитием действительности. В ней его предел. *Логическая же форма понятия* свой предел находит в *абсолютной форме*. Потому логическая мысль всегда и отрабатывалась через анализ своих собственных абсолютных пределов.

Только будучи высвобожденным из самой действительности, понятие способно к определению самой этой действительности. В реальном бытии, в своем эмпирическом движении «сослагательное наклонение» есть имманентная форма, ибо *мыслящий момент реальной деятельности форму условия всегда держит в своем сознании*. Иначе это и не была бы свободная деятельность. То есть не была бы деятельностью, которая сама себя *обусловливает*. Иначе говоря, ищет и создает себе условия и организует их в соответствии со своей целью. Потому и «сослагательность» есть имманентный момент исторического процесса.

История же делает это стихийно. Она есть, по Гегелю, движение к сознанию свободы, которая становится действительной только вместе с понятием.

И если *чистая мысль*, высвеченная гением Гегеля, все никак не может стать субъективным условием исторического действия, то вина ли тут Гегеля? И есть ли это основание для утверждения неистинности его логического учения? Тем более со ссылкой на марксистское движение в мире, которое, якобы, показало утопичность попыток «выпрыгивания» человека за рамки цивилизованных форм животности буржуазного общества?

Если понятие не знает потенций бытия, оно не удерживает целого. А это значит оно и не есть понятие. Когда суждение осуществляет сама действительность – *до* понятия и *за* рамками сознания, вне «сослагательности» – в логике своего собственного движения, налицо процесс, который любая философия обозначает как материализм. И понятие, идущее «вослед», «сова появляется в сумерки», уходит в основание, и полагает процесс таким, каким видит.

Но ведь именно понятие есть истинная, т.е. свободная, основа исторического движения: идея, овладевшая массой, становится материальной силой (Маркс). Ибо человек, и только человек, есть истинный субъект. Стихийная история – история движения неосознанных и неразвернутых в сознании идей.

Кажется ясным, что сами идеи порождаются противоречиями реального материального бытия. В логике же Гегеля представлена именно идея, идея в ее чистой форме, т.е. как чистая потенция, в себе самой содержащая мотив, как способность осуществления себя в бытии. Но эта идея у Гегеля развернута не только в своей субъективной форме, а именно как объективный процесс движения действительности, порождающей субъективное понятие, дорастающее до абсолютного знания, и в этом своем образе, уходящем в основание. Разве не истинный образ бытия (во всяком случае, образ, всегда претендующий на истину) лежит – должен лежать! – в основании любого акта человеческой деятельности – от примитивно-прагматического до всемирно-исторического!?

Заключение

Философия – это наука о том, как возможна истина. Наука – это *труд понятия*, адекватная форма развития которого дана именно в «Логике» Гегеля. Именно эта Логика позволила Марксу погрузиться в экономическую реальность общественного бытия, именно поэтому «нельзя понять Маркса, не проштудировав всей Большой логики Гегеля» (Ленин).

Развернутая *Гегелем* логика самосознающей идеи есть отвлеченно-абстрактное знание, и как таковое в своей объективно-обособленной форме безразлично к субъективно-личностной деятельности человека. Хотя как раз эту деятельность и выражает. Гегель показал, что эта идея, ее логика, мышление, находит себя не только в теоретической абстракции, не только в текстах и ученых головах логиков, но и как объективно-идеальная форма, существующая вне и до сознания. И что всякая субъективно-психическая деятельность, претендующая быть умной, осуществляется по мере снятия этой абстрактности, т.е. по мере присвоения ее отвлеченно-отчужденной формы, превращения ее в собственную способность индивида. Более того эта форма (через субъективное ее восприятие) диктует индивиду поведение, выступает организующей его и управляющей им силой.

Принцип тождества бытия и мышления, сознательно и строго проведенный у Гегеля, отчетливо положенный в основание своих анализов Марксом, в современной философии представленный Э.В. Ильенковым в категории идеального, – мысль о тождестве объективной формы мышления и всеобщей формы культурно-исторической человеческой деятельности, конечно, не так легко понять, но это – требование самой действительности, желающей сохранить себя, тем более если удержать себя в разумных формах.

«…Философские представления, – говорит Гегель, – очень часто являются прямой противоположностью воззрению обычного представления» [Гегель, 1993, с. 100]. Эти слова Гегеля как нельзя лучше характеризуют сегодняшнее состояние этой науки, или, точнее, ту ситуацию, в которой философия как наука сегодня существует. Ибо истиной, как и во все времена, мало кто интересуется, и если бы она не была необходимым условием бытия, ее бы с удовольствием обходили. Ибо, как говорит Гегель, истина требует усилия ума, но не дана в созерцании. А ложно-иллюзорные формы сознания сегодня сто́ят больше истины. Ибо все превращено в товар.

Разумеется, сегодняшняя ситуация дает мысли новый материал, но это совсем не значит, что он сам по себе способен как-то изменить позицию философии, – той, которая считает себя наукой и обосновывает себя как наука. Проблемы ее не снимаются, но поверхностный ум еще менее может их увидеть и выделить из преходящего богатого материала современности. А истина – как ведущая тема философии во все времена была актуальной формой в жизни человечества.

Именно в логике как внутренней способности постигающего истину ума заключен великий смысл гегелевской философии. Не дай бог в ней отыскивать такие образы, которые, примеряясь к действительности, обнаруживают себя не соответствующими ей. Да, ни окружность, ни треугольник не соответствуют ни одной предметной форме в мире. Но в полной мере соответствуют, есть выражение *формы деятельности* человека. И потому они есть *идеальные* формы деятельности, *мышление*. Логика Гегеля – это движение именно таких идеальных форм.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. 1970. Наука логики: в 3 т. М., Мысль. Т. 1.
2. Гегель Г.В.Ф. 1993. Лекции по истории философии: в 3 кн. СПб.: Наука. Кн. I.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лобастов Геннадий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет); Президент Российского философского общества «Диалектика и культура»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennady V. Lobastov, DSc in Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) MAI; President of the Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”.

УДК 130.1
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-420-426

Истина и история в «феноменологии духа» Гегеля

Павлов П.В.
Южно-Российский государственный политехнический университет
им. М.И. Платова,
Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
E-mail: pvpavlov2006@yandex.ru

Аннотация. Прослежен драматический путь истории духа (от «прекрасной нравственной жизни» античности до отчужденного мира буржуазного общества, утвержденного Французской революцией) и его возвращение к «себе», своей истине – «абсолютному знанию», в котором осуществляется понимание исторических форм, раскрывается их подлинный смысл. При этом подчеркивается методологическая значимость опосредования истины и истории, благодаря которому истина и абсолютное не редуцируются к историческим формам и вместе с тем сохраняют их богатство и многообразие, драматизм их становления. В контексте гегелевского понимания истины как «раскрытой реальности» особое внимание уделено обсуждению проблемы соотношения методов «Феноменологии духа» и феноменологии как направления современной мысли.

Ключевые слова: Гегель, истина, история, дух, сознание, абсолютное знание, понятие.

Для цитирования: Павлов П.В. 2020. Истина и история в «феноменологии духа» Гегеля. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 420–426. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-420-426

Truth and history in Hegel’s «phenomenology of spirit»

Pavel V. Pavlov
Platov South-Russian State Polytechnic University,
132 Prosvescheniya St, Novocherkassk, 346428, Russia
E-mail: pvpavlov2006@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of truth and history in Hegel’s «Phenomenology of Spirit». The dramatic path of the history of the spirit is traced (from the «beautiful moral life» of antiquity to the alienated world of bourgeois society, approved by the French Revolution) and its return to «itself», its truth. The sphere of truth is «absolute knowledge», in which the understanding of historical forms is carried out, their true meaning is revealed. At the same time, the author of the article emphasizes the methodological significance of mediating truth and history. Thanks to this mediation, truth and absolute do not reduce to historical forms and at the same time preserve their richness and diversity, the dramatic nature of their formation. In the context of Hegel’s understanding of truth as an «open reality», the article focuses on the problem of the attitude between the methods of «Phenomenology of Spirit» and phenomenology as a direction of modern thought.

Keywords: Hegel, truth, history, spirit, consciousness, absolute knowledge, notion.

For citation: Pavlov P.V. 2020. Truth and history in Hegel’s «phenomenology of spirit». NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 420–426 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-420-426

Гегелевское классическое определение *истинного как целого* из «Феноменологии духа» вряд ли покажется созвучным «современности», нынешнему «духу времени». Современному «духу», скорее всего, ближе хайдеггеровское понимание истины как «моего» «существования», без которого «не было никакой истины и не будет никакой» [Хайдеггер, 2003, с. 258]. Но у Хайдеггера «раскрывающаяся» истина «моего» «существования», в конечном счете, предстает как *ничто*, тогда как у Гегеля в «Феноменологии» истина как *Абсолют* – это результат драматического восхождения духа к себе самому, которое и есть подлинное *возвращение к себе* и *обретение себя*. Об этом Гегель вполне определенно пишет в Предисловии к «Феноменологии»: «Об абсолютном нужно сказать, что оно по существу есть *результат*, что оно лишь в *конце* есть то, что есть оно поистине; и в том-то и состоит его природа, что оно есть действительное, субъект или становление самим собою для себя» [Гегель, 2000, с. 16].

Как полагает Георг Лукач, гегелевская «Феноменология» – это «Одиссея духа», «возвращение духа домой». В свое время Шеллинг в «Системе трансцендентального идеализма» охарактеризовал свою философию именно как «одиссею духа» [Шеллинг, 1987]. Однако, уверен Лукач, это шеллинговское «остроумное» определение в большей степени подходит к «Феноменологии», которая по масштабу и глубине проблематики сопоставима лишь с «Фаустом» Гете.

Для Лукача «Фауст» и «Феноменология духа» – эти «величайшие художественные и интеллектуальные достижения классического периода в Германии» – тесным образом связаны между собой [Lukács, 1979, p. 176]. Подобно «Фаусту», «Феноменология» – сложное, наполненное трагическими противоречиями «путешествие» человека и освоение им «родового опыта человечества», поиск абсолютного знания и восхождение к истине. При этом, полагает Лукач, и у Гете, и у Гегеля «драма человеческого рода» разыгрывается через «цепочку индивидуальных трагедий»: трагедии в «микрокосме» человека раскрывают подлинное историческое движение «макрокосма» человечества. Драматический путь восхождения к целому – путь, через который и раскрывается гегелевское понимание истины и истории.

И действительно, в «Феноменологии» представлена впечатляющая картина исторических странствий духа, его трагических коллизий. Гегель с явной симпатией описывает античное *«нравственное царство», «прекрасную нравственную жизнь»*, в которой существовала непосредственная гармония человека и мира, их равновесие. Не случайно, как заметил Лукач, «изображение прекрасной и непосредственной нравственности греческого мира» является «вершиной в литературном творчестве Гегеля» [Лукач, 1987, с. 533].

Однако дух не может вечно пребывать в этой непосредственности, он должен «снять прекрасную нравственную жизнь и, пройдя ряд формообразований, достигнуть знания себя самого» [Гегель, 2000, с. 224]. Античная классическая форма с ее «непорочным и незапятнанным миром» с неизбежностью уходит в прошлое, уступая место миру *отчужденному*. Так, уже в период Римской империи мир всеобщего распадается на множество «атомов», «лиц»: непосредственная нравственная жизнь сменяется абстрактным *правом*, а человек становится «правовым лицом». Своей же явной полноты отчуждение, *«отчужденный от себя дух»* достигает в буржуазном обществе.

У Гегеля весьма интересно представлен переход от феодального сословного общества – через этап абсолютной монархии – к новому миру буржуазного общества, порожденному Французской революцией. Так, для феодала – «гордого вассала» с его «благородным сознанием» – добродетелью является *героизм служения* в интересах государственной власти. Однако *«благородное сознание»* феодала сменяется *лестью* придворного при абсолютной монархии. «Героизм безмолвного служения, – пишет Гегель, – превращается в *героизм лести*» [Гегель, 2000, с. 261]. При этом государственная власть постепенно переходит в «буржуазное» *богатство*, которое становится всеобщей силой. Власть богатства разлагает представления прежнего мира: «благородное сознание» переходит в «низменное», «хорошее» и «дур-

ное» становятся относительными. По словам Мих. Лифшица, «всеобщее брожение», «отделяющее» феодальный мир «от капиталистической эпохи, разложение старых сословий, превращение богатства в самостоятельную и господствующую силу, – все это растворяет противоположность «благородного» и «низкого», превращает одно в другое, колеблет все устойчивые различия. Гегель с удивительным реализмом… изображает процесс развития цивилизации, или, как он сам выражается, «образования» (Bildung)» [Лифшиц, 1984, с. 152].

Ярким выражением этого «реального мира образованности», его «духа», который характеризуется Гегелем как «абсолютное и всеобщее извращение и отчуждение действительности и мысли» [Гегель, 2000, с. 266], становится *«разорванное сознание»*. В своем «красноречии» «разорванное сознание» осуществляет «извращение всех понятий и реальностей, всеобщий обман самого себя и других» [Гегель, 2000, с. 267]. При этом «бесстыдство, с каким высказывается этот обман», оказывается «величайшей истиной» (таковы речи циничного племянника Рамо – персонажа известной повести Дидро, которую цитирует Гегель).

Французская революция осуществляет радикальный «переворот действительности»: упраздняя старый мир, она выступает как *«абсолютная свобода»*. Эта «абсолютная свобода», в которой отменены сословия, предстает теперь всеобщей господствующей формой. Как подчеркивает Гегель, «нераздельная субстанция абсолютной свободы возводится на мировой престол, и никакая сила не в состоянии оказать ей сопротивления» [Гегель, 2000, с. 300].

Однако эта «абсолютная свобода» оборачивается *«ужасом»*. И не только ужасом революционного террора, когда смерть становится «самой пошлой» и «холодной», лишенной, по словам Гегеля, «внутреннего объема и наполнения», но, прежде всего, ужасом отчуждения и пустоты в буржуазном мире. Этот отчужденный мир оказывается расколотым на крайности – изолированных, разобщенных индивидов («ненаполненные точки», «своенравная точечность самосознания») и противостоящую им абстрактную и «непреклонную холодную всеобщность». Тем самым всеобщая «абсолютная свобода» становится высшей фазой отчуждения, оборачиваясь *чистой негативностью* – «негативным действованием», «*фурией* исчезновения».

В «Феноменологии духа» Гегель уже распрощался с иллюзиями своей молодости о возрождении античности (отношение к античности у молодого Гегеля обстоятельно рассмотрено в фундаментальном труде Г. Лукача [1987], а также в статьях Мих. Лифшица [2012]). Французская революция не привела к возрождению «прекрасной нравственности», но закрепила буржуазную действительность. Гегель «примиряется» с этой действительностью, стремясь осмыслить ее реальные противоречия. Впрочем, в «Феноменологии» Гегель полагает, что доведенные до крайности Французской революцией полюса отчуждения «примиряются» в *«моральном духе»* современной ему Германии. «Абсолютная свобода», как выражается философ, из своей «разрушающей действительности» переходит в «другую страну обладающего самосознанием духа» [Гегель, 2000, с. 305].

Комментируя этот раздел «Феноменологии», посвященный «моральности», Г. Лукач определяет его содержание как «утопию Гегеля о Германии под господством Наполеона» [Лукач, 1987, с. 549]. Германия, освобожденная Наполеоном от феодализма, надеется Гегель, может явить «правильную», более «гармоничную» форму буржуазного общества, сглаживающую и *примиряющую* противоречия буржуазной действительности, порожденной Французской революцией. Правда, как полагает Лукач, раздел «Феноменологии» о «моральном духе» является весьма абстрактным, бедным по содержанию. «Моральный дух» оказывается утопией, лишенной положительного и конкретного общественного содержания. И эта «пустота», полагает Лукач, по сути является отражением современной Гегелю социально-политической действительности (характерно, что уже после поражения Наполеона гегелевские надежды, выраженные в «Феноменологии духа», потерпят крушение и «приведут к тому, что Гегелю придется довольствоваться после глубокого разочарования окончательно утвердившейся прозой капитализма» [Лукач, 1987, с. 448]).

Но остается ли что-то *подлинно реальное*, помимо этой пустоты и абстрактности? Ответ Гегеля: реальность *абсолютного*, в котором запечатлеваются подлинные достижения мировой истории, проясняется и раскрывается их истина, осуществляется их действительное понимание. В этом *понимании* и состоит важнейший смысл гегелевского учения об *абсолютном знании* – «знании, постигающем в понятии». Здесь, как пишет Лукач, «при свете абсолютного знания» проясняются те связи, «которые направляли и определяли историческую борьбу героев всемирно-исторической драмы» [Лукач, 1987, с. 555]. В историческом движении духа «образы мира» – «актеры всемирно-исторической драмы», которые, «сражаясь, побеждая или подчиняясь», непосредственно переживают исторический процесс, «свою историческую современность», тогда как в сфере абсолютного знания «развертывается грандиозный эпос о взаимосвязях всемирной истории как завершенном процессе» [Лукач, 1987, с. 554]. Абсолютное знание как *завершение* осуществляет действительное понимание истории. И хотя это понимание не возрождает непосредственное бытие ушедших исторический форм, однако оно впервые во всей *полноте* открывает и проясняет их *истинный* смысл.

Так, невозможно в современном отчужденном мире непосредственно «воскресить» античную классику, о чем весьма проникновенно пишет Гегель, говоря о «судьбе» античных произведений искусства: «судьба не дает нам их мира, не дает весны и лета нравственной жизни, в которой они цвели и зрели, а дает лишь туманное воспоминание об этой действительности» [Гегель, 2000, с. 380]. Однако, продолжает он, «дух судьбы, который предоставляет нам эти произведения искусства» в своем воспоминании, «самоуглублении» оказывается «нечто большим», нежели «нравственная жизнь и действительность того народа», которая исторически породила эти произведения искусства. В своем *воспоминании* «самоуглубленный» дух сохраняет эти формы в качестве «более высокой формы субстанции», собирает их «в один пантеон, в дух, сознающий себя самого как дух» [Гегель, 2000, с. 380].

«Уход внутрь себя» духа – это его *завершение*, в котором он в совершенстве *знает* себя, «то, что он есть». В *знании* дух «замыкает» движение своих исторических форм, достигая «чистой стихии своего наличного бытия – понятия» [Гегель, 2000, с. 408]. Так перед нами, согласно Гегелю, *раскрывается* истина, абсолютное знание – *«история, постигнутая в понятии»*.

***

В своих лекциях о «Феноменологии духа» Александр Кожев неоднократно подчеркивает, что истина для Гегеля – это *раскрытая реальность*. «Мудрец», «гегелевский ученый», как пишет Кожев, «полностью и окончательно примирился со всем, что *есть*, он безоглядно отдается Бытию и полностью открывается Реальному, не оказывая ему никакого сопротивления. Его задача – быть идеально гладким и бесконечно протяженным зеркалом: он не занимается рефлексией, «отражая» Реальное, это само Реальное мыслит в нем, отражаясь в его сознании и раскрываясь в своей собственной диалектической структуре с помощью речи Мудреца, описывающей его без каких-либо искажений» [Кожев, 2003, с. 561]. Иными словами, речь идет о том, что гегелевский метод предполагает устранение всякого субъективного вмешательства в предмет и дает самой действительности, самому предмету раскрыться и «заговорить» в своей истине.

Впрочем, следует отметить, что А. Кожев пытается предельно сблизить метод «Феноменологии духа» с феноменологией Эдмунда Гуссерля. Более того, Кожев весьма категорично утверждает, что гегелевский метод является «*феноменологическим* в гуссерлевском значении термина» [Кожев, 2003, с. 556]. Метод Гегеля он именует «чисто созерцательным и описательным», то есть по сути «феноменологическим» в современном понимании – в смысле Гуссерля и его последователей. Только лишь «по неведению», полагает

Кожев, собственный феноменологический метод Гуссерль «ошибочно противопоставил гегелевскому» [Кожев, 2003, с. 581].

Конечно, Гуссерль прямо не обращается к гегелевской философии. Однако уже Мартин Хайдеггер постоянно обращается к Гегелю, проводит «разбирательство» с ним, в том числе, комментируя его «Феноменологию духа» [Хайдеггер, 2015]. Наконец, герменевтическая концепция Х.-Г. Гадамера стремится «интегрировать» гегелевский метод: диалектика, полагает Гадамер, «должна вернуться к герменевтике» [Gadamer, 1976, p. 99]. При этом философская герменевтика понимает себя не только в качестве «преемницы» феноменологии Гуссерля, но также и гегелевской мысли. По крайней мере, для Гадамера актуализируется задача перебросить «*отсутствующий мост между феноменологией духа Гегеля и феноменологией трансцендентальной субъективности Гуссерля*» [Gadamer, 1990, p. 258].

Однако Гадамер не случайно говорит именно об «отсутствующем мосте» между феноменологиями Гегеля и Гуссерля. Ведь вопреки категоричному утверждению А. Кожева, можно сказать, что гегелевская феноменология, его «наука об опыте сознания» существенно *отлична* от феноменологической концепции и методологии Гуссерля. И суть дела заключается, прежде всего, в принципиально различных подходах к пониманию *истины* и *сознания.* Так, для Гуссерля сознание предстает как «одинокая ментальная жизнь», сфера собственных интенциональных переживаний. Именно в этих переживаниях непосредственно открывается («усматривается») истина, которая выступает как интуитивная очевидность.

Совершенно иначе обстоит дело в «науке об опыте сознания» Гегеля: *непосредственная достоверность*, несмотря на кажущуюся очевидность, *вовсе не есть истина*, но лишь самый простейший, начальный этап движения сознания. В этом движении достоверность «сама выдает себя за истину самую абстрактную и самую бедную» [Гегель, 2000, с. 54]. Сознание *преодолевает* непосредственную достоверность и отправляется в сложный путь восхождения к *самому себе,* к своей *истине как целому.* На этом пути оно вбирает в себя все богатство мира, многообразие его исторических формообразований, которые, как подчеркивает Гегель, есть формы действительного мира, а не формы «одного лишь сознания» [Гегель, 2000, с. 224]. И, наконец, осуществляя себя через эти действительные формы, сознание обретает свою истину, становится абсолютным знанием.

Э. Гуссерль в качестве метода поиска истинного знания и абсолютного бытия предлагает трансцендентально-феноменологическую редукцию. Мир «теряется», заключается в «скобки», в результате чего обретается «чистая жизнь сознания», одинокая «трансцендентальная субъективность», которая и выступает в качестве абсолютного источника всех смыслов. Исходя из «трансцендентального солипсизма», Гуссерль стремится, как это представлено в «Картезианских размышлениях» [Husserl, 1973], конституировать интерсубъективный мир культуры. При этом «мое собственное» трансцендентальное «Я» оказывается тем абсолютным центром, который конституирует интерсубъективный мир, обеспечивая его достоверность.

Иной путь предлагает Гегель: для него истина и абсолютное знание – это результат *восхождения* по лестнице мирового опыта. В этом восхождении, которое наполнено «серьезностью, страданием, терпением», сознание превозмогает собственную ограниченность и односторонние моменты, «вмещает» в себя драму мировой истории со всеми ее противоречиями и трагическими коллизиями. Сознание в гегелевской «Феноменологии» тем самым выходит за пределы своей субъективности и через многообразные исторические формообразования («гештальты») достигает «понятия», становится истинным, *понимающим* сознанием. Как подчеркивает Гегель, «благодаря движению понятия» этот путь восхождения полностью охватывает «мировместимость (vollständige Weltlichkeit) сознания в ее необходимости» [Гегель, 2000, с. 24].

И здесь следует отметить принципиальный момент в гегелевском понимании соотношения истины и истории. Речь идет об *опосредовании*, имеющем важное методологическое значение. Истина отнюдь не редуцируется к исторически меняющимся формам духа, не растворяется в их становлении. Абсолютное, раскрывая истинное содержание формообразований истории и осуществляя их понимание, вместе с тем сохраняет свою существенную несводимость, опосредование. Ведь, как пишет Г. Лукач, «актуальная историческая действительность… не тождественна ее истинному содержанию» [Лукач, 1987, с. 558]. Здесь перед нами «различение и одновременно объединение» исторических форм и абсолюта, их диалектическое единство, которое «вместе с тем включает в себя диалектическое различение и противопоставление» [Лукач, 1987, с. 558].

Именно благодаря этому диалектическому опосредованию «всеохватывающий историзм» «Феноменологии», по словам Лукача, и не завершается «голым релятивизмом». Исторический релятивизм возможен в том случае, когда история утрачивает «моменты» истины, оказывается лишенной своего абсолютного «измерения». В этом случае история оборачивается «чистой негативностью» и бессмысленным становлением. У Гегеля же в его «Феноменологии» «моменты» истины и абсолюта осуществляются в самой истории, хотя полностью и не совпадают с ней. «Моменты» истины сохраняют свое отличие, образуя высшую сферу «абсолютного знания».

Таким образом, в гегелевской «Феноменологии» истина и история, Абсолют и исторически меняющиеся формообразования духа составляют *опосредованное* единство – единство, которое с необходимостью предполагает также и их диалектическое различие. Сменяющие друг друга исторические формы духа отнюдь не тождественны истинному и абсолютному содержанию, которое раскрывается в истории. И вместе с тем в Абсолюте – «абсолютном знании» и *понятии* – сохранено это многообразие форм и драматический путь их становления. И без этого опосредованного становления, без этого богатства и драматизма исторических форм абсолютный дух «был бы безжизненным и одиноким», как весьма поэтично пишет Гегель в заключительных строках своей «Феноменологии».

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. 2000. Феноменология духа. М., Наука, 495 с.
2. Кожев А. 2003. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 792 с.
3. Лифшиц Мих. 2012. О Гегеле. М., «Грюндриссе», 304 с.
4. Лифшиц Мих. 1984. Собрание сочинений. В 3 т. Том 1. М., Изобразительное искусство, 432 с.
5. Лукач Д. 1987. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., Наука, 616 с.
6. Хайдеггер М. 2003. Бытие и время. Харьков, «Фолио», 512 с.
7. Хайдеггер М. 2015. Гегель. СПб.: «Владимир Даль», 320 с.
8. Шеллинг Ф.В.Й. 1987. Система трансцендентального идеализма. В кн.: Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., Мысль: 227-489.
9. Gadamer H.-G. 1976. Hegel’s Dialectic: Five Hermeneutical Studies. Translated by P. Christopher Smith. New Haven, Yale University Press, 118 p.
10. Gadamer H.-G. 1990. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Gesammelte Werke. Band 1. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 495 p.
11. Husserl E. 1973. Cartesianische Meditationen. Husserliana. Band 1. Haag, Martinus Nijhoff, 249 p.
12. Lukács G. 1979. Goethe and his Age. Translated by Robert Anchor. London, Merlin Press, 258 p.

References

1. Gegel’ G.V.F. 2000. Fenomenologiya dukha [Phenomenology of Spirit]. Moscow, Nauka, 495 p.
2. Kozhev A. 2003. Vvedenie v chtenie Gegelya [Introduction to the Reading of Hegel]. Saint-Petersburg, Publ. Nauka, 792 p.

3. Lifshits Mikh. 2012. O Gegele [About Hegel]. Moscow, Publ. Gryundrisse, 304 p.

4. Lifshits Mikh. 1984. Sobranie sochineniy. [Collected works]. In 3 vol. Vol. 1. Moscow, Publ. Izobrazitel'noe iskusstvo, 432 p.

5. Lukach D. 1987. Molodoy Gegel' i problemy kapitalisticheskogo obshchestva [Young Hegel and the problems of capitalist society]. Moscow, Publ. Nauka, 616 p.

6. Khaydegger M. 2003. Bytie i vremya [Being and Time]. Khar'kov, Publ. Folio, 512 p.

7. Khaydegger M. 2015. Gegel' [Hegel]. Saint-Petersburg, Publ. Vladimir Dal', 320 p.

8. Shelling F.V.Y. 1987. Sistema transtsendental'nogo idealizma [System of Transcendental Idealism]. In: Shelling F.V.Y. [Schelling F.W.J.] Works in 2 vol. Vol. 1. Moscow, Publ. Mysl': 227–489.

9. Gadamer H.-G. 1976. Hegel's Dialectic: Five Hermeneutical Studies. Translated by P. Christopher Smith. New Haven, Yale University Press, 118 p.

10. Gadamer H.-G. 1990. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Gesammelte Werke. Band 1. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 495 p.

11. Husserl E. 1973. Cartesianische Meditationen. Husserliana. Band 1. Haag, Martinus Nijhoff, 249 p.

12. Lukács G. 1979. Goethe and his Age. Translated by Robert Anchor. London, Merlin Press, 258 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлов Павел Викторович, доктор философских наук, доцент, Профессор кафедры управления персоналом Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова. г. Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Pavlov, Full Doctor of Philosophy, Associate Professor, Platov South-Russian State Polytechnic University, Professor of Personnel Management Department, Novocherkassk, Russia

УДК 1 (091)
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-427-436

Гегельянские истоки культурно-исторической теории деятельности

Бланден Э.
Марксистский сетевой архив (marxists.org),
Мельбурн, Австралия
E-mail: andyb@marxists.org

Перевод с англ: **Майданский АД.**
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: maidansky@bsu.edu.ru

Аннотация. Показано, что по крайней мере четыре основополагающих понятия культурно-исторической теории деятельности были сформулированы уже Гегелем, а именно: (1) единица анализа как ключевое понятие в аналитико-синтетическом познании, (2) ключевая роль действий, опосредованных артефактами, (3) разграничение цели и мотива в деятельности и (4) дистинкция истинного понятия и псевдопонятия. Подход Выготского – развивающий, а не основанный на неизменных категориях, и этот подход к реальности был инициирован Гегелем. Эти четыре концептуальных идеи не исчерпывают пути, на которых Выготский, Леонтьев и их последователи продолжили работу, начатую Гегелем. Выготский, подобно Гегелю, рассматривает понятия как имплицитно заложенные в констелляциях материальной культуры способы ее использования в обществе, а не как субъективные образования, создаваемые индивидуальным мозгом. Концепция генезиса речи и мышления у Выготского напоминает представление Гегеля о генезисе современного государства.

Ключевые слова: единица анализа, действие, артефакт, понятие, псевдопонятие, культура, Гегель, Выготский.

Благодарности: перевод выполнен А.Д. Майданским при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00028.

Для цитирования: Бланден Э. 2020. Гегельянские истоки культурно-исторической теории деятельности. Пер. с англ. Майданский А.Д. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 427–436. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-427-436

The hegelian sources of cultural historical activity theory

Andy Blunden
Marxists Internet Archive Secretary (marxists.org),
Melbourne, Australia
E-mail: andyb@marxists.org

Transl. from English **Andrey D. Maidanskii**
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: maidansky@bsu.edu.ru

Abstract. It will be shown that at least four foundational concepts of Cultural Historical Activity Theory were previously formulated by Hegel, viz., (1) the unit of analysis as a key concept for

analytic-synthetic cognition, (2) the centrality of artifact-mediated actions, (3) the definitive distinction between goal and motive in activities, and (4) the distinction between a true concept and a pseudoconcept. These four concepts do not exhaust the ways in which Vygotsky, Leontyev and their followers continued the project begun by Hegel. Vygotsky, like Hegel, sees concepts as implicit in the constellation of material culture and the manner of its use in a community, rather than as subjective formations created by an individual brain. Vygotsky's conception of the genesis of speech and intellect is similar to Hegel's conception of the genesis of the modern state.

Key words: unit of analysis, artifact, action, concept, pseudoconcept, culture, Hegel, Vygotsky.

Acknowledgements: the translation was made by A.D. Maydansky with the financial support of the Russian science Foundation (RPF) in the framework of scientific project No. 20-18-00028.

For citation: Blunden A. 2020. The hegelian sources of cultural historical activity theory. Transl. from English Maidanskii A.D. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 427–436 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-427-436

1. Единица анализа

В разделе «Идея» в «Науке логики», где Гегель обрисовывает метод аналитического и синтетического познания, он поясняет, что выделение предмета изучения науки должно осуществляться согласно внутренней природе самого этого предмета, а не по произвольной, субъективной схеме, навязанной извне.

Вот ключевой отрывок из «Науки логики»: «Принадлежащее понятию движение от всеобщего к особенному составляет основу и возможность *синтетической науки*, некоторой *системы* и *систематического познания*. Для этого первое требование, как было показано, состоит в том, чтобы вначале предмет рассматривался в форме чего-то *всеобщего*. Если в действительности (будь это действительность природы или духа) субъективному, естественному познанию дана как первое *(das Erste)* конкретная единичность, то, напротив, в познании, которое по крайней мере постольку есть постижение, поскольку оно имеет своей основой форму понятия, первым должно быть *простое, выделенное* из конкретного, так как лишь в этой форме предмет имеет форму соотносящегося с собой всеобщего и сообразного с понятием непосредственного» (здесь и далее курсив чей?. – *Б.Э.* или перевод. *А.М.)?* [Гегель 1970, т. 3, с. 262].

«Первое» – это перевод немецкого *der Ersten*, первичное или исходное. «Первым» является понятие, с которого должна начинаться каждая наука.

Во-первых, Гегель говорит, что *синтетическая* фаза науки должна начинаться с *«чего-то простого»*. Это предписание относится к «действительности равным образом природы и духа» (т.е. к естественным и гуманитарным наукам), но явно не к Логике. Среди примеров этого простого нечто – «линия», «овладение» и «цель».

Во-вторых, Гегель описывает это простое *Erste* как «конкретную единичность, данную субъективному, естественному познанию». *Einzel* означает «единичный», а *Einzelheit* означает «единичность» или «индивидуальность». «Естественное познание» относится к здравому смыслу или нормативному восприятию некоего процесса в рамках определенного социального образования, предшествующего любой попытке критического анализа или синтетического познания.

«Наука логики» не может быть структурирована в соответствии с этим методом, потому что логические категории невозможно воспринять как «нечто простое» посредством «естественного познания»; в Логике «метод есть осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания» [Гегель 1970, т. 1, с. 107]. Это не относится к естественным и гуманитарным наукам, в которых предмет науки воспринимается как *внешнее* по отноше-

нию к субъекту. *Erste* – продукт аналитического познания: в узловых точках развития науки «простое нечто» абстрагируется от конкретного в опыте и подчиняется синтетическому познанию, то есть диалектической реконструкции целостного процесса. Эти узловые точки размечают моменты чередования аналитического и синтетического познания.

Это «простое нечто» должно быть «*абстрагировано* от конкретного» посредством анализа. Таким образом, начало любой науки (кроме Логики) требует абстрагирования такого рода индивидуальности из всей конкретной сферы опыта, что может стать отправным пунктом для синтетической реконструкции конкретного в теоретической форме. Этот акт абстракции требует понимания всего процесса в целом.

«Аналитическое познание... начинает с предмета, выступающего в качестве *предпосылки*, стало быть, с единичного, *конкретного* предмета, причем все равно, есть ли он уже *готовый* для представления предмет или же некоторая *задача*, т.е. дан лишь в своих обстоятельствах и условиях, но сам еще не выделен из них и не представлен в простой самостоятельности» [Гегель 1970, т. 3, с. 247].

Цель этого пассажа становится понятной, когда Гегель говорит, что «первое требование, как было показано, состоит в том, чтобы вначале предмет рассматривался в форме чего-то всеобщего» [Гегель 1970, т. 3, с. 262]. То есть конкретная *индивидуальность*, являющаяся продуктом анализа, одновременно является *всеобщей*; иными словами, это *архетип* или «клеточка» всего организма, которая должна быть синтезирована в теории. Данный процесс представлен в первом томе Логики, состоящем из двух разделов: «Бытие» и «Сущность».

Обратите внимание, что «нечто простое» – это *индивидуальность*, и в этом разница, например, между «моральностью» и моральными *поступками*, между «искусством» и *произведением* искусства. Индивидуальность дискретна, ограничена, а не континуальна или нематериальна; это скорее частица, чем «материя», скорее нечто, чем всеобщее, скорее действие, чем практика. Маркс кратко выразил эту идею в «Замечаниях на книгу Адольфа Вагнера» по поводу «Капитала»: «Я исхожу не из “понятий”, стало быть также не из “понятия стоимости”, и потому не имею никакой нужды в “разделении” последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это – “товар”» [Маркс 1961, с. 383].

Согласно Гегелю, наука, идущая по пути синтетического познания, должна далее отталкиваться от этой конкретной индивидуальности, которая считается абстрактным (т.е. простым и абстрагированным от конкретных обстоятельств ее существования) моментом Всеобщего, каковое и является предметом науки, продвигаясь отсюда к различным конкретным формам Всеобщего. Так описывается путь науки в Логике: *понятие* конкретной индивидуальности сначала выставляется (и может появиться необходимость его уточнения на этом этапе), затем подвергается имманентной критике, последовательно выводящей за его пределы через исследование скрытых в нем конкретных форм, до тех пор пока не возникнет противоречие, которое может быть разрешено в действительности только открытием некой новой конкретной индивидуальности.

Следует отметить, что Гегель не верит в то, что естественные и гуманитарные науки могут быть развиты с помощью одной лишь логики, без обращения к наблюдениям и экспериментам. «Рациональное само по себе начало науки переходит в случайное вследствие того, что всеобщее низводится в область *эмпирической единичности* и *действительности*. В этом царстве изменчивости и случайности понятие не имеет силы, а могут иметь силу лишь *основания*» [Гегель, 1974, т. 1, с. 101].

В «Науке логики» простые понятия обозначают начало каждой книги, соответственно: бытие, рефлексия и абстрактное понятие. Эти категории в известном смысле также «простые нечто», и их развитие дает модель синтетической науки, применяемой в

естественных и гуманитарных науках, но в качестве категорий они не могут быть описаны ни как *Einzelnen*, ни как «абстрагированное от конкретного» целое.

В дальнейшем в «Энциклопедии философских наук» демонстрируется использование «простых нечто», имеющих форму отношения всеобщего к самому себе. В частности:

– первая книга «Философии природы» по видимости начинается с «пространства», но ее непосредственное начало образуют гораздо более определенные понятия: точка, линия и плоскость (или поверхность, которая может охватывать пространство);

– вторая книга «Философии природы» по видимости начинается с «Физики», а на самом деле – с частицы;

– «Органическая физика» по видимости – о «жизни», в действительности же она начинается с организма;

– три книги «Философии субъективного духа»: «Душа», начинающая с чувств, «Сознание», начинающая с ощущений, и книга о «Духе»;

– в «Философии объективного духа» абстрактное право, или частная собственность, проходит через следующие ступени: собственность = владение, пользование и отчуждение имущества; договор = дарение, обмен и залог; и «право против нарушенного права» = непредумышленное нарушение и преступление;

– «Моральность» раскрывается через понятия умысла, средства, намерения, блага, добра;

– «Нравственность» – через понятия семьи, рынка (системы потребностей и труда), государственной власти, корпораций, государства и других институтов;

– в «Философии Абсолютного духа» раздел «Искусство» по видимости – о «форме красоты» (*die Gestalt der Schönheit*), начинается же он с понятия произведения искусства; «Религия Откровения» начинается с «конкретной индивидуальности» (*konkrete Einzelheit*), а «Философия» – с умозаключения.

Как видно из приведенного выше списка, каждая из наук, рассмотренных Гегелем в «Энциклопедии», имеет своим предметом общий феномен, объединяемый синтетическим познанием; последнее начинает с дискретной простой сущности или действия, которое, будучи единичным, является в то же время всеобщим.

Выготский о единице анализа

Выготский назвал такое всеобщее «единицей анализа». В первой главе «Мышления и речи» он пишет: «Само слово, представляющее собой живое единство звука и значения и содержащее в себе, как живая клеточка, в самом простом виде основные свойства, присущие речевому мышлению в целом...». И поясняет, что это – «анализ, расчленяющий сложное единое целое на единицы. Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает *всеми основными свойствами, присущими целому*, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства» [Выготский, 1982, т. 2, с. 14–15].

2. Действия, опосредованные артефактами

На предпоследнем этапе «Логики», прямо перед Абсолютной идеей, когда «понятие восходит до свободного существования», Гегель разрабатывает «умозаключение действования» (*der Schlusse des Handelns*) – краеугольный камень теории действия, который становится ключевым звеном, связывающим все три книги «Энциклопедии», его концепцию естествознания и теорию общества – с логикой.

Вся «Логика» вплоть до этого отрывка касалась логических категорий и не затрагивала «внешнее» (если использовать гегелевскую терминологию), но с появлением умозаключения действования в Логике появляется и «внешнее». Умозаключение действования отличается от серии умозаключений из предшествующего раздела «Логики», под за-

главием «Субъективность», будучи последним разделом Идеи, осуществляющим переход к Абсолютной Идее.

«В умозаключении, в действовании[1], первая посылка – это непосредственное соотношение благой цели с той действительностью, которой эта цель овладевает и которую она во второй посылке направляет как внешнее средство против внешней действительности» [Гегель, 1970, т. 3, с. 285].

В «Малой логике» Гегель более ясно объяснял умозаключение действования (в отрывке, изобилующем выразительными курсивами):

«Целесообразная деятельность и ее средства еще направлены вовне, ибо цель также *не* тождественна с объектом; поэтому она и должна сначала опосредствоваться последним. Средство как объект находится в этой *второй посылке* в *непосредственном* отношении с *другим* крайним термином умозаключения – с объективностью как предпосылаемой, с материалом. Это отношение есть сфера *служащих* цели механизма и химизма, истиной и свободным понятием которых цель является. То обстоятельство, что субъективная цель как власть, правящая этими процессами, в которых объективное стирается и снимается, сама держится *вне их* и вместе с тем есть то, что в них *сохраняется,* – есть *хитрость разума*.

Прибавление. Разум столь же *хитер*, сколь *могуществен*. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою* собственную цель» [Гегель, 1974, т. 1, с. 397].

Хотя не похоже, чтобы Выготский штудировал Гегеля, в работе «Сознание в обществе»[2] он цитирует Маркса, в свою очередь, цитирующего данный фрагмент в «Капитале», и поэтому знает о происхождении понятия опосредствования артефактами (artifact mediation) и его глубоком значении в философии Гегеля.

Умозаключение делает очевидным и важным тезис о том, что для реализации своей цели субъекту необходимо использовать как средство другую часть той самой реальности, которую субъект намеревается изменить. Одними мыслями мир не изменишь. Может, это довод простого здравого смысла, но это важная и фундаментальная истина, касающаяся *всех* целенаправленных действий: мысли субъекта становятся материальной реальностью и противостоят другим субъектам как объективная материальная реальность только благодаря опосредованности действий субъекта материальными средствами, то есть с помощью *посредствующих артефактов*. Такими артефактами могут быть голос или рука действующего человека, инструмент или участок земли, используемые в труде; это может быть символ – например, знаки на странице или экране. Этот отрывок обычно упускается из виду во введениях в философию Гегеля, мистифицируя переход от логических категорий к понятиям естественных наук, касающимся материальных процессов, не говоря уже о процессах *социальных*.

Умозаключение действования также объясняет, как категории Логики приходят к видимому внешнему существованию, в виде форм природной и социальной жизни. В этом умозаключении материальная реальность *действует на саму себя* в соответствии с присущей ей природой, опосредованной человеческим субъектом, каковы бы ни были его субъективные намерения, и тем самым реализует Понятие как нечто объективное и природное, как часть материальной культуры общества, *через посредство* добровольного че-

[1] В оригинале: «В умозаключении действования (In dem Schlüsse des Handelns)». – *Прим. пер.*

[2] «Mind in Society» – англоязычное издание работы Выготского, известной у нас под редакторским заглавием «История развития высших психических функций». Она представляет собой компиляцию как минимум двух текстов, которые в настоящее время считаются утерянными. – *Прим. пер.*

ловеческого *действия*. Именно через опосредованность действий внешними объектами и процессами субъект формирует понятие Природы.

Предметы, которые люди используют в качестве средств в своих действиях, как правило, является не дарами Природы как таковой (хотя в них *всегда* есть также и природное), но продуктами деятельности других людей. Как правило, это культурные продукты, нормы употребления и цели которых объективированы в самих этих артефактах; например, форма молота явно предназначена для забивания гвоздей. Соответственно, человек-субъект не только «пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи», так, чтобы «данное самой природой стало органом его деятельности» [Маркс 1960, с. 190], но пользуется еще и всей культурой общества, частью которого он является.

На взгляд Гегеля, и субъект, и объект представляют собой не зависящие друг от друга целостности, причем средства и объект, в конечном счете, более сильны, нежели человеческие намерения:

«То, что цель непосредственно соотносится с объектом и делает его средством, равно как и то, что она через него определяет другой объект, можно рассматривать как *насилие*, поскольку цель представляется имеющей совершенно другую природу, чем объект, и оба объекта также суть самостоятельные по отношению друг к другу целокупности... Постольку *средство выше*, чем *конечные* цели *внешней* целесообразности; *плуг* нечто более достойное, нежели непосредственно те выгоды, которые доставляются им и служат целями» [Гегель, 1970, т. 3, с. 199–200].

Хотя личность может делать то, что выбирает сама, но наши цели, поскольку мы существа природные и культурные, в действительности *даны* нам, и «орудие сохраняется, между тем как непосредственные выгоды преходящи и забываются. Посредством своих орудий человек властвует над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей» [Гегель, 1970, т. 3, с. 200].

В этом разделе теории действия в гегелевской Логике, видно, что отдельные человеческие существа и формообразования сознания, в которых они действуют, суть просто средства, с помощью которых раскрывает себя Дух. В той мере, в какой наши действия должны иметь некий результат, мы мотивированы и вместе с тем связаны и естественной необходимостью, и возможностями, заложенными в материальной культуре, окружающей нас, и нашими собственными действиями, и действиями предшествующих поколений. Абсолютная необходимость внешних средств в опосредствовании человеческих замыслов лежит в основе этого утверждения.

Молодой Гегель предвосхитил категорию артефакта, когда определил инструмент как «норму труда», речь – как «инструмент разума», а ребенка – как «абсолютный опосредствующий термин» (absolute mediating term). Все эти разновидности артефактов являются внешними материальными объектами или процессами *и в то же время* формируются и используются в человеческой деятельности. Только мысль, соответствующая таким материальным объектам и процессам и манифестируемая через их средства и объекты, активна в мире и является частью *Geist* (*нем.* Духа).

Однако не любой, первый встречный материальный объект или процесс функционирует таким образом в манифестации Духа. Например, местный климат здесь, в Мельбурне, делает разговоры о погоде между жителями нашего города взаимно понятными. Но когда мы говорим друг с другом о погоде, тот факт, что все мы имеем опыт относительно одного и того же объекта, ни необходим, ни достаточен для взаимопонимания, поскольку все мы переживаем эту погоду по-разному. Если я говорю вам о погоде, погода не участвует в этом действии; только произнесенные слова опосредствуют мое действие в отно-

шении к вам. Если я говорю по-английски, то будут понятны только те значения, которые вы понимаете по-английски; если же вы не понимаете этот язык, то общение совсем не получится. *Другая проблема* – роль общих материальных условий. Понятия о погоде реализуются только через общение и деятельность, связанную с погодой. Если же погода является не более чем фоном деятельности, понятие о погоде не может существовать.

Согласно умозаключению действования, между субъектом и объектом существуют *две* связи: одна – непосредственная, например, переживание погоды, а другая – опосредствованная, например, слова и формы выражения, с помощью которых мы научились реагировать на погоду. Посредствующий элемент не исключает непосредственного контакта с объектом, действуя как буфер между субъектом и объектом, но вместе с тем и «управляя» этим контактом.

Важное значение в данном плане имеют Слова Гегеля в начале «Науки логики», в очерке «С чего должна начинаться наука?»: «*Нет* ничего ни на небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы в такой же мере непосредственность, в какой и опосредствование» [Гегель 1970, т. 1, с. 124].

Выготский об опосредствовании артефактами

Несмотря на то, что к 1980-м годам среди исследователей творчества Выготского утвердилось мнение, что в большинстве его работ «действия, опосредованные артефактами», рассматриваются как единица анализа, с 1930 года Выготский старательно дистанцировался от использования категории «артефакт» в подобном ключе, смешивая (lumping) использование орудий труда с использованием символов в коммуникативном акте. Объединение этих двух видов опосредствования заключало в себе, по мнению Выготского, риск *редукции* символических действий, таких как речь и письмо, к труду – эта тенденция обнаружила себя в позднейших работах некоторых его коллег [Леонтьев 1998]. Выготский использовал также и другие единицы анализа, помимо действий, опосредованных артефактами, как отмечалось в другой моей работе [Blunden 2017].

3. Различие между действиями и деятельностью

Гегель излагает свою теорию деятельности в разделе о нравственности в «Философии права». *Противоречие* между целью (*Vorsatz*) и намерением (*Absicht*) действия и противоречие между намерением и благом (*Wohl*) являются ключевыми понятиями его анализа. Эти понятия не просто отличаются или находятся на разных уровнях абстракции, но противоречат друг другу, и основанием для этих противоречий является рациональное человеческое действие. Описываемая Гегелем структура действия не просто моральная, когнитивная или аффективная структура, принадлежащая конкретному деятелю, а скорее концептуальная и этическая структура общества в целом.

Гегель показывает, что намерение, реализованное действием, существенно отличается от цели действия. В свою очередь, цель существенно отличается от блага, которое субъект преследует в своем намерении. Противоречие между целью и намерением, как показал А.Н. Леонтьев [1975], является определяющим фактором «действия»[1], как основной единицы деятельности, а различие между намерением и благом – определяющий фактор «деятельности», молярной единицы, структурирующей разделение труда и социальную борьбу.

Гегель развил эти идеи в форме нравственной философии, но в ней имплицитно содержится теория действия, раскрывающая структуру общества.

[1] А.Н. Леонтьев проводит различие между намеренным «действием» и «операцией», осуществляемой автоматически. – *Прим. пер.*

4. Различие между псевдопонятием и истинным понятием

Во времена Гегеля большинство логиков считали, что понятие равносильно перечню существенных атрибутов, и то же самое мнение бытует по сей день. Предмет гегелевской «Логики» – понятия, их генезис и развитие, и Гегель произвел революцию в понимании «понятия» (*Begriff*). Вплоть до 1931 года Выготский толковал «понятия» в конвенционалистском духе формальной логики, и эта концепция нашла свое отражение в работе Лурии в Центральной Азии в 1931 году[1]. Возможно, в результате совместной работы с последователями советского философа Деборина Выготский изменил свой взгляд [на природу понятия], что сказалось на всех его работах, вышедших после 1931 года.

Гегель проводил следующее различие между «понятием» и абстрактно-общим в формальном, метафизическом мышлении:

«Когда говорят о понятии, то обычно перед нашим умственным взором возникает лишь абстрактная всеобщность, и обычно поэтому понятие определяют как общее представление. Говорят, согласно этому, о понятии цвета, растения, животного и т.д. и считают, что эти понятия возникли благодаря тому, что опускается все особенное, отличающее друг от друга различные цвета, растения, животные и т.д., и сохраняется то, что у них есть общего. Таков рассудочный способ понимания понятия, и чувство здесь право, объявляя такие понятия пустыми и бессодержательными, голыми схемами и тенями.

Но всеобщее понятие не есть только общее, которому противостоит особенное, обладающее своим собственным существованием; оно есть, напротив, само себя обособляющее (специфицирующее) и с незамутненной ясностью остающееся у самого себя в своем другом. В высшей степени важно как для познания, так и для практического поведения, чтобы мы не смешивали голое общее с истинно всеобщим, с универсальным» [Гегель 1974, т. 1, с. 345–346].

Выяснение того, *как* Гегель трактовал «понятие», увело бы нас далеко от сказанного выше в связи с концепцией «единицы анализа».

«Абстрактную всеобщность», о которой говорил Гегель, Выготский справедливо назвал «псевдопонятием» – формой абстрактного обобщения, соединяющей объекты при помощи общих черт, им присущих; это напоминает понятийное мышление, потому что в ограниченной области опыта такие псевдопонятия охватывают те же объекты и ситуации и обозначаются теми же самыми словами, что и истинное понятие.

«Псевдопонятия составляют не только исключительное достояние ребенка. В псевдопонятиях чрезвычайно часто происходит и мышление в нашей обыденной жизни. С точки зрения диалектической логики понятия, встречающиеся в нашей житейской речи, не являются понятиями в собственном смысле. Они являются, скорее, общими представлениями о вещах. Однако не подлежит никакому сомнению, что они представляют собой переходную ступень от комплексов и псевдопонятий к истинным понятиям» [Выготский, 1982, т. 2, с. 168].

Примечательно, что эти два автора [Выготский и Гегель] различали абстрактные обобщения и истинные понятия одинаковым образом, один – с точки зрения психологии развития, другой – с точки зрения логики.

Заключение

Четыре указанных выше концептуальных идеи не исчерпывают пути, на которых Выготский, Леонтьев и их последователи продолжили работу, начатую Гегелем. В частности, можно было бы упомянуть следующее:

[1] В 1931–1932 годах А.Р. Лурия предпринял две экспедиции в Узбекистан для проверки гипотезы о культурных различиях между структурами человеческого восприятия. – *Прим. пер.*

1. Выготский, подобно объективному идеалисту Гегелю, рассматривает понятия как имплицитно заложенные в констелляциях материальной культуры способы ее использования в обществе, а не как субъективные образования, создаваемые индивидуальным мозгом.

2. Концепция генезиса речи и мышления у Выготского:

«До известного момента то и другое [речевое и интеллектуальное] развитие идет по различным линиям, независимо одно от другого. В известном пункте обе линии пересекаются, после чего мышление становится речевым, а речь – интеллектуальной» [Выготский, 1982, т. 2, с. 105].

Гегель представлял генезис современного государства подобным же образом: различные ветви власти – законодательная, исполнительная, монарх – исторически имеют разное происхождение, но собираются воедино как элементы одного организма. В зрелом состоянии ни один из них не может существовать без всего организма, но каждый орган работает независимо в соответствии со своими полномочиями, аналогично тому, как взрослые люди могут размышлять о чем-либо, не произнося этого вслух, и говорить нечто, в то же время думая о чем-то другом.

3. Несмотря на то, что Выготский сформулировал несколько положений о свободе воли, свидетельствующих о недостаточной философской грамотности, он превосходно решил проблему свободной воли в своей теории развития ребенка [Выготский, 1982, т. 4, с. 243–385], показав, как естественная воля новорожденного трансформируется в своем развитии через ряд фаз, в которых ребенок становится физически, биологически, психологически и, наконец, социально автономным, в конечном счете обретая свободную волю взрослого гражданина, свободно действуя с осознанием своего социального положения и исторического контекста.

Таким же образом во Введении к «Философии права» продвигалась и мысль Гегеля. Человек выходит из животного царства с естественной волей, которая оставляет его в плену собственных желаний при наличии средств их удовлетворения и терпимого отношения к ближнему. Однако на завершающих стадиях филогенеза, с овладением языком, а затем и последующим историческим становлением государств, способных гарантировать права, обеспечивать развитие человека как нравственного субъекта и его участие в суверенном государстве, человек *развиваем* (*develops*) свободную волю. Выготский и Гегель разделяли такой развивающий подход (developmental approach) к проблеме, вместо того, чтобы метафизически противопоставлять свободную волю естественной, запутываясь в возникающих противоречиях.

Синергия обширна, так как подход Выготского – развивающий, а не основанный на неизменных категориях, и этот подход к реальности был инициирован Гегелем.

Стоит отметить, что четыре концептуальных идеи, выделенные в данной статье, редко становятся предметом внимания гегелеведов, хотя и хорошо известны исследователям творчества Выготского и, как мы видели, открыто предвосхищались Гегелем. Учитывая, что Выготский, по всей вероятности, никогда не изучал Гегеля [см.: Blunden 2009], это – достижение выдающееся.

Список литературы

1. Выготский Л.С. 1982. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика.
2. Гегель Г.В.Ф. 1970. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль.
3. Гегель Г.В.Ф. 1974. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль.
4. Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. М.: Мысль. 524 с.
5. Леонтьев А.Н. 1975. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат. 304 с.
6. Леонтьев А.Н. 1998. Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского. Вопросы психологии, 1: 108–124.
7. Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М.: Политиздат. Т. 23. 907 с.

8. Маркс К. 1961. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М.: Политиздат. Т. 19. С. 369–399.

9. Blunden A. 2009. From where did Vygotsky get his Hegelianism? URL: https://www.ethicalpolitics.org/ablunden/pdfs/Vygotskys-Hegelianism.pdf (дата обращения 01.06.2020).

10. Blunden A. 2017. The Germ Cell of Vygotsky's Science, in: Vygotsky and Marx, ed. by C. Ratner & D. N.H. Silva. Routledge. 207 p.

11. Hegel G.W.F. 1979. System of ethical life (1802/3) and First Philosophy of Spirit (1803/4). New York: State University of New York Press. 288 p.

References

1. Vygotsky L.S. 1982. Sobranie sochinenij [Works]. In 6 vol. Moscow, Pedagogika.

2. Hegel G.W.F. 1970. Nauka logiki [Science of Logic]. In 3 vol. Moscow, Mysl'.

3. Hegel G.W.F. 1974. Ehnciklopedija filosofskikh nauk [Encyclopaedia of the Philosophical Sciences]: In 3 vol. Moscow, Mysl'.

4. Hegel G.W.F. 1990. Filosofija prava [Philosophy of Right]. Moscow, Mysl'. 524 p.

5. Leontiev A.N. 1975. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat. 304 p.

6. Leontiev A.N. 1998. Uchenie o srede v pedologicheskikh rabotakh L.S. Vygotskogo [Study of the environment in the pedological works of L.S. Vygotsky]. Voprosy psikhologii, 1: 108–124.

7. Marx K. 1960. Kapital. Vol. 1. Marx K., Engels F. Sochinenija [Works]. In 50 vol. Moscow: Politizdat. 907 p.

8. Marx K. 1961. Zamechanija na knigu A. Wagnera «Uchebnik politicheskoj ehkonomii» [Notes on Adolph Wagner's Textbook of Political Economy]. Marx K., Engels F. Sochinenija [Works]. In 50 vol. Moscow, Politizdat. Vol. 19: 369–399.

9. Blunden A. 2009. From where did Vygotsky get his Hegelianism? URL: https://www.ethicalpolitics.org/ablunden/pdfs/Vygotskys-Hegelianism.pdf (date of request 01.06.2020).

10. Blunden A. 2017. The Germ Cell of Vygotsky's Science, in: Vygotsky and Marx, ed. by C. Ratner & D. N.H. Silva. Routledge. 207 p.

11. Hegel G.W.F. 1979. System of ethical life (1802/3) and First Philosophy of Spirit (1803/4). New York: State University of New York Press. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бланден Энди, секретарь Марксистского сетевого архива (marxists.org), автор монографий по философии Гегеля и теории деятельности, Мельбурн, Австралия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Blunden Andy, Secretary of the Marxist network archive (marxists.org), author of monographs on Hegel's philosophy and theory of action, Melbourne, Australia

ИНФОРМАЦИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Майданский Андрей Дмитриевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE TRANSLATOR

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of philosophy and theology Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.47
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-437-446

Реновация идеи социальной солидарности: опыт Белгородской области

Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
babintsev@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены основные этапы процесса реновации социокультурных констант общественного развития на основе опыта актуализации идеи социальной солидарности, накопленного в Белгородской области в ходе разработки и реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы». Обосновано, что социокультурные константы представляют собой однозначно установленные на основе общественной конвенции, не подвергаемые сомнению последователями, комплексы идей ценностно-нормативного характера, определяющие поведение людей во взаимоотношениях с окружающими. Реновация определена как процесс актуализации социокультурного феномена в общественном сознании и последующее превращение его в фактор, влияющий на поведение больших социальных групп. Показано, что в структурном отношении реновация любого социокультурного феномена включает в себя несколько процедур: идентификацию объекта реновации; содержательную интерпретацию социокультурной константы; мультипликацию социокультурной константы; конвертацию константы в поведенческие модели населения. Сделан вывод о том, что главным критерием выбора объекта реновации должна быть функциональность, выражающаяся в способности константы «работать» на решение задачи преодоления процесса социальной дизъюнкции и обеспечения воспроизводства регионального сообщества.

Ключевые слова: регион, социальная нестабильность, хаос, риски, социальная реальность, социальная дизъюнкция, солидарность.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Реновация социокультурных констант как фактор воспроизводства и развития региональных сообществ» (№ 20-011-00482).

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2020. Реновация идеи социальной солидарности: опыт Белгородской области. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 437–446. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-437-446

Renovation of social solidarity idea: experience of the Belgorod region

Valentin P. Babintsev, Galina N. Gaidukova, Zhanna A. Shapoval
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
babintsev@bsu.edu.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the main stages of renovation process socio-cultural constants based on the experience, accumulated in the Belgorod region during the development and

implementation of the Strategy "Formation of a regional solidarity society for 2011-2025". Research methodology: the article is based on the theory of social risks, according to which risk is increasingly becoming a leveling norm of daily existence in an unstable social environment, as well as the theory of social anomie (a state expressed in the value instability of society). Results: it is proved that socio-cultural constants are unambiguously established on the basis of public convention, which are not questioned by followers, complexes of value-normative ideas that determine people behavior in relationships with others. It is noted that value patterns, social norms, sign systems, and behavioral models can be considered as sociocultural constants. Renovation is defined as the process of a socio-cultural phenomenon actualization in society and its subsequent transformation into a factor that affects the behavior of large social groups. It is argued that in structural terms, the renovation of any socio-cultural phenomenon includes several procedures: identification of renovation object (selection from the total mass of constants that make up the content of the regional cultural and historical tradition); meaningful interpretation of the socio-cultural constant (determination of the essence of the "renovated" object, its interpretation in the context of modern ideas); multiplication of a socio-cultural constant (formulation of a set of values whose content correlates with the constant and together with which it can represent a single value-semantic complex); conversion of the constant into behavioral models of the population. The conclusion is formulated that the main criterion for selecting of renovation object should be functionality, which is expressed in the ability to solve the problem of overcoming the process of social disjunction and ensuring the reproduction of the regional community.

Keywords: region, social instability, chaos, risks, social reality, social disjunction, solidarity.

Acknowledgements: the article was prepared with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project "Renovation of socio-cultural constants as a factor of reproduction and development of regional communities" (no. 20-011-00482).

For citation: Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. 2020. Renovation of social solidarity idea: experience of the Belgorod region. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 437–446 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-437-446

Современное общество характеризуется высоким уровнем социальной нестабильности, что дает исследователям весомые основания характеризовать его состояние как «общество риска» [Бек, 2000], «смута» [Смакотина, 2009], «турбулентный хаос» [Пригожин, Стенгерс, 1986], «социальная дизъюнкция» [Ковригина, 2015]. Развитие такого общества зачастую резко меняется под влиянием факторов, кажущихся, на первый взгляд, случайными, непрогнозируемыми, но впоследствии («задним числом») получающие свое логическое обоснование (в интерпретации Н. Талеба – «черных лебедей» [Талеб, 2009]. Одним из таких факторов, в частности, стала пандемия коронавируса.

Нестабильному социуму присуща непрочность общественных связей, что делает проблематичным его воспроизводство и самосохранение, особенно в контексте многочисленных техногенных и социогенных угроз. Ощущение их неустойчивости, зыбкости существенно снижает уровень доверия, сокращает возможности формирования и наращивания социального капитала, представляющего собой важнейший ресурс личностного и социально-группового развития, не позволяя объединиться для решения общественно-значимых проблем. Нормой жизни становится социальная дизъюнкция, которая выражается в ситуации «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [Кармадонов, 2015, с. 11].

Положение усугубляется тем, что в обществе всегда находятся силы, пытающиеся использовать дизъюнктивные процессы в своих корпоративных интересах, применяя для этого как открытые, так и скрытые (манипулятивные) методы воздействия. Более или менее отчетливое представление о применяемых ими практиках, которое в некоторых случаях может принимать форму конспирологической мифологии, дополнительно стимулирует

у граждан ощущение неуверенности в своем референтном окружении, инициирует появление массовых страхов, перерастающих в ксенофобию и агрессию.

Вполне естественной реакцией на социальную нестабильность являются попытки найти в размывающейся социальной реальности хотя бы какие-то устойчивые социокультурные ориентиры, позволяющие людям выстраивать конструктивные стратегии коммуникации, в основе которых лежат не ситуативные прагматические, а долгосрочные интересы, коррелирующие (или, по меньшей мере, откровенно не противоречащие) отечественной культурно-исторической традиции. Эти ориентиры допустимо определить как социокультурные константы, представляющие собой однозначно установленные на основе общественной конвенции, не подвергаемые сомнению последователями, комплексы идей ценностно-нормативного характера, определяющие поведение людей во взаимоотношениях с окружающими. В качестве социокультурных констант могут выступать ценностные паттерны, социальные нормы, знаковые системы, поведенческие модели.

Такие поиски чаще всего осуществляются индивидуально и находят свое воплощение либо в «уходе в религию», либо, что особенно характерно для последних лет, в конструировании виртуальных сетевых сообществ. В отношении последних М. Кастельс пишет: «Это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность» [Кастельс, 2004, с. 152].

Однако эти индивидуально-личностные варианты поиска социокультурных констант не могут быть распространены на большие группы людей и, тем более, на административно-территориальные формирования, к которым в России относятся субъекты федерации и муниципальные образования. Между тем они не в меньшей мере, чем личность, нуждаются в определении добровольно установленных на основе согласия большинства граждан, принадлежащих к локальному сообществу, представлений о должном поведении в неустойчивой социальной реальности, хотя бы уже потому, что только при их наличии можно рассчитывать на взаимную лояльность сограждан, которая согласно Т. Парсонсу, представляет собой «готовность откликнуться на должным образом "обоснованный" призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» [Парсонс, 1998, с. 26].

Не менее, а возможно, более важно и то, что в своей совокупности социокультурные константы должны формировать образ общества, который отсутствует в современной России [Крупкин, 2010, с. 8] и без которого невозможно сконструировать образ желаемого будущего, или, как иногда принято говорить, «российской (русской) мечты».

Представляется довольно проблематичным, что востребованные социокультурные константы могут быть найдены в рамках идейного пространства, которое является продуктом глобализирующегося общества, поскольку это общество принципиально несовместимо с идеей определенности бытия и сознания, апеллируя к постмодернистской концепции реальности. «По мнению постмодернистов, все, в буквальном смысле этого слова, течет и постоянно изменяется, поэтому однозначность, монизм и статика для них неприемлемы, а определение понятий непродуктивно» [Барков, 2019, с. 46]. Поиск социокультурных констант общественного развития в рассматриваемом контексте представляется своеобразной ревизией общего тренда духовной эволюции так называемого «постиндустриального общества», которая не всегда непосредственно, чаще всего косвенно, определяет и процессы в современной России.

В этих условиях наиболее приемлемым вариантом решения проблемы видится реновация некоторых традиционных идейных конструктов, которые играли значительную роль в отечественной истории и могут быть востребованы в настоящее время. Под реновацией мы в данном случае понимаем актуализацию социокультурного феномена в общественном и последующее превращение его в фактор, влияющий на поведение больших социальных групп. Пределы этого влияния определяются масштабами локации, в которой

инициирован реновационный процесс. Поскольку в данной статье проблема рассматривается применительно к региону, под которым понимается любой субъект Российской Федерации, речь должна идти о поддержке большей части регионального сообщества, включающего как региональную элиту, так и основную массу населения.

Настоящее исследование обобщает опыт реновации идеи социальной солидарности, накопленный в Белгородской области. В ходе этого процесса в регионе была принята и осуществляется Стратегия «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» [Стратегия, 2011].

На основе обобщения опыта можно утверждать, что в структурном отношении реновация любого социокультурного феномена включает в себя несколько процедур.

1. Идентификация объекта реновации. Решение данной задачи связано с довольно непростым выбором из общей массы констант, составляющих содержание региональной культурно-исторической традиции, в которой всегда присутствуют различные, нередко взаимоисключающие элементы. Вполне понятно, что практикуемые в современной России преимущественно авторитарные модели регионального управления, более или менее адекватно воспроизводящие федеральную систему, замыкают решение проблемы выбора на «первое лицо». В Белгородской области этот выбор был сделан Губернатором региона Е. Савченко. Еще 2009 году в ежегодном отчёте о социально-экономическом развитии области он подчеркнул, что «на смену рыночной, конкурентной модели экономических отношений идёт новая, у которой должно быть справедливое, нравственное содержание и у которой будет не только цель – получение прибыли, но и миссия – благополучие работника, трудового коллектива, территории, природы. А ускорить приход новой модели может только активное, сплоченное, целеустремленное общество – солидарное общество» [Савченко, 2009]. В дальнейшем он не раз обращался к этой мысли, подтверждая, в частности, свой выбор ссылками на тезис Н. Федорова о необходимости «жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех».

Сделанный Губернатором выбор оказался довольно удачным. Однако такой вариант идентификации объекта в принципе заключает в себе значительный риск ошибочного решения, мотивированного субъективными предпочтениями руководителя, который, как правило, имеет весьма упрощенное представление о культурно-историческом процессе, привык ориентироваться на федеральные инициативы, а в случае их отсутствия, как это и имеет место в отношении реновационных проектов, подвержен влиянию случайных факторов. Минимизацию риска мы связываем с привлечением к процессу выбора экспертного сообщества. Однако далеко не во всех регионах оно обладает необходимым для подготовки квалифицированных рекомендаций потенциалом. К тому же в ряде субъектов РФ власти испытывают определенный скепсис в отношении «местных» экспертов, предпочитая обращаться к столичным авторитетам, немалое количество которых гастролирует в российских провинциях, предлагая себя в качестве подрядчиков при выполнении управленческих проектов. Но недостаток подобной практики заключается в том, что столичные специалисты, как и специалисты из других регионов, обычно плохо знают местную специфику и могут предлагать лишь некие универсальные решения, часто слабо сопряженные с реальностью.

В ходе выбора с неизбежностью возникнет вопрос о его критериях. Очевидно, что главным из них должна быть функциональность, выражающаяся в способности константы «работать» на решение задачи преодоления процесса социальной дизъюнкции и обеспечения воспроизводства регионального сообщества. Кроме того, социокультурная константа должна быть востребованной в конкретной общественно-политической ситуации. Образно говоря, реновируемая идея должна буквально «витать в воздухе». Именно этим отличалась идея солидарности. Примечательно, что Президент РФ в ежегодных посланиях Федеральному собранию с 2000 по 2008 и с 2012 по 2015 годы неоднократно подчеркивал важность и необходимость процесса консолидации общества [Захарова, 2016]. Востребованность соли-

дарности неоднократно отмечал Патриарх Кирилл, который, в частности, говорил следующее: «И сегодня, как и 400 лет назад, идеи солидарности и заботы об общем, а не только о частном, могут и призваны стать скрепой нашего общества. Каким финансовым капиталом ни обладал бы человек, какие высокие позиции ни занимал бы – он не будет полноценно счастлив без служения ближним. Чем больше людей будет ощущать общественный смысл, социальную пользу совершаемого дела, тем крепче будет общество, тем меньше будут расстояния между разными социальными слоями» [Патриарх Кирилл, 2012].

Таким образом, белгородский выбор исключительно удачно вписался в контекст общественного дискурса. Однако представляется, что соответствие социокультурной константы актуальным тенденциям развития региона и страны в целом является далеко не единственным критерием выбора. Кроме этого, она должна быть адекватной историко-культурному контексту, соотносясь тем самым с некоторыми архитипами массового сознания и укладываясь в рамки, заданные региональными миофлогемами, без которых не функционирует ни одно региональное сообщество. В Белгородской области эти архетипы и мифологемы концентрируются вокруг идеи региона как исторического фронтира во взаимодействии с инородным, зачастую враждебным окружением, требующим мобилизации всех видов ресурсов, прежде всего ресурсов человеческих. Такая мобилизация особенно востребована в кризисные периоды, которые в различные исторические эпохи переживала область. Этот концепт системно воспроизводится в представлении о регионе как одном из важнейших элементов «засечной черты», представляющей довольно надежный заслон от набегов кочевников, в символизации Прохоровского поля как третьего ратного поля России, оказавшего решающее влияние на ход Великой Отечественной войны. Сегодня приграничный белгородский регион воспринимается как своего рода форпост в отношениях с Украиной, политика элиты которой в данном контексте рассматривается как проявление потенциальной агрессии, фундируемой маргинальными мифологемами относительно территориальных претензий в отношении ряда российских областей.

Идея солидарности и консолидации в таком ракурсе рассматривается в качестве символического подтверждения постановки и решения традиционной региональной задачи защиты Отечества, к которой не может оставаться равнодушными большинство белгородцев, в чьей исторической памяти сформировалось представление о героическом прошлом. Консолидация при таком подходе рассматривается как естественный процесс возрождения и продолжения этой традиции.

Безусловно, специфика региональных культурно-исторических традиций будет существенно влиять на выбор реновируемых социокультурных констант в каждом конкретном субъекте Российской Федерации.

2. Содержательная интерпретация социокультурной константы, которая в еще большей степени, чем первая процедура, требует профессионального подхода. Смысл ее заключается в определении существа «реновируемого» объекта, его истолковании в контексте современных представлений. Интерпретация должна быть предельно строгой и ясной, поскольку в условиях плюрализма мнений, отражающих различные социальные интересы, представляющие их группы будут пытаться вложить в предлагаемые понятия свое содержание.

Решением этой проблемы белгородцам пришлось непосредственно и довольно долго заниматься в процессе реновации идеи солидарности, поскольку в ходе ее длительной разработки в истории социальной мысли [Аносов, 2019] сложились самые различные трактовки содержания данного феномена. Ситуация дополнительно осложнялась тем, что механическое воспроизведение ни одной из них оказалось практически невозможным в силу ряда обстоятельств. Некоторые концепции были слишком отвлеченными от реальной жизни, наполненными абстрактными понятиями, которые вряд ли могли быть восприняты сознанием современного прагматично мыслящего россиянина. Характерно в данном контексте рассуждение О. Конта: «Каждая семья в первую очередь должна надлежащим обра-

зом выполнить общую задачу, возложенную на нее Великим Организмом, членом которого она является. Но для этого ей необходимо постоянно опираться на чувство той общей Гармонии, в которую она привносит свою ноту. Таким образом, каждый истинный гражданин проникается чувством порядка и становится ревностным и искренним, чтобы заслужить уважение со стороны других» [Comte, 1875, p. 244].

Другие концепции не учитывали социально-исторический опыт России, особенно накопленный в последние десятилетия, характеризовавшиеся тотальным разрушением коллективистских ценностей. На этом фоне утопичными выглядели требования Э. Дюркгейма осуществлять социальную конъюнкцию именно на их основе.

С учетом многих обстоятельств был сделан вывод о необходимости ограниченной интерпретации солидарного общества как общества, в котором налажены доверительные коммуникации между людьми: солидарное общество – общество, в котором нормой отношений между людьми являются взаимное доверие и ответственность, стремление по-соседски (по-доброму) решать житейские проблемы и готовность добровольно и бескорыстно поддерживать друг друга в трудных жизненных ситуациях. В свою очередь, консолидацию предлагалось рассматривать как процесс создания условий для взаимопонимания, системного диалога и взаимодействия между акторами регионального пространства в решении общих проблем. В данном контексте она приобретает два «измерения». В «вертикальном» плане – это выстраивание властно-общественных коммуникаций; в «горизонтальном» – налаживание межличностных и межгрупповых отношений. При этом обе задачи (вопреки часто встречающемуся заблуждению относительно того, что наиболее значимые барьеры возникают лишь при налаживании «вертикального» взаимодействия) являются исключительно сложными. Безусловно, властно-общественный диалог, реализующийся в публичной сфере, порождает комплекс проблем, затрагивающих практически каждого жителя региона. Эти проблемы обусловлены взаимным отчуждением власти и того, что принято называть гражданским обществом, одним из следствий которого является недоверие между контрагентами. Однако не менее значимые проблемы возникают и в сфере приватного взаимодействия. Они связаны с равнодушием граждан в отношении друг друга, лицемерием, отказом в сочувствии и поддержке. Одним из следствий распространения этих феноменов являются открытые и латентные социальные конфликты на уровне микросреды.

Безусловно, идея сведения консолидации к налаживанию эффективных коммуникаций разделяется далеко не всеми участниками реновационного процесса, но его несомненным достоинством является реалистичность.

3. Мультипликация социокультурной константы. Под мультипликацией (от лат. multiplcatio – увеличение, умножение, размножение) мы понимаем формулировку комплекса ценностей, содержание которых коррелирует с константой, и в совокупности с которыми она может представлять собой единый ценностно-смысловой комплекс. Необходимость этого процесса определяется соображениями практического характера. Они заключаются в том, что содержание социокультурной константы, которая как правило представляет сложную смысловую конструкцию, целесообразно «раскассировать» в виде более простых формулировок, доступных для восприятия максимально широкого круга субъектов. Это должны быть достаточно понятные, близкие их мировосприятию ценности, принятие которых облегчает утверждение социокультурной константы в качестве ключевой идеи. Предполагается, что интериоризация данных ценностей будет представлять процесс своеобразного «восхождения» к освоению (усвоению) ее содержания.

Существенно и то, что в виде завершенной дефиниции константа может не восприниматься представителями отдельных статусных групп. Связанные с нею ценности (ценности-сателлиты) способны примирять их с выбором реноваторов.

Вполне понятно, что подбор ценностей-сателлитов не может быть произвольным. Они должны отвечать ряду критериев:

– соответствие содержанию социокультурной константы (по меньшей мере, допустимость такого соответствия может быть доказана в логически непротиворечивых конструкциях);

– органичность локальным (региональным) культурно-историческим традициям, наличие с ними символической связи;

– совместимость с социальными реалиями (ценности не должны казаться абсолютно противоречащими образу жизни и мыслей современников, несмотря на то, что в повседневной жизни им не всегда «пока» следует большинство населения);

– ограниченное количество (ценностей не может быть предложено слишком много, что с неизбежностью ведет к «расфокусировке» сознания, смещению его с константы на частности).

Одной из проблем реновации идеи социальной солидарности в Белгородской области стало то, что структура ценностей-сателлитов не была четко проработана. В связи с реализацией Стратегии много говорилось о духовности, социальной справедливости, доверии, лояльности. Но остались открытыми как минимум два вопроса: 1) насколько их интериоризация возможна в современном обществе; 2) какие статусные группы способны стать их носителями? Отсутствие ясных ответов на эти вопросы сделало в значительной мере проблематичной популяризацию Стратегии. Так, мониторинг «Роза качества» (он направлен на оценку качества регионального управления и проводится ежегодно), в 2018 году (n = 8000), показал, в частности, что «о реализации Стратегии формирования солидарного общества слышали лишь 28,5 % белгородцев. И, хотя 57,5 % считают его реализацию успешной, только 42,8 % представляют, что такое солидарное общество» [Бабинцев, 2019, с. 610].

То, что после семи лет реализации стратегии консолидации регионального сообщества только менее половины граждан имеют ясное представление о солидарном обществе, обусловлено, на наш взгляд, тремя главными причинами, которые, скорее всего, будут проявляться при реновации практически любой социокультурной константы. Во-первых, ориентированное на решение преимущественно прагматических задач общественное сознание оказывает вполне естественное сопротивление любым попыткам внесения в публичный дискурс вопросов, выходящих за пределы утилитарных практик. Во-вторых, как уже отмечалось выше, инициатива реновации идеи солидарности исходила от власти, но общество довольно недоверчиво воспринимает властные новации (в данной связи представляется важным, чтобы инициатива реновации любой социокультурной константы формулировалась при участии пользующихся авторитетом у населения общественных объединений, определенную роль здесь могут сыграть религиозные организации). В-третьих, чиновники, в чьи функции входила задача мультипликации константы, сами не были убеждены в необходимости решения данной задачи и относились к ее решению формально, что типично для бюрократического сознания и административно-бюрократических практик. Белгородский опыт дает основание утверждать, что чрезмерная формализация и имитация реновационного процесса, прежде всего (но не только) административно-бюрократическими структурами создают наиболее существенные риски недостижения запланированных результатов.

4. Конвертация константы в поведенческие модели населения. Любая реновированная социокультурная константа приобретает реальную значимость тогда, когда она начинает определять мышление и поведение граждан. Однако, как показал белгородский опыт, добиться этого исключительно сложно в силу как объективных, так и субъективных причин. Очевидно, что, решая задачу выстраивания поведения больших групп населения с ориентацией на социокультурные константы, мы возвращаемся к идее утверждения ценностно-рационального (по М. Веберу) типа социального действия. Однако современное

общество (общество потребления) ориентировано на использование целерациональной модели, что особенно характерно для молодежи [Чупров и др., 2014, с. 52].

При доминировании этого типа действия значение социокультурных констант заметно нивелируется. Они приобретают чисто символическое, декларативное значение, что, собственно, и подтвердила практика Белгородской области. В ходе реновации идеи солидарности о своей приверженности ей заявляли очень многие представители регионального сообщества, особенно относящие себя к элите. Формула «солидарное общество» для части из них стала показателем соответствия новым трендам развития, свидетельством лояльности власти. Однако это мало что меняло в отношении социальных практик на макроуровне.

Тем не менее, на уровне микрогрупп идея солидарности нашла свое воплощение в ряде локаций. Ее приняли как актуальную поведенческую установку члены некоторых ТОСов, представители некоммерческих, в частности, волонтерских организаций [Павлова, 2019], в определенной степени опровергнув мнение многих скептиков о бесперспективности начинания.

Представляется, что это дает основание для следующего заключения: несмотря на всю сложность реновации социокультурных констант на уровне российских регионов, данный процесс имеет перспективы, если он реализуется через систему микросоциальных практик, в том числе (а в будущем, возможно, в основном) посредством включения ресурса социальных сетей. При этом главные барьеры для реновационного процесса возникают, с одной стороны, вследствие его бюрократизации и имитации административно-управленческими структурами, с другой стороны, пассивности населения, воспринимающего реновацию как очередную, мало связанную с реальностью затею региональной элиты, преследующей свои групповые цели.

Список источников

1. Патриарх Кирилл. 2012. Идеи солидарности и заботы об общем призваны стать скрепой нашего общества. URL: https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-idei-solidarnosti-i-zaboty-ob-obshhem-prizvany-stat-skrepoj-nashego-obshhestva/ (дата обращения: 23.03.2020).

2. Савченко Е.С. 2010. Ежегодный отчет о выполнении программ социально-экономического развития Белгородской области за 2009 год. URL: http://op31.ru /pr/publishing/file/zhurnal_no.1_2012_g..pdf (дата обращения: 30.05.2020).

3. Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011-2025 годы. Белгород, 2011, 80 с.

Список литературы

1. Аносов С.С. 2019. Консолидация как социальный феномен: социально-философский анализ: дис. … канд. филос. наук. 09.00.01. Чита, 206 с.

2. Бабинцев В.П. 2019. Региональная консолидация как социальный проект: возможности реализации (белгородский опыт). В кн.: Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. М., 609–612.

3. Барков С.А. В. Зубков. 2019. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., ИПО «У Никитских ворот», 376 с.

4. Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-Традиция. 384 с.

5. Захарова О.В. 2016. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015). Вестник Института социологии, 17: 29–45.

6. Кармадонов О.А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция. Социологические исследования, 2: 3–12.

7. Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, У-Фактория: Изд-во Гуманит. ун-та, 327 с.

8. Ковригина Г.Д. 2015. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества: дис. … канд. филос. наук. 09.00.11. Иркутск, 183 с.

9. Ковригина Г.Д. 2018. Теоретические проблемы исследований социальной солидарности. Иркутск, Изд-во ИРНИТУ, 158 с.

10. Крупкин П.Л. 2010. Россия и современность: проблемы совмещения. Опыт рационального осмысления. М., Наука, 568 с.

11. Павлова О.А. 2019. Социальная консолидация как условие и ресурс развития местного самоуправления. Региональные практики социальной консолидации: опыт и перспективы. Белгород, Белгородская областная типография, 4–18.

12. Парсонс Т. 2000. Система современных обществ. М., Аспект Пресс, 270 с.

13. Пригожин И., Стенгерс И. 1986. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., Прогресс, 432 с.

14. Смакотина Н.Л. 2009. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М., Университет, кн. дом, 241 с.

15. Талеб Н.Н. 2009. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., КоЛибри, 528 с.

16. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. 2014. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография. М., Норма: ИНФРА-М, 352 с.

17. Comte A. 1875. System of Positive Polity. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order. London, Longmans, Green, And Co. 428. URL: https://archive.org /details /systemofpositive02comt (дата обращения: 11.02.2020).

References

1. Anosov S.S. 2019. Konsolidatsiia kak sotsial'nyi fenomen: sotsial'no-filosofskii analiz [Consolidation as a social phenomenon: socio-philosophical analysis]: dis. … kand. filos. nauk. 09.00.01. Chita, 206 p.

2. Babintsev V.P. 2019. Regional'naia konsolidatsiia kak sotsial'nyi proekt: vozmozhnosti realizatsii (belgorodskii opyt) [Regional consolidation as a social project: implementation opportunities (Belgorod experience)]. In: Rossiia: Tendentsii i per-spektivy razvitiia. Ezhegodnik. Vyp. 14 / RAN. INION. M., 609–612.

3. Barkov S.A. 2019. Monologi i dialogi o postmoderne i postmodernizme [Monologues and dialogues about postmodernism and postmodernism]. M., Publ. IPO «U Nikitskikh vorot», 376 p. (In Russian)

4. Beck U. 2000. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk society. On the way to another modern]. M., Publ. Progress-Traditsiia, 384 p.

5. Zakharova O.V. 2016. Strategii reprezentatsii kategorii «konsolidatsiia» v kon"iunktivnom diskurse rossiiskogo prezidenta (2000-2015) [Strategies for representing the "consolidation" category in the conjunctive discourse of the Russian President (2000–2015)]. Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin Of the Institute of sociology]. 17: 29–45.

6. Karmadonov O.A. 2015. Solidarnost', integratsiia, kon"iunktsiia [Solidarity, integration, conjunction]. Sotsiologicheskie issledovaniia, 2: 3–12.

7. Kastel's M. 2004. Galaktika Internet: Razmyshleniia ob internete, bizne-se i obshchestve [the Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business, and society]. Ekaterinburg, Publ. U-Faktoriia, 327 p.

8. Kovrigina G.D. 2015. Sotsiokul'turnye resursy sotsial'noi konsolida-tsii rossiiskogo obshchestva [Sociocultural resources of the social consolidation of Russian society]: dis. … kand. filos. nauk. Irkutsk, 183 p.

9. Kovrigina G.D. 2018. Teoreticheskie problemy issledovanii sotsial'noi solidarnosti [Theoretical problems of social solidarity research]. Irkutsk, Publ. RNITU, 158 p.

10. Krupkin, P.L. 2010. Rossiia i sovremennost': problemy sovmeshcheniia. Opyt ratsional'nogo osmysleniia [Russia and modernity: problems of combining. Experience of rational understanding]. M., Publ. Nauka. 568 p.

11. Pavlova O.A. 2019. Sotsial'naia konsolidatsiia kak uslovie i resurs razvitiia mestnogo samoupravleniia [Social consolidation as a condition and resource for the development of local self-government]. Regional'nye praktiki sotsial'noi konsolidatsii: opyt i perspektivy. Belgorod, Publ. Belgorodskaia oblastnaia tipografiia, 4–18.

12. Parsons T. 1998. Sistema sovremennykh obshchestv [the System of modern societies]. – M., Publ. Aspekt Press, 270 p.

13. Prigozhin I., Stengers I. 1986. Poriadok iz khaosa. Novyi dialog chelove-ka s prirodoi [Order out of chaos. A new dialogue between man and nature]. M., Publ. Progress, 432 p.

14. Smakotina N.L. 2009. Osnovy sotsiologii nestabil'nosti i riska: filo-sofskii, sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii aspekty [Fundamentals of the sociology of instability and risk: Philosophy, sociological and socio-psychological aspects]. M., Publ. Universitet, kn. Dom, 241 p.

15. Taleb N.N. 2009. Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti [Black Swan. Under the sign of unpredictability]. M., Publ. KoLibri. 528 p.

16. Chuprov V.I., Zubok, Iu.A., Romanovich N.A. 2014. Otnoshenie k sotsial'noi real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyi mekhanizm for-mirovaniia i vosproizvodstva [Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction: monograph]: monografiia. M., Publ. Norma: INFRA-M, 352 p.

17. Comte A. 1875. System of Positive Polity. Vol. 2. Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order. London: Longmans, Green, And Co. 428 p. Available at: https://archive.org/details /systemofpositive02comt (data obrashcheniia: 11.02.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Galina N. Gaidukova, candidate of Sociology science, associate Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Zhanna A. Shapoval, candidate of Sociology science, associate Professor of the Department of Social Technologies and Civil Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 316.35
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-447-459

Панельное исследование социального портрета молодого лидера регионального профсоюзного движения

[1)]Шмарион Ю.В., [2)]Насонова М.А.
[1)]Ассоциация социологов «Институт социальных технологий»
(Россия, 398050, Липецк, Желябова 12а, офис 2)
E-mail: jbshmarion@mail.ru
[2)]Федерация профсоюзов Липецкой области
(Россия, 398001, г. Липецк, Советская улица, дом 7, офис 320)
E-mail: marina_nasonova@mail.ru

Аннотация. Современный молодежный актив региональных профсоюзов приобретает черты нового социального феномена, заслуживающего создание его социального портрета, который станет эмпирической базой, обеспечивающей разработку эффективной системы отбора потенциальных лидеров, их последующего обучения и переподготовки. В связи с отсутствием научных и социально-технологических разработок, посвященных формированию современных молодых лидеров регионального профсоюзного движения, авторами произведена оценка изменения типических характеристик социального портрета молодых лидеров регионального профсоюзного движения, работающих в сложных условиях модели российского трипартизма. Определены особенности изменения характеристик социального портрета молодого лидера при переходе от хронотопа информационной направленности к хронотопу реальных условий повседневной деятельности. Полученные результаты позволяют на научной основе решать вопросы подбора и расстановки профсоюзных кадров, рационально определять структуру и содержание курсовой подготовки профсоюзного актива.

Ключевые слова: трипартизм; социальный портрет молодого профсоюзного лидера; формирование кадрового резерва профсоюзов, панельное исследование.

Для цитирования: Шмарион Ю.В., Насонова М.А. 2020. Панельное исследование социального портрета молодого лидера регионального профсоюзного движения. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 447–459. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-447-459

Panel study of the social portrait of the young leader of the regional trade union movement

[1)]Yuri V. Shmarion, [2)]Marina A. Nasonova
[1)]Association of sociologists "Institute of social technologies"
12A Zhelyabova, office 2, Lipetsk, 398050, Russia
E-mail: jbshmarion@mail.ru
[2)]Federation of trade unions of Lipetsk region
7 Sovetskaya street, office 320, Lipetsk, 398001, Russia
E-mail: marina_nasonova@mail.ru

Abstract. The modern youth activism of regional trade unions acquires the features of a new social phenomenon that deserves to create a social portrait of it, which will become an empirical basis for developing an effective system for selecting potential leaders, their subsequent training and retraining. Due to the lack of scientific and socio-technological developments devoted to the formation of modern young leaders of the regional trade Union movement, the authors evaluated the changes in the typical

characteristics of the social portrait of young leaders of the regional trade Union movement working in the difficult conditions of the Russian tripartism model. The features of changing the characteristics of the social portrait of a young leader during the transition from the chronotope of information orientation to the chronotope of real conditions of daily activity are determined. The results obtained allow us to solve the issues of selection and placement of trade Union personnel on a scientific basis, and rationally determine the structure and content of the course training of trade Union assets.

Key words: tripartism; social portrait of a young trade Union leader; formation of the personnel reserve of trade unions, panel study.

For citation: Shmarion Yu.V., Nasonova M.A. 2020. Panel study of the social portrait of the young leader of the regional trade union movement. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 447–459 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-447-459

Введение

В современном обществе профсоюзы представляют собой один из высоко организованных институтов гражданского общества, который оказывает реальную помощь работникам в отстаивании их законных прав и свобод. Отдельному работнику трудно отстоять свои права в условиях трипартизма, ведь и государство, и работодатели располагают более мощной правовой поддержкой. Эта проблемная ситуация сегодня особенно актуальна практически во всех странах, так как снижается активность рабочего движения и отмечается продвижение идей неолиберализма. По данным U.S. bureau of labor statistics [Union membership…, 2018], начиная с 1940-х и 1950-х годов в профсоюзах состояли 30 % американских рабочих, в 1980 году – около 20 %, в 2017 и 2016 годах членство в профсоюзах продолжало сокращаться и достигло 10,7 %, а в 2018 году упало до 10,5 %. Тенденция снижения членства в профсоюзах отмечается и в других странах мира. По данным Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) [Visser, 2017] в 2017 году численный состав профсоюзов составлял в Швеции – 66,7 %, в Италии – 35,4 %, в Англии – 23,5 %, в Японии – 17,1 %, в Германии – 16,6 %, В Южной Корее –10,4 %.

В таких сложных условиях возрастает роль лидера профсоюзной организации как основной управленческой единицы профсоюза. «Сильные профсоюзы возникают тогда, когда их члены информированы, образованны и активны, – пишут руководители AFSCME Ли Сондерс и Элисса Макбрайд. – Поэтому наиболее эффективными местными профсоюзными лидерами являются те, кто постоянно ищет новые пути вовлечения рядовых сотрудников в качестве действительно активных участников ведения профсоюзного дела». [Green, 2018]. В этой связи одной из современных актуальных проблем региональных профсоюзов является проблема формирования профсоюзного актива и поиска активного члена профсоюза, который может стать во главе профсоюзной организации.

В региональных профсоюзах молодые специалисты все чаще занимают ключевые позиции. Очевидно, что профсоюзный лидер должен быть политически грамотен, иметь хорошую правовую подготовку, обладать высоким уровнем политической, управленческой и социально-технологической культуры [Каким должен…2018]. Таким образом, современный молодежный актив региональных профсоюзов приобретает черты нового социального феномена, заслуживающего создание его социального портрета, который станет основанием теоретического осмысления этого феномена и будет эмпирической базой, обеспечивающей разработку эффективной системы отбора потенциальных лидеров, последующего обучения и переподготовки. В рассмотренных выше зарубежных источниках, а также в отечественных публикациях о профсоюзах отсутствуют исследования подобного направления, что к приводит к преобладанию интуитивного отбора кандидатур на лидерские позиции, и соответственно доминированию традиционного и неэффективного подхода к обучению и переподготовки лидеров профсоюза. Отсутствие научных и социально-технологических разработок, посвященных формированию современных молодых лидеров регионального проф-

союзного движения определило цель данной работы, направленной на выявление актуальных характеристик социального портрета молодого лидера и использования их для разработки социальных технологий подготовки молодых лидеров профсоюзов.

Гипотеза исследования: характеристики социального портрета молодого лидера регионального профсоюзного движения зависят от хронотопа, в котором реализуются социальные взаимодействия молодого лидера, при этом разница в показателях характеристик социального портрета определяет структуру и содержание курсов повышения квалификации молодых лидеров профсоюза.

Панельные социологические исследования проводились среди участников Молодежного профсоюзного форума Липецкой области 25.01.2019, и эти же участники были опрошены 25.02.2019 на своих рабочих местах по той же самой анкете. Выборочная совокупность формировалась по методу основного массива.

Научные результаты и дискуссия

Среди молодых лидеров отмечается гендерный дисбаланс – активистов девушек в два раза больше (67,4 %), чем юношей (32,6 %). Несмотря на реальные трудности [Шмарион, 2018] современной профсоюзной деятельности девушки оказываются более активны, чем юноши. Отметим, что гендерный дисбаланс профсоюзной активности отмечается также на Западе [Пато, 2006]. По данным ВЦИОМ, российские женщины-лидеры профсоюза активно осваивают позитивный опыт мужчин, в результате термин «феминизм» оказался чуждым массовому сознанию активистов профсоюза [Карабайкина, 2018].

В возрастной структуре молодежного актива представлена не только молодежь, но и старшая возрастная группа (более 30 лет), которая равномерно распределена среди актива.

Образовательный уровень молодых лидеров достаточно высок. Большинство (79,1 %) имеет высшее образование. Среди молодежного актива выделены 4 стажевые группы: начинающие (20,9 %, стаж до года), опытные активисты (39,5 %, стаж от 1 до 3 лет), кадровый резерв (18,6 %, стаж от 4 до 7 лет), ветераны молодежного актива (21,0 %, стаж от 8–15 лет), которые по-прежнему активно участвуют в решении молодежных проблем.

Социально-демографические характеристики молодежного профсоюзного актива только предваряют социальный портрет. Основной системно-интегральной характеристикой профсоюзного лидера является активность. Согласно Петровскому А.В. [1976], активность как деятельное состояние субъекта детерминирована изнутри, со стороны его отношений к миру, и реализуется во вне – в процессах поведения. Активность профсоюзного лидера обусловлена следующей триадой основы активности: мотивационной, целевой, инструментальной. Анализ побудительных мотивов позволяет уточнить, как изменяется структура мотивационного ядра молодых активистов, проявляющаяся в разных хронотопах (рис. 1, здесь и на последующих рисунках: красный цвет – опрос во время участия в работе Форума 25.01.2019 (Ф), синий – опрос на рабочих местах 25.02.2019 (Р)).

В ранжированном ряду факторов в хронотопе информационно-просветительской направленности (хронотоп ИПН) (см. рис.1) в четверку первых вошли стремление самореализоваться (60,5 %), интерес (53,5 %) и стремление быть полезным обществу (48,8 %), приобретение опыта управленческой деятельности (39,5 %). В хронотопе повседневности в четверке несколько иной состав: стремление самореализоваться (39,0 %), стремление самоутвердиться (31,7 %), интерес и стремление быть полезным обществу (по 24,4 %), приобретение опыта управленческой деятельности (19,5 %).

В структуре факторного пространства лидирующая четверка факторов определяет те мотивы, от которых в основном зависит выбор молодого работника, желающего стать лидером профсоюзного движения, потребность к обучению, учению, самоорганизации, самоуправлению.

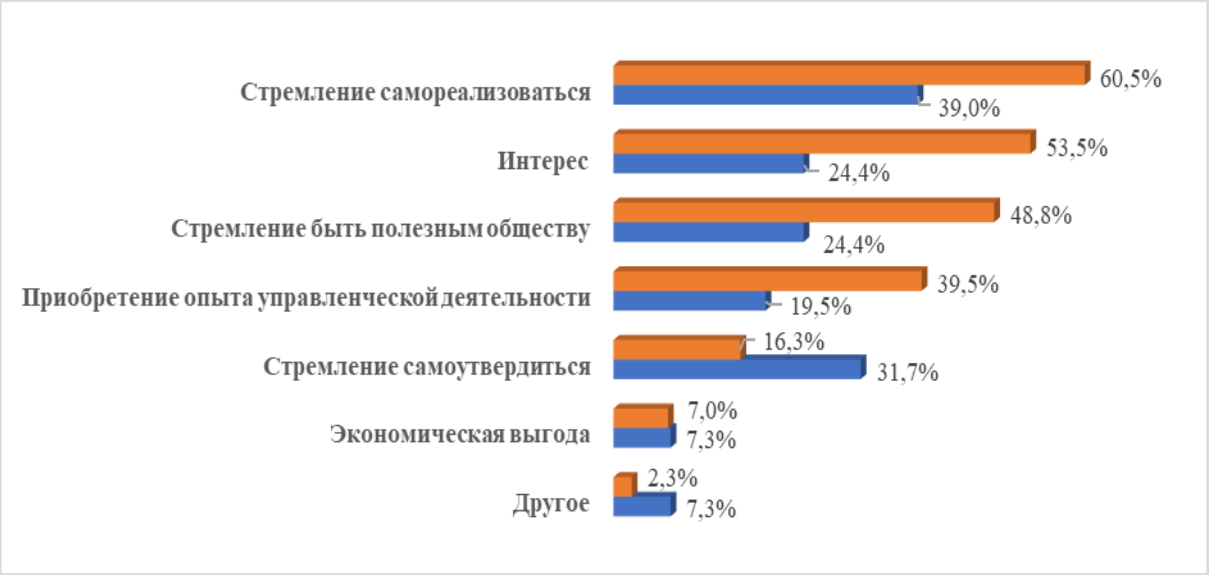

Рис. 1. Изменение интенсивности факторов, побуждающих профсоюзного лидера к его активной деятельности в зависимости от места и времени опроса
Fig. 1. Changes in the intensity of factors that encourage the trade Union leader to be active, depending on the place and time of the survey

При переходе от одного хронотопа к другому интенсивность проявления основных факторов уменьшилась в 1,5-2 раза (табл. 1), а структура факторного пространства практически осталась неизменной, за исключением одного фактора – стремления самоутвердиться (см. рис. 1).

Таблица 1
Table 1

Направление и интенсивность тренда факторного пространства, побуждающего профсоюзного лидера к его активной деятельности
The direction and intensity of the factor space trend that encourages the trade Union leader to be active

Факторы, побуждающие лидера к активной деятельности	Дата опроса		Отклонение (Р–Ф)	Направление тренда и его интенсивность
	25.02.2019 Рабочее место (Р)	25.01.2019 Форум (Ф)		
Интерес	24,39 %	53,49 %	–29,10 %	–2,19
Приобретение опыта управленческой деятельности	19,51 %	39,53 %	–20,02 %	–2,03
Стремление быть полезным обществу	24,39 %	48,84 %	–24,45 %	–2,00
Стремление самореализоваться	39,02 %	60,47 %	–21,44 %	–1,55
Экономическая выгода	7,32 %	6,98 %	0,34 %	1,05
Стремление самоутвердиться	31,71 %	16,28 %	15,43 %	1,95
Другое	7,32 %	2,33 %	4,99 %	3,15

В хронотопе повседневности (хронотоп ПВ) этот фактор приобретает для молодых лидеров особую значимость, так как социальное пространство имеет более сложную структуру, определяемую условиями реального многообразия жизнедеятельности молодого лидера профсоюзов [Социальные технологии…, 1995].

Неизменность структуры факторного пространства подтверждается достаточно высоким уровнем рангового коэффициента корреляции Спирмена – r = – 0,68, который является значимым. Так как $t_{эмпир} = 2,02 > t_{крит} = 0,79$ для n = 7 и P(x) = 95 %.

Установлено, что 60 % значения r определяется двумя факторами: интерес, влияние которого в хронотопе ПВ снижается в 2,19 раза, и стремление самоопределиться, значимость которого возрастает в 1,95 раза (см. табл. 1).

Этот факт требует более глубокого социально-психологического анализа. Абрахам Маслоу относил стремление самоутвердиться к высшим человеческим потребностям [Маслоу, 2014]. Психологи утверждают [Профессиональная…, 2009], что контроль самоутверждения человека может определяться в зависимости от доминирования внешнего или внутреннего локус контроля, причем второй является предпочтительным. Социальное пространство реальной жизнедеятельности молодого лидера многомерно. Ключевым мотивом самоутверждения лидера будет желание обрести достойное место в социуме.

Количественно-качественный анализ показал, что в реальных условиях существенно возрастает (почти в 2 раза) влияние фактора самоутверждения на активность профсоюзной деятельности, обусловленное сложностью и многомерностью хронотопа ПВ. Следовательно, при организации повышения квалификации молодых лидеров надо предусмотреть формирование тех характеристик социального портрета, которые определяются хронотопом ПВ. Целевые установки саморазвития, самореализации лидера должны быть достаточно высокими и ориентированными на процесс совершенствования личности и определяться хронотопом ИПН.

Структура мотивационного ядра каждого человека находит отражение в его деятельности, которая раскрывает весь спектр как позитивных, так и негативных качеств. Среди представленных для обсуждения качеств профсоюзного лидера в первую пятерку в хронотопе ИПН вошли: уверенность в себе – 58,1 %, способность представлять и отстаивать интересы коллектива – 53,5 %, активная жизненная позиция – 53,5 %, умение создать команду – 53,5 %, коммуникабельность – 48,8 %.

В хронотопе ПВ первая пятерка претерпела изменения: умение создать команду – 46,3 %, надёжность, ответственность и последовательность – 46,3 %, гибкость поведения и чувствительность к ситуации – 41,5 %, уверенность в себе – 39,0 %, активная жизненная позиция – 39,0 %. При этом в разных хронотопах в первую пятерку актуальных качеств попали уверенность в себе – 58,1 % (1 место Ф) и 39,0 % (4 место Р), активная жизненная позиция – 53,5 % (3 место Ф) и 39,0 % (5 место Р), умение создать команду – 48,8 % (5 место Ф) и 46,3 % (1 место Р) (рис. 2).

В хронотопе ПВ у молодого лидера оказываются более актуальными другие личностные качества: надежность, ответственность, последовательность (46,3 % (2 место Р)), гибкость поведения и чувствительность к ситуации (41,5 % (4 местоР)), что свидетельствует о многофакторности и многомерности социального пространства этого хронотопа.

Рис. 2. Изменение уровня актуализации личностных качеств профсоюзного лидера, побуждающих его к активной деятельности в зависимости от места и времени опроса
Fig. 2. Changes in the level of actualization, personal qualities of the trade Union leader that encourage him to be active, depending on the place and time of the survey

В реальных условиях трудовой деятельности молодого лидера актуализация около 70 % перечисленных личностных качеств, необходимых для эффективной профсоюзной деятельности, существенно снизилась (в 1,15–1,7 раза), а актуальность таких качеств, как надёжность, ответственность и последовательность, справедливость, готовность к риску, гибкость поведения и чувствительность к ситуации возросла **(**в 1,25– 3,57 раза) (табл. 2).

Уменьшение и возрастание актуализации личностных качеств при переходе из хронотопа ИПН в хронотоп ПВ не привело к значимому изменению структуры актуальных личностных характеристик, о чем свидетельствует умеренный уровень значимого рангового коэффициента корреляции Спирмена r = 0,49, ($t_{эмпир}$ = 1,86 > $t_{крит}$ = 0,441 для n = 16 и P(x) = 95 %). Установлено, что изменение структуры личностных качеств в хронотопе ПВ определяется на 50 % возросшей актуальностью качества гибкость поведения и чувствительность к ситуации; на 62 % – гибкость поведения и чувствительность к ситуации, плюс надёжность, ответственность и последовательность; на 78,5 % – гибкость поведения и чувствительность к ситуации, плюс надёжность, ответственность и последовательность, плюс готовность к риску, плюс способность представлять и отстаивать интересы коллектива.

Отмечается снижение в 1,5 раза у молодых лидеров уверенности в себе в хронотопе ПВ, по сравнению с хронотопом ИПН, в рамках которого 58,1 % молодых лидеров считали это личностное качество актуальным.

Уверенный в себе профсоюзный лидер – явление позитивное для трудового коллектива. Он оказывает положительное влияние на состояние морально-психологического климата в коллективе, престиж профсоюзной организации и организации в целом.

Таблица 2
Table 2

Направление и интенсивность тренда показателей личностных качеств профсоюзного лидера, необходимых для его активной деятельности
The direction and intensity of the trend of indicators of personal qualities of a trade Union leader necessary for his active activity

Актуальные качества молодого лидера	Дата опроса		Отклонение (Р–Ф)	Направление тренда и его интенсивность
	25.02.2019 Работа (Р)	25.01.2019 Форум (Ф)		
Способность организовать коллектив на решение поставленных задач	21,95 %	37,21 %	–15,26 %	–1,70
Способность представлять и отстаивать интересы коллектива	31,71 %	53,49 %	–21,78 %	–1,69
Инициативность и умение мотивировать себя	29,27 %	46,51 %	–17,24 %	–1,59
Уверенность в себе	39,02 %	58,14 %	–19,12 %	–1,49
Умение создавать условия для самореализации своих последователей	26,83 %	37,21 %	–10,38 %	–1,39
Активная жизненная позиция	39,02 %	53,49 %	–14,46 %	–1,37
Готовность поддержать в трудную минуту	12,20 %	16,28%	–4,08 %	–1,33
Коммуникабельность	39,02 %	48,84 %	–9,81 %	–1,25
Видение перспективы	24,39 %	30,23 %	–5,84 %	–1,24
Знание себя, своих чувств и эмоций	17,07 %	20,93 %	–3,86 %	–1,23
Умение создать команду	46,34 %	53,49 %	–7,15 %	–1,15
Другое	2,33 %	2,33 %	–2,33 %	1,00
Надёжность, ответственность и последовательность	46,34 %	37,21 %	9,13 %	1,25
Справедливость	21,95 %	16,28 %	5,67 %	1,35
Готовность к риску	34,15 %	18,60 %	15,54 %	1,84
Гибкость поведения и чувствительность к ситуации	41,46 %	11,63 %	29,84 %	3,57

Для молодого лидера в хронотопе ПВ оказываются важными такие качества, как умение создать команду, активная жизненная позиция, так как профсоюзная работа – это командная работа. Активная жизненная позиция предполагает социально-активное отношение лидера к окружающей социально-экономической действительности, а также активное ее преобразование [Бородихина, 2015; Задевалова, 2012].

Таким образом, анализ актуальных личностных качеств позволил оценить набор актуальных качеств лидера и необходимые коррективы в системе повышения квалификации.

О необходимости совершенствования системы подготовки профсоюзного актива свидетельствуют результаты балльной самооценки собственных лидерских качеств молодыми лидерами (рис. 3).

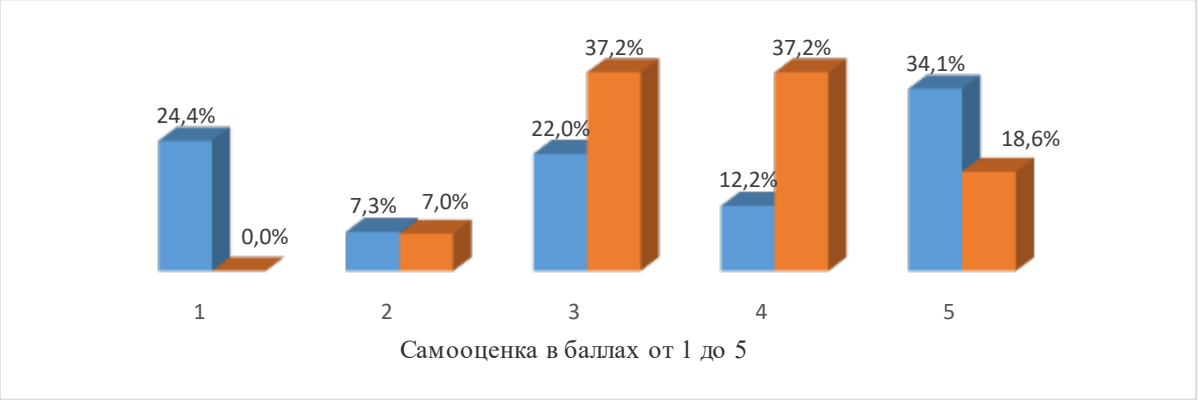

Рис. 3. Уровень балльной самооценки лидерских качеств молодых лидеров в зависимости от места и времени опроса
Fig. 3. The level of self-assessment of leadership qualities of young leaders depending on the place and time of the survey

Структура самооценки лидерских качеств претерпела существенные изменения при переходе от одного хронотопа к другому. В хронотопе ПВ повседневности 4 из10 лидеров, встретившись с конкретными трудно разрешимыми проблемами, приходят к выводу, что уровень их лидерских качеств недостаточен (самооценка равна единице), и, скорее всего, они переведут сложные проблемы в разряд неразрешимых (см. рис. 3). Вероятно, что такой же стратегии будут придерживаться 7,3 % лидеров, которые оценили на двойку свои лидерские качества.

Треть молодых лидеров, у которых сформирована команда, текущая профсоюзная работа в конкретной организации спорится, оценили свои лидерские качества на отлично, хотя на Форуме их оценки были в два раза скромнее. Установлено, что оценки удовлетворительно и хорошо 74,4 % молодых лидеров в режиме «Форум» не нашли подтверждения в реальной среде. Особенно это проявилось у лидеров, которые считали, что они обладают хорошими лидерскими качествами. В реальной жизни это подтвердилось лишь у каждого третьего их них.

Изменение оценки лидером собственных качеств в разных хронотопах при переходе из хронотопа ИПН в хронотоп ПВ при прочих равных условиях будет определяться изменением интенсивности воздействия на лидера факторов, препятствующих его управленческой деятельности в конкретной профсоюзной организации, а также тем, как воздействует на молодого лидера изменение интенсивности конкретного фактора (табл. 3).

В хронотопе ИПН лидер получает актуальную информацию о новых формах и методах управления и оценивает объём времени внедрения новшеств. Более половины (51,2 %) посчитали, что им не хватит времени на внедрение новшеств. В хронотопе ПВ лидеру становится очевидным, что новые методы он не сможет внедрить из-за ограниченности ресурсов, поэтому выбирается наименее трудоемкая и малоэффективная часть новшества, которую можно внедрить за минимальное время. В результате проблема нехватки времени разрешается, но новшество внедряется частично, без должного эффекта. В хронотопе ПВ у лидеров возрастает потребность в актуальной информации об управленческой деятельности.

Если в хронотопе ИПН было два из десяти лидеров, желающих получить такую информацию, то в ПВ их стало в два раза больше. Следовательно, этот факт необходимо учесть в корректировке курсов повышения квалификации лидеров.

Таблица 3
Table 3

Направление и интенсивность тренда факторов,
препятствующих управленческой деятельности лидера в зависимости от хронотопа
The direction and intensity of the trend
of factors that hinder the leader's managerial activity, depending on the chronotope

Факторы, препятствующие молодому лидеру	Дата и место опроса		Отклонение (Р–Ф)	Направление тренда и его интенсивность
	25.02.2019 Работа (Р)	25.01.2019 Форум (Ф)		
Отсутствие времени	34,1 %	51,2 %	–17,0 %	–1,50
Непонимание окружающими моего желания принимать участие в управленческой деятельности профсоюзной организации	17,1 %	30,2 %	–13,2 %	–1,77
Другое	7,3 %	14,0 %	–6,6 %	–1,91
Неудачный опыт	2,3 %	2,3 %	0 %	1,00
Отсутствие информации о возможности такой деятельности	39,0 %	20,9 %	18,1 %	1,86
Недоверие к профсоюзным организациям	4,9 %	2,3 %	2,6 %	2,10

Анализ результатов панельного исследования показал, что в разных хронотопах профсоюзные лидеры отдают предпочтение разным методам воздействия на политическую власть, по существу реализуя ситуативный подход к управлению [Поспелов, 1986]. В хронотопе ИПН 72,1 % молодых лидеров считают, что с властью можно договориться в рамках личных встреч с руководителями. Вторым методом (55,8 %) для разрешения проблем, возникших в системе трипартизма, в СМИ как к четвертой власти [Сафарян, 2008].

В хронотопе ПВ молодые лидеры более конкретно и критично оценивают возможность организовать личную встречу с высокопоставленным чиновником, и в связи с этим такая возможность сохранилась только у 41,5 % лидеров, т.е. снизилась в 1,7 раза.

В хронотопе ПВ лидеры стали больше надеяться на СМИ (46,3 %), чем на личные встречи, ориентируясь воздействовать на власть через оппозицию (34,1 %), в то время как в хронотопе ИПН (2,3 %) такая возможность не представлялась реальной для большинства лидеров. В хронотопе ПВ для лидеров теряют актуальность митинги и демонстрации (в 2,4 раза), пикеты правительственных зданий (в 1,4 раза), и одновременно с этим возрастает актуальность обращения в суды (в 1,2 раза), голодовок и забастовок (в 6,4 раза).

Таким образом, в системе трипартизма молодому лидеру необходимо проявлять особую гибкость в отстаивании ключевых интересов профсоюза. Кроме того, необходимо учитывать мнение молодых лидеров о том, что региональные профсоюзы не обладают полной независимостью в принимаемых решениях, так как только одно из трех решений профсоюз принимает самостоятельно. Следовательно, в курсовой подготовке необходимо обратить внимание на формирование у молодых лидеров знаний, умений и навыков политического анализа состояния регионального сообщества.

Анализ когнитивных потребностей молодых лидеров показал, что в хронотопе ПВ сместились акценты актуальности в сторону тех дисциплин, которые обеспечивают решение оперативных реальных задач управления (табл. 4.)

Таблица 4
Table 4

Самооценка направления и интенсивности
актуализации когнитивных потребностей лидеров в зависимости от хронотопа
Self-assessment of the direction and intensity
of actualization of their cognitive needs of leaders, depending on the chronot

Дисциплины	Дата и место опроса		Отклонение (Р – Ф)	Направление тренда и его интенсивность
	25.02.2019 Работа (Р)	25.01.2019 Форум (Ф)		
Иностранные языки	4,9%	53,5%	–48,6%	–10,97
Социальные технологии	12,2%	27,9%	–15,7%	–2,29
Связи с общественностью (PR)	31,7%	55,8%	–24,1%	–1,76
Менеджмент	14,6%	14,0%	0,6%	1,05
Информационные технологии	43,9%	25,6%	18,3%	1,72
Социальное проектирование	56,1%	27,9%	28,2%	2,01

Когнитивные потребности лидеров системно интегрированы в три блока знаний: коммуникативный, социально-технологический и управленческий (в порядке снижения потребности). В коммуникативном блоке – знания о связи с общественностью. В социально-технологическом блоке – знания о социальных и информационных технологиях, социальном проектировании. В управленческом – знания о социальном управлении и менеджменте. Для молодых лидеров является характерным фронтальная актуальная когнитивная потребность, которая при изменении хронотопа изменяет свою структуру. В хронотопе ИПН 52,5 % лидеров хотели осваивать иностранные языки, а в хронотопе ПВ желающих уменьшилось в 10,97 раза (см. табл. 4). А потребность в освоении информационных технологий в хронотопе повседневности возросла в 1,72 раза и в 2,01 раза увеличилась потребность в освоении процедур социального проектирования. Снизилась потребность в знаниях по связям с общественностью в 1,76 раза, социальных технологий – в 2,29 раза. Этот факт требует отдельного рассмотрения, так как в универсальном управленческом алгоритме, предложенном академиком Афанасьевым В.Г. в работе «Научное управление обществом» [1968] и развитом Ж.Т. Тощенко [2011], социальное проектирование и социальные технологии – две логично связанные между собой укрупненные процедуры, причем социальные технологии оказываются востребованными на финишных этапах универсального управленческого алгоритма.

Отмечается снижение в хронотопе ПВ потребности знаниях PR-деятельности и связанное с этим снижение уровня взаимодействия со СМИ, что затруднит создание позитивного имиджа профсоюзной организации в региональном сообществе.

Изменение хронотопов не повлияло на уровень востребованности лидерами информационных технологий, используемых в деятельности профсоюзной организации. Использование цифровых технологий широко обсуждается в американских профсоюзах. Джеймс Уолш, защитник труда отмечает: «…цифровые инструменты могут помочь в этом создании и поддержке низового руководства. Снизу-вверх переход на цифровые технологии с профсоюзной организацией является эффективным средством модернизации усилий Союза и привлечения членов» [Green, 2018].

Сохранилось неизменной отношение молодых лидеров к современной России, что вполне естественно. Получены близкие по структуре данные, характеризующие желание молодых лидеров активно участвовать в общественной жизни. Отмеченные рассогласования определяются конкретной социальной средой и реальными ресурсами для разрешения проблем. Установлено, что активность лидеров в решении общественных проблем поддерживается в основном молодежными движениями и профсоюзами, в то время как органы власти и СМИ недостаточно внимания уделяют позитивным начинаниям молодых лидеров регионального профсоюзного движения.

Заключение

Анализ и обобщение результатов панельного исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Установлено, что профессиональные и личностные качества молодого лидера регионального профсоюзного движения имеют триадную структуру, включающую базовую (инвариантную) часть, определяемую социетальными параметрами социальной среды; особенную часть, определяемую региональными параметрами социальной среды; специфическую часть, определяемую спецификой отраслевой принадлежности профсоюзной организации.

2. При переходе от хронотопа к хронотопу отмечается изменение характеристик социального портрета лидера. Основное влияние на изменение структуры характеристик социального портрета в последующем хронотопе оказывают компоненты характеристики, стоящие на первых и последних местах ранжированного ряда компонент данной характеристики, полученных на предыдущем хронотопе.

3. Изменение структуры характеристики социального портрета может быть оценено с помощью непараметрического рангового коэффициента корреляции Спирмена. Результаты промежуточных расчетов коэффициента корреляции Спирмена позволяют оценить долевое участие отдельных компонент характеристики социального портрета в изменении структуры.

4. Доказано, что разницу в показателях характеристик социального портрета, полученную при переходе от хронотопа ИПН к хронотопу ПВ, целесообразно использовать при определении структуры и содержания курсов повышения квалификации молодых лидеров.

5. Желание молодых лидеров повысить свою квалификацию инвариантно изменениям хронотопов.

Таким образом, результатом проведения данного панельного социологического исследования стало определение особенностей изменения характеристик социального портрета молодого лидера регионального профсоюзного движения, при переходе от хронотопа ИПН к хронотопу ПВ, что позволило решать вопросы подбора и расстановки профсоюзных кадров, определить рациональную структуру и содержание курсовой подготовки как профсоюзного актива, так и молодых лидеров регионального профсоюзного движения. Для данного класса задач разработаны методологические и методические подходы представления, обработки и интерпретации эмпирических данных.

Результаты данной работы были доложены в августе 2019 г. на заседании Совета ассоциации территориальных объединений организаций профсоюзов Центрального федерального округа, посвященном молодежной политики профсоюзов, и получили одобрение.

Список источников

1. Каким должен быть профсоюзный лидер? 2018. Профсоюзная библиотека Федерации профсоюзов Красноярского края. URL: http://www.fpkk.ru/read.php?articlealias=sb1150723865 (дата обращения: 12 октября 2019).

2. Петровский А.В. 1976. Общая психология. Москва, Просвещение, 476 с.

3. Социальные технологии: Толковый словарь. 1995. Отв. ред. В.Н. Иванов. Москва-Белгород: Луч-Центр социальных технологий, 309 с.

4. Тощенко Ж.Т. 2011. Социология управления. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 300 с.

5. Профессиональная самореализация личности в современном обществе: монография. 2009. [Федосенко Е.В. и др.]; под науч. ред. Е. В. Федосенко. Санкт-Петербург: Речь, 121 с.

Список литературы

1. Афанасьев В.Г. 1968. Научное управление обществом. (Опыт системного исследования). М. Изд. полит. лит-ры, 384 с.

2. Бородихина С.Л. 2015. Поиск нового содержания понятия «Активная жизненная позиция» в современных общественно-политических условиях. Вестник ТГПУ, 3(156): 182–189. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poisk–novogo–soderzhaniya–ponyatiya–aktivnaya–zhiznennaya–pozitsiya–v–sovremennyh–obschestvenno–politicheskih–usloviyah (дата обращения: 12 октября 2019).

3. Задевалова С.В. 2012. Влияние развития компонентов структуры личности на формирование ее активной жизненной позиции. Вестник БГУ, 13: 89–92. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie–razvitiya–komponentov–struktury–lichnosti–na–formirovanie–ee–aktivnoy–zhiznennoy–pozitsii (дата обращения: 13 октября 2019).

4. Кабайкина О. В. 2018.Феминистическое движение в России в исторической перспективе. Общество: социология, психология, педагогика, 1: 35–39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/feministicheskoe–dvizhenie–v–rossii–v–istoricheskoy–perspektive (дата обращения: 10 октября 2019).

5. Маслоу А. 2014. Мотивация и личность. 3-е изд. Санкт-Петербург. Питер, 600 с.

6. Пато Т. 2006. Состояние профсоюзного движения в Европе. Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL:https://scepsis.net (дата обращения: 16 мая 2019).

7. Поспелов Д.А. 1986. Ситуационное управление: теория и практика. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. Лит, 288 с.

8. Сафарян А.В. 2008. СМИ как «четвертая власть» и институт социализации. Власть, 5: 62–65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smi–kak–chetvertaya–vlast–i–institut–sotsializatsii (дата обращения: 10 октября 2019).

9. Шмарион Ю.В., Белокопытова Е.Н. 2018. Социальный портрет деловой женщины. Научный результат. Социология и управление, 4/4: 38–51.

10. Green K. 2018. Tips for Digital Engagement from Union Organizers, Labor Union News, Insight & Tools, UnionTrack Blog, published september 11 (дата обращения: 10 октября 2019).

11. Green K. 2018. Understanding and Responding to the Major Challenges to Unions Today, Labor Union News, Insight & Tools, UnionTrack Blog, published august 28 (дата обращения: 10 октября 2019).

12. OECD и J. Visser, база данных ICTWSS (институциональные характеристики профсоюзов, установление заработной платы, государственное вмешательство и социальные пакты), 2017. URL: http://www.uva–aias.net/en/ictwss/. (дата обращения: 12 октября 2019).

13. Union membership in the U.S. hit record low in 2018. 2018. URL: https://www.cbsnews.com/news/union–membership–declined–in–2018. (дата обращения: 12 октября 2019).

References

1. Afanas'ev V.G. 1968. Nauchnoe upravlenie obshchestvom. (Opyt sistemnogo issledovaniya) [Scientific management of society. (Experience of system research)]. M., Publ. Izd. polit. lit-ry, 384 p.

2. Borodihina S.L. 2015. Poisk novogo soderzhaniya ponyatiya «Aktivnaya zhiznennaya poziciya» v sovremennyh obshchestvenno-politicheskih usloviyah [Search for a new content of the concept of "Active life position" in modern socio-political conditions]. Vestnik TGPU, 3(156): 182–189. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poisk–novogo–soderzhaniya–ponyatiya–aktivnaya–zhiznennaya–pozitsiya–v–sovremennyh–obschestvenno–politicheskih–usloviyah (data obrashcheniya: 12 oktyabrya 2019).

3. Zadevalova S.V. 2012. Vliyanie razvitiya komponentov struktury lichnosti na formirovanie ee aktivnoj zhiznennoj pozicii [Influence of the development of components of the personality structure on the formation of its active life position]. Vestnik BGU, 13: 89–92. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie–razvitiya–komponentov–struktury–lichnosti–na–formirovanie–ee–aktivnoy–zhiznennoy–pozitsii (data obrashcheniya: 13 oktyabrya 2019)

4. Kabajkina O. V. 2018.Feministicheskoe dvizhenie v Rossii v istoricheskoj perspective [The feminist movement in Russia in historical perspective]. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika, 1: 35–39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/feministicheskoe–dvizhenie–v–rossii–v–istoricheskoy–perspektive (data obrashcheniya: 10 oktyabrya 2019).

5. Maslou A. 2014. Motivaciya i lichnost' [Motivation and personality]. 3-e izd. Sankt-Peterburg. Publ. Piter, 600 p.

6. Pato T. 2006. Sostoyanie profsoyuznogo dvizheniya v Evrope [The state of the trade Union movement in Europe]. Nauchno–prosvetitel'skij zhurnal «Skepsis». URL:https://scepsis.net (data obrashcheniya: 16 maya 2019).

7. Pospelov D.A. 1986. Situacionnoe upravlenie: teoriya i praktika [Situational management: theory and practice]. M., Publ. Nauka. Gl. red. fiz.-mat. Lit, 288 p.

8. Safaryan A. V. 2008. SMI kak «chetvertaya vlast'» i institut socializacii [Mass media as the "fourth power" and the institution of socialization]. Vlast', 5: 62–65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smi–kak–chetvertaya–vlast–i–institut–sotsializatsii (data obrashcheniya: 10 oktyabrya 2019).

9. Shmarion Yu.V., Belokopytova E.N. 2018. Social'nyj portret delovoj zhenshchiny. Nauchnyj rezul'tat [Social portrait of a business woman]. Sociologiya i upravlenie, 4/4: 38–51.

10. Green K. 2018. Tips for Digital Engagement from Union Organizers, Labor Union News, Insight & Tools, UnionTrack Blog, published september 11 (data obrashcheniya: 10 oktyabrya 2019).

11. Green K. 2018. Understanding and Responding to the Major Challenges to Unions Today, Labor Union News, Insight & Tools, UnionTrack Blog, published august 28 (data obrashcheniya: 10 oktyabrya 2019).

12. OECD i J. Visser, baza dannyh ICTWSS (institucional'nye harakteristiki profsoyuzov, ustanovlenie zarabotnoj platy, gosudarstvennoe vmeshatel'stvo i social'nye pakty), 2017. URL: http://www.uva–aias.net/en/ictwss/. (data obrashcheniya: 12 oktyabrya 2019).

13. Union membership in the U.S. hit record low in 2018. 2018. URL: https://www.cbsnews.com/news/union–membership–declined–in–2018. (data obrashcheniya: 12 oktyabrya 2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шмарион Юрий Васильевич, доктор социологических наук, профессор, директор Ассоциации социологов «Институт социальных технологий», г. Липецк, Россия

Насонова Марина Александровна, Советник по информационной политике Федерации профсоюзов Липецкой области,
г. Липецк, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri V. Smarion, Doctor of sociology, Professor, Director Association of sociologists " Institute of social technologies", Lipetsk, Russia

Marina A. Nasonova, Adviser on information policy of the Federation of trade unions of the Lipetsk region, Lipetsk, Russia

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО
HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 128
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-460-467

Трагедия смерти и драма жизни

Лосев А.В.
г. Москва
E-mail: lavpsi@mail.ru

Аннотация. Противоречивое единство жизни и смерти обнаруживается уже в самом рождении смертного по природе существа. Жизнь несомненное благо. Но рождающийся появляется на страдания и смерть. Смерть несомненное зло. Но умирая, рожденный смертный обретает покой. Одно из противоречий отношения к смерти заключается в выборе принимать смерть или нет. Нравственным будет неприятие смерти как зла, которому необходимо сопротивляться и не дать произойти, чтобы это зло не вошло в мир через меня, мою волю. Не принимать смерть как порядок вещей, но принимать свою смерть в порядке вещей. Другое противоречие отношения к смерти состоит в выборе благоговеть перед смертью или презирать смерть. Благоговейное отношение связано с причастностью человека таинственным явлениям, таким как зачатие, душа, Бог, тому что несравненно превосходит и объемлет его существование как по масштабам, так и по значению. Смерть вызывает благоговейный трепет естества. Вместе с тем презрение позволяет воспринять смерть трагически, как вселенскую неправду жизни, неестественное и уродливое явление. Варианты отношения к смерти не будут однозначными: презрение смерти телесной и одномоментно благоговение перед смертью как событием жизни; принятие своей смерти и одномоментно неприятие смерти как космической закономерности, судьбы, рока. Смерть носит личный характер, поскольку это всегда моя смерть. Личный характер смерти определяет и личное к ней отношение. Можно отгородиться от размышлений о смерти и не сформировать собственного отношения к ней, а позаимствовать чужое. Но смерть непосредственно коснется всего моего естества, и я не останусь безучастным к собственной смерти. Вся схваченная в моменте смерти жизнь предстает как драма на фоне трагедии смерти.

Ключевые слова: трагедия, драма, жизнь, смерть, память смерти, неприятие смерти, благоговение, презрение.

Для цитирования: Лосев А.В. 2020. Трагедия смерти и драма жизни. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 460–467. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-460-467

The tragedy of death and the drama of life

Alexander V. Losev
Moscow
E-mail: lavpsi@mail.ru

Abstract. The contradictory unity of life and death is revealed in the very birth of a being mortal by nature. Life is an undoubted good. But the one who is born has to suffer and die. Death is an undoubted evil. But when those who are born mortal die, they find peace. One of the contradictions is whether we should accept death. It will be moral to reject death as an evil which we should resist and prevent, so that the evil does not enter the world through my will. So that we accept as a matter of course not death in

general, but our own death. Another contradiction is whether we should be awed by death, or despise it. A reverent attitude is caused by the connection of the person with such mysterious phenomena as conception, soul, God, which incomparably exceed and encompass his existence both in scale and meaning. Death evokes awe in our souls. At the same time, contempt allows us to perceive death tragically as a universal untruth of life and an unnatural and ugly phenomenon. Possible attitudes to death are not unambiguous. We condemn the death of body and in the same time revere it as a vital phenomenon. We accept our own death and reject it as a cosmic law or fate. The philosophy of life and death is possible in a state of serenity, when one is able to concentrate and consistently think of oneself in the flow of life. The very nature of one's existence prevents a clear understanding and distinct description of life and death as events occurring in one's life. We can predict death by looking at its forms, but we can't be sure about it. Here all speaking is met with a stupor in an attempt to identify with death in the act of understanding penetration. Mortal memory is different from the rational way of viewing death. It is not a constant reflection on death, but the awareness of our mortal nature which is not accompanied by constant thoughts about death. It is a sober and humble attempt to look at oneself from the future moment of eternity, to view one's life as a whole. Death is personal, because it is always my death. The personal nature of death also determines personal attitude to it. One can isolate oneself from thinking about death and choose not to form one's own attitude to it, but borrow the understanding of it from someone else. But death will directly affect my whole being, and I will not remain detached from my own death. The whole life captured in the moment of death appears as a drama contrasted with the tragedy of death.

Keywords: death, mortal memory, rejection of death, reverence, contempt.

For citation: Losev A.V. 2020. The tragedy of death and the drama of life. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 460–467 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-460-467

Господь! Всем смерть свою предуготовь,
чтобы в нее впадало естество,
чтоб смысл в ней был, чтоб в ней была любовь.
Р.М. Рильке

Было время, когда меня не было, и будет время, когда меня не будет. Отмеренная данность моей жизни, схваченная в своей целостности, обнаруживает предел всех моих поступков. Всякий момент жизни, не заканчивающийся смертью, еще не конец. И из него, из этого момента, нельзя взглянуть на жизнь в целом. Жизнь может быть трагически осмыслена в конце. Пока мы находимся в потоке жизни, то имеем дело не с целостностью, а с частями жизни, которые еще не получили всеохватывающего взгляда в прошлое.

Трагедия смерти может быть по-настоящему понята в момент смерти, когда человек осознает, что до этого он ошибался и все оценивал неправильно, не из того масштаба. И поскольку само осознание и понимание приходит в момент смерти, то высказать пережитое видение человек не успевает или не может, потому что для описания надо навыкнуть жить в новом качестве, а на это не остается времени. Как младенец, только родившись и не освоившись еще жить в новом для него мире, осознавая уже, ощущая мир, но еще не владея языком, не имея еще позади достаточно опыта жизни в новом для себя мире, не может описать, что с ним происходит, так и умирающий человек, стоя на пороге смерти уже осознает открывшуюся ему истину, но еще не может вполне понять, а уж тем более высказать увиденное и переживаемое. Невозможно искусственно создать ситуацию, в которой бы я понял, что такое смерть, потому смерть – это не игра, не драма жизни.

Смерть – это сама жизнь, завершающая свое движение, достоверность самой жизни, которая гаснет. И после только – мрак неведения для живых, перешагнувших границу жизни. Живые могут творить потустороннюю реальность в мысли, но мои мысли о смерти и загробной жизни не имеют никакого отношения к тому миру, если допустить его существование. «Насколько велика нравственная потребность верить в продолжение личного бытия за земными пределами, настолько же велика невозможность ясно и адекватно его себе вообразить» [Лопатин, 2004]. На постели в окружении родных или в горячке боя, в одиночестве или на миру, насильно или по собственной воле – ничто не дает нам знания смерти, ни обстоятельства, ни характеристики умирания. Тот мир настолько иной, что невыразим по отношению к нам известному. «Не видел того глаз, не слышало того ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор. 2:19). Всякое наше описание смерти будет страдать даже не приблизительностью, а невыразимым несовпадением той реальности и нашего о ней представления.

Противоречивое единство жизни и смерти обнаруживается уже в самом рождении смертного по природе существа. Жизнь несомненное благо. Но рождающийся появляется на страдания и смерть. Смерть несомненное зло. Но умирая, рожденный смертный обретает покой. «Смерть сущностно амбивалентна: она отрицательна и есть зло, поскольку разрушает один из видов неабсолютного бытия – наше физическое, эмпирическое бытие; но положительна и есть добро постольку, поскольку позволяет осуществиться эмпирическому бытию других, и тем самым наполнять полноту бытия. Однако ее позитивность именно для человека состоит не только и не столько в этом, сколько в том, что факт конечности его земного бытия является стимулом и осуществления его личности в вечности – независимо от того, как понимается сама вечность: или как бессмертие души, или как память в поколениях и след в культуре» [Даренский, 2016]. В рождении есть тепло жизни, но и холод отчуждения. В смерти чувствуется холод пустоты, но и тепло колыбели, возвращение естества к собственным истокам. Сама жизнь в лице смерти выводит нас за пределы самой же себя, открывает новое измерение жизни. «Человек родился. Кто не видит дальше непосредственной жизни, тот обязан считать это действием судьбы. Но кто знает и любит то родное и всеобщее, что его породило, тот рад своему рождению, тот благодарит жизнь за свое рождение, тот считает свое рождение своим счастьем и своей волей, тот стремится выявить и выражает сознательно и вольно то, что ему жизнь дала до его сознания и без его воли» [Лосев, 1993]. Мысль, обращенная к истокам зарождения жизни человека, сталкивается с немыслимостью и величием перехода из небытия в бытие. Тайна рождения не в том, что человек зачался в биологическом смысле, а в том, как он начался.

Жизнь и смерть первичны по отношению к мысли. Сомнение, мышление и познание идут следом. Наша мысль уже имеет дело с данностью существования. Мы вроде бы знаем, что такое смерть, но мы только видим смерть тела, а что там внутри человека происходит, мы не знаем, это для нас тайна, покрытая мраком. Мы можем верить, догадываться, фантазировать, но знать смерть мы не можем. «Мы ничего не знаем про уход / раз навсегда ушедших. И не нам / судить о смерти, забежав вперед, / приглядываясь к сдвинутым чертам // на маске трагедийного конца. / Пока мы здесь разыгрываем роли / в надежде славной лицедейской доли, – / играет смерть от своего лица» [Рильке, 1977]. Непонимание, тупик, остановка мысли касаются не только смерти, но и жизни моего я, сознания. Отличие в том, что я не могу указать на смерть также, как и на мое я. Смерть – это не то, что я думаю. Мы живем среди множества несказанностей, но принуждаемые жаждой познания говорить о тайнах бытия, обращаемся к языку образов, поэзии, мифам.

Рассказывать и писать о смерти необычайно легко и вместе с тем невероятно трудно, почти невозможно. Легко, потому что смерть происходит с другими, не касается меня

лично. Тяжело, поскольку при всей своей однозначности и определенности смерть неуловима для мысли и слова. Разговор о смерти носит описательный характер, мысленный взгляд не проникает внутрь, а скользит по поверхности. Агонизирующее в конвульсиях тело выразительнее всего свидетельствует о смерти, которая скрыта покровом безмолвия и мрака. Но умирание еще не есть смерть. И по ликам умирания мы догадываемся, но не можем наверняка знать о смерти. Здесь всякое говорение наталкивается на оцепенение, в попытке отождествиться со смертью в акте понимающего проникновения.

Для понимания требуется опыт жизни. Но опыт жизни не дает опыта смерти. Философия может быть только изнутри жизни. Можно порой жить, совсем не вспоминая о смерти. Но невозможно говорить о смерти без предшествующей жизни. Смерть необходимо требует жизнь, а жизнь смерти не требует и не предполагает. Мы живем так, как будто смерти нет, как бессмертные существа, вопреки логике. Философия смерти – это мысли живых о самих себе. Рассуждения о смерти, это мысли живого человека, который видит мертвое тело, касается его взглядом, руками, мыслью, но не может проникнуть внутрь, потому что этого внутреннего нет, а есть только плоскость, поверхность. И даже мертвое тело мы воспринимаем как живого человека, воссоздаем, творим его в своем сознании, достраиваем и наделяем качествами, которые когда-то были присущи носителю тела. Не мозг носитель ума, и не тело носитель души. Человек носит свое тело, заключает его в себе.

Философия жизни и смерти возможна в состоянии безмятежности, когда я способен сосредоточенно и последовательно мыслить себя в потоке жизни. Горячка жизни и холод смерти не располагают к философии. Сам характер моего существования препятствует ясному пониманию и внятному описанию жизни и смерти как событий, происходящих в моей жизни. Я сам для себя являюсь помехой в силу своего образа жизни. Не могу или не хочу осознавать и понимать себя и свою жизнь. Размышления о собственной жизни тягостны. Думать же о смерти и вовсе невыносимо. Да мы и не думаем о смерти. Не вспоминаем, пытаемся забыть, сопротивляемся мысли и разговору о смерти. Беспамятство жизни касается не только смерти. Человек без интереса относится даже к самой очевидной и непосредственной данности своего я. К пониманию смерти может пробудить осознание конечности не просто жизни моего тела, а именно окончание существования моего я как событие, имеющее отношение лично ко мне.

Смерть носит личный характер, поскольку это всегда моя смерть. При обезличивании и попытке «объективного» подхода она перестает быть смертью человека. В то же время смерти безразлично кто и как умирает. Мы сами персонифицируем смерть, наделяем субъектностью. Смерть приходит, наступает, «проходит мимо» (С.П. Гудзенко). Смерть – «это исключительное личностное событие жизни, предполагающее глубочайшую индивидуальную вовлеченность и соответственно собственные экзистенциальные решения. Коллективного опыта смерти не существует; смерть другого и других не прибавляет никакого опыта и знания для конкретного человека, которому предстоит умереть особо, присущим лишь ему одному способом» [Варава, 2005]. Личный характер смерти определяет и личное к ней отношение. Можно отгородиться от размышлений о смерти и не сформировать собственного отношения к ней, а позаимствовать чужое. Но смерть непосредственно коснется всего моего естества, и я не останусь безучастным к собственной смерти.

Всматриваясь в себя, будучи погруженными в марево жизни, мы можем никогда и не узнать к чему было все это. Так и не понять зачем я жил, даже и не задаться таким вопросом. Но если суждено задаться, то надо иметь смелость честно признаться, что мне недоступен общий план моей жизни и таинственный ее смысл. «Договоримся так: когда

умру, / ты крест поставишь над моей могилой. / Пусть внешне будет он как все кресты, / но мы, дружище, будем знать с тобою, / что это – просто роспись. Как в бумаге / безграмотный свой оставляет след, / хочу я крест оставить в этом мире. / Хочу я крест оставить. Не в ладах / я был с грамматикою жизни. / Прочёл судьбу, но ничего не понял» [Рыжий, 2012]. Простота очевидности, с которой мы рождаемся, живем и умираем, питает наш ум вновь и вновь обращающийся к тому что видно, но не глазами, а умом.

Смерть может застилать горизонт мысли, чем продолжительнее и чаще мы размышляем о ней. Представляется, что все остальное по сравнению с ней ничтожно. Вся наша жизнь и стремления меркнут рядом с величием и таинственностью конца жизни. «Увитая мистицизмом "смерть" представляется бесконечною, огромною, всезакрывающею. Но ведь с таким же правом и жизнь может потребовать себе мистического одеяния: и под его покровом она представится еще неизмеримо бесконечнее смерти, бесконечнее смыслом своим, драгоценностью своею, милостью своею… А если вы жизнь, еду, довольство, литературу признаете только "маленькими эмпирическими фактами", то позвольте мне и на смерть взглянуть, что вот я "простужусь, будет воспаление легких, поколет в груди, покашляю и – умру"… Эмпирический факт смерти не длиннее всякого эмпирического факта в жизни, а мистический факт смерти гораздо короче и проще факта жизни под углом мистического на нее воззрения… Пожили. Любили. Трудились. Осмысливали, многое осмыслили… Сказать, что это "ничто", и будто "смерть поглотит все" – чепуха. Не поглотит же она моей бывшей радости, да и вообще ничего она не поглотит, потому что и нельзя ей ничего поглотить, кроме вот той недели, "когда я простужусь и начну кашлять". Ну и пусть возьмет ту неделю. Это так же просто, как то, что сегодня у меня не было денег и я не пообедал» [Розанов, 2016]. Смерть предстает насколько значительной и таинственной, настолько будничной и бессмысленной. Смерть – это событие жизни. И хотя в сравнении с жизнью смерть может восприниматься более пронзительным и трепетным происшествием, это обстоятельство не лишает жизнь смысла.

Смерть внезапна и нежданна. Вневременной переход от жизни к смерти характеризует понятие «диалектического мгновения, или мига (exaiphnēs – вдруг)» [Платон, с. 500]. Но смерть может быть желанна и долгожданна. Она быстрее слова, которым ее называют. По-сербски слово «смрт» звучит так, как будто человек споткнулся или запнулся на полуслове. Смерть короче «exaiphnēs», но дольше памяти о смерти. Смерть представляется нам ужасной, пугающей и вместе с тем – тихой и спокойной. «Человек умирает. Тот, кто не видит ничего кроме жизни и кто ослеплен ее непосредственным явлением, тот переживает свою смерть как ужас, как трагедию, как бессмыслицу. Но тот, кто знает и любит то свое родное и всеобщее, которое его породило и теперь – со смертью – принимает его в свое лоно, тот считает свою смерть нужной и своевременной, тот рад жизненному труду, борьбе, страданиям и радостям, рад и тому, что так или иначе он выразил себя и выявил себя, так или иначе раскрыл, развернул свою природу, рад жизни и спокоен перед смертью» [Лосев, 1993]. Являясь, по-видимому, потерей и недостатком, смерть наполняет жизнь смыслом. Смерть неизбежна, ничто не освобождает от смерти, ни знание, ни труд. «Трудись и трудись, а когда дотрудишься до конца, когда узнаешь все, то уморишься и помрешь» [Платонов, 2019]. Но смерти нет для меня при жизни, а после смерти уже нет самой смерти, а только это «после». Никакой смерти нет, и в то же время она есть.

Противоречивое единство жизни и смерти предполагает, что и варианты отношения к смерти не будут однозначными. Одно из противоречий отношения к смерти заключается в выборе принимать смерть или нет. Очевидно, что мы не можем не принять смерть, если она случается. Наши внутренние усилия не в силах ее остановить. Вопрос только, как принять смерть, с каким настроем. Нравственным будет неприятие смерти как

зла, которому необходимо сопротивляться и не дать произойти, чтобы это зло не вошло в мир через меня, мою волю («не убий»). Не принимать смерть как порядок вещей, но принимать свою смерть в порядке вещей. Другое противоречие отношения к смерти состоит в выборе благоговеть перед смертью или презирать смерть. Благоговейное отношение связано с причастностью человека таинственным явлениям, таким как зачатие, душа, Бог, тому, что несравненно превосходит и объемлет его существование как по масштабам, так и по значению. Смерть вызывает благоговейный трепет естества. Вместе с тем презрение позволяет воспринять смерть трагически, как вселенскую неправду жизни, неестественное и уродливое явление.

Складывается несколько вариантов отношения к смерти. Принять смерть и благоговеть перед ней. Не принимать и презирать смерть. Принять смерть с презрением. Не принимать смерть с благоговением. Все варианты, при кажущейся противопоставленности, производны от человека, взятого не в разрозненности своих сил и проявлений, а в единстве естества, которое только целиком и может быть соотнесено со смертью. Различные грани человека, взятые как отдельные стороны его жизни, дают и разные варианты решения проблемы смерти. «Физика смерти… учит людей как лучше жить и обходиться со смертью, чтобы меньше мучиться. Метафизика смерти, перешагнувшая естественные границы этого мира и обогатившаяся божественным светом, учит думать о бессмертии и верить в него. Кто остановился на метафизике, будет спокойнее умирать, убаюканный прелестной сказкой о бессмертии души и перевоплощения. И только тот, кто соприкасается с вечностью уже в этой жизни за счет ее преображения, достигает реального бессмертия» [Фетисов, 2011]. Собранный человек в каждом моменте своей жизни близок к смерти, предстоит перед вечностью. Смерть вынуждает и побуждает человека целиком отвечать и включаться, когда речь заходит о смерти.

Христианское отношение к смерти исходит из понимания нынешнего состояния человека как противоестественного, греховного. Естественное состояние было до грехопадения, и вернуться к нему человек не может. Остается только путем преображения достичь сверхъестественного состояния. Сам человек не в силах вытащить себя из наличного греховного существования. Можно предвосхитить преображенное состояние, мысленно вообразить святую жизнь, но действительное изменение естества невозможно без Духа, «иже везде сый, и вся исполняяй». Смерть относится к теперешнему противоестественному состоянию естества, которое должно быть преодолено. История лагеря смерти Ясеновац опустошает душу и не укладывается в уме. «Мои мысли капают слезами. А чувства кипят скорбями. Все мое существо охвачено каким-то неугасимым пожаром скорби» [Преподобный Иустин, 1999]. Милующее сердце и восхищающая бесстрастность Духа позволяют вместить ужас жизни лагеря смерти Ясеновац. Сердце, расширенное духом до масштабов вселенной, становится способным обнять необъятное и пережить боль, превосходящую любые человеческие пределы. Наличный ужас жизни может быть воспринят бесстрастно при условии понимания слитности жизни и смерти, и различимости каждого человека имярек в потоке жизни. «Я когда-то убивался и изнывал, наблюдая звериную жестокость и кровавые страдания в животной и человеческой жизни. Но теперь я спокоен. Кто видел мало зла, тот хлопочет, суетится, ерзает, ужасается и убивается. Но кто знает, что весь мир лежит во зле, тот спокоен, ибо самая эта суета мира как лежащего во зле уже сама по себе предполагает, что мир не есть зло, что это его временное состояние, что существует истина и правда, превысшая жизни, и что каждому велено природой отдать свою дань и злу, и добру» [Лосев, 1993]. Память смертная позволяет охватывать жизнь из будущего момента, сопоставлять мир как целое в его поврежденной наличности и видеть его не безнадежную обусловленность Богом.

Личное отношение к смерти включает в себя признание парадоксальности смерти для ума и неприятие для тела, понимание повседневной простоты смерти для потока мировой жизни и принятие как единственно верное для меня отношение. Презрение смерти телесной и одномоментно благоговение перед смертью как событием жизни. Принятие своей смерти и одномоментно неприятие смерти как космической закономерности, судьбы, рока. «Судьба – там, где непонятное и сильное, необозримое и могущественное врывается по неизвестным причинам в понятное, сознательно построенное, любимое и вообще человечески обозримое. Но тот, для кого общие основы жизни суть родные, для того, кто знает и любит свою Родину, все ее жизненные акты есть его собственные жизненные акты и ее необозримая и могущественная воля есть и его собственное интимнейшее вожделение. Где же тут место судьбе? Это есть победа над судьбой и презрение смерти» [Лосев, 1993]. В конечном итоге, вопрос для меня заключается в том, как лично мне принять смерть. От рационального способа рассмотрения смерти отличается память смертная, которая не есть постоянное размышление о смерти, но осознание своей конечности. Память смертная позволяет сохранять трезвение, приводит к смирению и принятию жизни и смерти. «Помни последняя твоя и вовеки не согрешишь» (Сир. 7: 39). Память смертная – это осознанность смерти без зацикленности мысли на смерти, попытка взглянуть на себя из будущего момента вечности, обозреть свою жизнь целиком. Не думать, а помнить о смерти «в надежди живота вечнаго».

Трагедия смерти заключается в немоте и бессилии, когда я наконец могу обозреть всю свою жизнь целиком, но уже не могу исходя из этого нового открывшегося взгляда жить по-другому, изменить жизнь, а только смотреть на свою жизнь как бы со стороны, как душа смотрит на тело, которое она покинула, когда уж нельзя ничего изменить и вернуть. Это не тот взгляд на себя изнутри драмы жизни, когда я осознаю и понимаю эту жизнь, имею язык для описания и возможность изменения. Это взгляд на свою жизнь со стороны, как будто она уже не принадлежит мне, а может и не принадлежала никогда, и вся без остатка причастна тому всеобщему, необъятному потоку мировой жизни, который явился через мою жизнь. Вся схваченная в моменте смерти жизнь предстает как драма на фоне трагедии смерти. Смерть – это граница, за которой мы не знаем, но только можем верить, что есть жизнь. А если есть, то какая это жизнь? Похожа ли она на нынешнюю жизнь или совсем иная? И если есть жизнь после смерти, то что переходит в ту жизнь? Что переходит черту смерти и продолжает существовать? И жизнь ли это в привычном для нас смысле слова?

Список источников

1. Платон. 1993. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М., Мысль, 528 с.
2. Рильке Р.М. 1977. Новые стихотворения. Новых стихотворений вторая часть. М., Наука, 543 с.
3. Рыжий Б.Б. 2012. В кварталах дальних и печальных: Избранная лирика. Роттердамский дневник. М., Искусство-XXI век, 576 с.

Список литературы

1. Варава В.В. 2005. Этика неприятия смерти. Воронеж, ВГУ, 240 с.
2. Даренский В.Ю. 2016. Смерть как ценность культуры. Международный журнал исследований культуры, 2 (23): 62–73.
3. Лопатин Л.М. 2004. Статьи по этике. СПб., Наука, 360 с.
4. Лосев А.Ф. 1993. Жизнь. М., АО «Комплект», 535 с.
5. Платонов А.П. 2019. Котлован. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 192 с.

6. Преподобный Иустин (Попович). 1999. На Богочеловеческом пути. СПб., Владимир Даль, 300 с.

7. Розанов В.В. 2016. Вечная тема. В кн.: Русская философия смерти. Антология. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив: 176–179.

8. Фетисов В.П. 2011. Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. Воронеж, ВГЛТА, 518 с.

References

1. Varava V.V. 2005. Etika nepriyatiya smerti [Ethics of rejection of death]. Voronezh, Publ. VGU, 240 p.

2. Darenskij V.YU. 2016. Death as a Cultural Value. International Journal of Cultural Research. 2 (23): 62–73. (In Russian).

3. Lopatin L.M. 2004. Stat'i po etike [Articles on ethics]. Saint Petersburg, Publ. Nauka, 360 p.

4. Losev A.F. 1993. ZHizn' [Life]. Moscow, Publ. AO «Komplekt», 535 p.

5. Platonov A.P. 2019. Kotlovan [The Foundation Pit]. Saint Petersburg, Publ. Azbuka, Azbuka-Attikus, 192 p.

6. Prepodobnyj Iustin (Popovich). 1999. Na Bogochelovecheskom puti [On the God-Human path]. Saint Petersburg, Publ. Vladimir Dal', 300 p.

7. Rozanov V.V. 2016. Vechnaya tema [Eternal theme]. V kn.: Russkaya filosofiya smerti. Antologiya [Russian philosophy of death. Anthology]. M., SPb., Publ. Centr gumanitarnyh iniciativ: 176–179.

8. Fetisov V.P. 2011. Solntse ne zahodit. Trudy po nravstvennoj filosofii [The sun does set. Works of moral philosophy]. Voronezh, Publ. VGLTA, 518 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лосев Александр Владимирович, кандидат философских наук, свободный исследователь, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Losev, PhD in philosophy, free researcher, Russia

УДК: 111; 114; 115; 18
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-468-477

Событийность человека в городском пространстве: между модернизацией и экзистенциальной памятью

Ромащенко А.А.
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
Россия, 410054, Саратов, Политехническая, д. 77.
E-mail: romaschenko.al@gmail.com

Аннотация. Опираясь на герменевтическую и феноменологическую методологию М. Хайдеггера, автор статьи проводит сравнительный анализ двух типов понимания человеческого сообщества в рамках урбанизированного пространства: с одной стороны, человек, включенный в городское сообщество, находится в условии необходимости принятия перманентных процессов модернизации пространства города; с другой – данные процессы вместе с обновлением условий существования человека, с привнесением в них комфорта и чистоты способствуют утрате объектов индивидуальной памяти. Феноменологическая методология анализа данной проблемы дает возможность увидеть за модернизированным пространством города утрату человеческой идентичности, целостности, и формирование человека как элемента потребительских отношений (и как субъекта, и как объекта потребления). Экзистенциально-феноменологическое понимание человека, включенного в контекст урбанистического пространства, расширяет рамки субъект-объектного подхода и позволяет распознать за субъективностью новые экзистенциальные формы (Dasein как присутствие), которые связаны как с проблемой временности существования человека, так и пространственной событийностью. Событийность человеческого присутствия в городе понимается автором статьи многогранно: событийность с Другим (совместное существование человека в сообществе), событийность как мыслительный акт субъективации, основанный на принятии факта временности, а также событийность в качестве пространственной наполненности города объектами индивидуальной экзистенциальной памяти. В последнем случае к таким объектам автор вслед за Г. Зиммелем относит руины.

Ключевые слова: ностальгия, город, инновации, пространство, время, урбанизация, субъективация, Dasein, руина.

Для цитирования: Ромащенко А.А. 2020. Событийность человека в городском пространстве: между модернизацией и экзистенциальной памятью. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 468–477. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-468-477

Human eventfulness in the city space: between modernization and existential memory

Alexander A. Romashchenko
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
77 Politekhnicheskaya St, Saratov, 410054, Russia
E-mail: romaschenko.al@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of human identification in urban space. The author uses M. Heidegger's phenomenological methodology. This methodology allows to reveal the duality of the situation in which a person is found as a member of the urban community. The modernization of the conditions of human existence in city leads to delamination of the person. The security requirements of urban communities as a condition of modernization transforms a person into a subject of action and an object of consumption. According to the author, overcoming such a situation is possible in the event of an

expansion of the scope of understanding of the person. In the phenomenological sense, man is not the subject of his act or thought, but «Dasein», «existence», «presence». This understanding of the person takes into account many factors: the internal existential openness and mood of the person, the external intention focused on the spatial presence of the person. Both sides of this understanding are expressed according to the author in the eventfulness of man. Eventfulness of human presence in the city is understood by the author of the article in many ways: eventfulness with Another (co-existence of a person in a community), eventfulness as a mental act of subjectivation based on the acceptance of the fact of self-temporality, as well as eventfulness as a spatial occupancy of the city objects of individual existential memory. In the latter case, the author after G. Simmel refers to such objects as ruins.

Key words: Nostalgia, city, innovation, space, time, urbanization, subjectivity, Dasein, ruins.

For citation: Romashchenko A.A. 2020. Human eventfulness in the city space: between modernization and existential memory. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 468–477 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-468-477

Введение

Проблема, вынесенная в заглавие этой работы, коррелирует со спецификой современного философского дискурса, которая заключается в своеобразном (пере)открытии человека в XX веке, понимаемом как инстанция, нуждающаяся в прояснении дополнительными средствами: средствами языка, средствами произведения искусства или социально-политическими институтами субъективации. Одной из форм рецепции человека в рамках современной философии становится его экзистенциальное понимание, стремящееся к преодолению рациональности субъект-объектного подхода и формирующее контрметафизические практики, сообразуемые в частности с различными аспектами социального взаимодействия. Результатом такой философской рецепции человека становится открытие его особой формы понимания через немецкое Dasein (русское «присутствие» [Бибихин, 1993; Васильев, 2018]), связанное как с мыслительным усилием в качестве практики самобытия (у Мамардашвили это прустовское «усилие во времени» [Мамардашвили, 2014]), с одной стороны, так и с местом (миром), в котором осуществляется присутствующее мышление, – с другой. Для такой экзистенциальной рецепции человека и мира в рамках философского дискурса сегодня необходимо феноменологическое и герменевтическое уточнение, в котором человек как присутствие в полной мере раскрывается через своеобразные формы события, понятого как качественное изменение знания о себе (осознание временности своего существования [Хайдеггер, 2003]), практика и эстетика заботы о себе [Фуко, 2006; Федичева, 2010; Лишаев, 2013]), так и сосуществования с другими (со-бытия) [Арендт, 2000]. Практика события человека в рамках современной философии выстраивает понимание человека, основанное на его участии (негативном ли, позитивном ли) в некоем сообществе, формы бытия которого собственно константны для всех возможных дискуссий о человеке. Овеществленной формой бытия человека в сообществе является городское пространство, в котором разворачивается своеобразный конфликт, выраженный в столкновении таких полярных констант, как «старое – новое», «коллективное – индивидуальное», «метафизическое – экзистенциальное».

Герменевтическая и феноменологическая методология, применяемая в данном исследовании, способна раскрыть многообразие практик субъективации человека в рамках постоянно изменяемого пространства городской среды. В то время как западная философия уже давно включила в круг своих интересов проблемы урбанизации как формы эстетической субъективации [Линч, 1982 Бодрийяр, 2001; Зиммель, 2002; Беньямин, 2013;], в российском научном пространстве попытки метафизического и экзистенциально-феноменологического осмысления города как практики субъективации начинаются лишь с 90-х годов XX века и ознаменованы многочисленными исследованиями [Метафизика

Петербурга, 1993], в которых разворачивается последовательное применение указанной методологии применительно к конкретной урбанистической ситуации [Фокина, 1998; Рещикова, Фокина, 2007; Лишаев, 2014, 2015], сопоставление тематик городского пространства и языковых практик [Вахштейн, 2014], слияние теории и практики урбанизма с феноменологическим прочтением связки человек-город [Веселова, 2015].

Безопасное городское пространство как объект потребления

Современное общество немыслимо без совместно организуемого жизненного пространства [Лефевр, 2015]. Если в традиционном обществе данное пространство обживалось спонтанно, то общество XX–XXI веков благодаря развитию техники, науки, социально-экономических факторов способно организовывать и реорганизовывать место своего обитания самостоятельно и независимо от природы. В случае с эко-поселениями дело обстоит так же, поскольку любая форма поселения – это движение вдоль линии «природное – искусственное» [Веселова, 2015]. Практики сакрализации пространства, политизация места в древнем сообществе (полис) приводит к возникновению особого пространства жизни человека как урбанизированного пространства, подверженного постоянным преобразованиям. Преобразования ландшафта в городскую среду определяется, прежде всего, соображениями безопасности, которые стоят на первом месте в большинстве инновационных проектов. Целью таких проектов является противопоставление безопасного городского сообщества внешней и внутренней угрозе. К внешней угрозе можно отнести, прежде всего, природные стихии [Веселова, 2015]; к внутренней – аффективность человека. Стихийность природного начала – это *непосредственная внешняя опасность*, заставляющая прятаться в пещеру, квартиру, дом, создавать город как безопасную среду обитания для человеческого сообщества, покинувшего природу и противопоставившего себя ей. *Опосредованная внешняя опасность* природной стихии связана с внутренней способностью человека к рефлексии всего естественного, принятием или отторжением естественных фактур, где акт восприятия эстетически посредует отношения человека и природы. Во многом это связано с эстетизацией пространства-поверхности, в которой всякое естественное и самостоятельное рассматривается в качестве уродливого, подлежащего либо облагораживанию (модернизации), либо укрощению. Эстетика поверхности становится условием и предпосылкой формирования замкнутого (в пространственном понимании) коллективного сообщества человека, противопоставившего себя природе.

Аффективная природа человека роднит его со стихиями, допускает неповиновение и движение наперекор прямой линии. Если в первом случае опасность продиктована извне, то во втором – она исходит изнутри. Однако так же, как в первом случае перед нами – эстетизация пространства-поверхности, во втором – эстетизация акта, длящегося во времени. Жизненное пространство городского сообщества противопоставляет себя этой угрозе, устанавливая правила поведения, находящиеся в плоскости визуального контакта: правила и направление перемещения, движения, время пребывания, время работы. Визуальность и наглядность этих правил продиктована невидимостью властного органа, организующего это жизненное пространство, поскольку в обратном случае при визуализации власти образ властного органа оттягивал бы на себя внимание путем эстетической интерпретации этого образа, а правило как непреложное указание не смогло бы выполнять свою функцию, так как целиком и полностью зависело бы от эстетической интерпретации. Эстетизация контроля подспудно предполагает многовариантную трактовку правила, что идет в разрез с природой контроля. Тем самым власть, организующая современное пространство города, имеет рациональную, сверхчувственную (внеэстетическую) природу, направленную посредством видимых правил-маркеров против эстетизации пространства-поверхности (в том числе и против вандализма) и эстетизации акта, измеряемого временными величинами (акция, событие, шествие).

Помимо непосредственных указателей, коими пестрит городская среда обитания человека, присутствие власти отмечается наличием видеокамер, чья исполняемая роль двояка [Жижек, 2012]. С одной стороны, видеонаблюдение сдерживает «живые» порывы человека. Однако с другой, – реализация способов видеофиксации определяется формой самих властных отношений, приобрётших начиная с XVIII века вид «дисциплинарного контроля», у которого имеется два истока. Во-первых, мобильность индивидов, включенных в данное пространство. Контроль перемещения индивидов выражен в появлении социальных институтов и нормировании времени, призванных фиксировать присутствие человека в определенном месте и времени [Бокарева, 2019]. Во-вторых, дисциплинарность городского пространства связана косвенно с «высокомерием большого города» [Зиммель, 2002], которое формируется в качестве реакции на увеличивающиеся темпы усложнения среды, в которой вынуждены обитать городские сообщества; а непосредственно – с эффектом «Self-made», являющимся наследником высокомерного индивида, который вырабатывает «бесчувственное равнодушие» к человечности (интимности) и традиционной сплоченности сообществ как следствие частых контактов с массовой формой существования [Веселова, 2015]. Человек в такой перспективе включен в паноптическую рецепцию властных отношений как объект надзора в клинике, тюрьме, школе. Дисциплинарность социальных институтов воспринимаются как благо, направленное на обеспечение безопасности; они придают пространству характер публичности, где нивелируется угроза как внешнего характера, так и внутреннего. А это, в свою очередь, определяет отношения между человеком и публичным пространством как отношения потребления. Безопасное пребывание человека в пространстве города – это объект потребления, цена которого – индивидуальность. Помимо индивидуальности как платы за потребляемую безопасность, человек лишается еще и целостности, поскольку любое санкционированное и легальное видеонаблюдение, обеспечивающее безопасность, сопровождается информацией о наличии видеокамеры, что, по сути, приводит к манипуляции с самостоятельностью и целостностью человека: в ситуации дисциплинарного контроля человек расслаивается на скрытого субъекта своего поступка и собственно объективного исполнителя роли публичного субъекта. Поэтому современное инновационное преобразование и модернизация жизненного пространства городского сообщества, являясь объектом потребления (а равно и экономической целесообразности), влечет за собой формирование безопасного пространства индивидов, лишенных своей уникальной, интимной целостности.

Экзистенциальная перфективность ветхого предмета и целостность человека

Своеобразной формой преодоления обезличенности и раздробленности человека в городской среде может стать визуализация многочисленных форм экзистенциальной памяти, к которым относятся элементы самой городской среды, связанные с индивидуальными, личностными переживаниями. Жизненное пространство городских сообществ, связанное с экзистенциальными переживаниями, с ностальгией как тоской не столько по Родине, сколько по прошлому вообще, – это неотъемлемое качество целостной личности, которая организует свою целостность через обращение к прошлому, то есть посредством времени. При этом ностальгия как чувственно-эмоциональная подоснова практики и культуры возвращения к себе – это одновременно и практика, направленная на формирование целостности своего бытия-в-мире, где экзистенциальный мыслительный акт с необходимостью понимается как событие, разворачивающееся не только с течением времени (в том числе и с целью принятия своей временности), но и в контексте пространства, организующего протяженные формы «вокруг» бытия-в-мире. Несмотря на то, что связка пространства-времени – это маркер метафизического понимания бытия человека, в современной философской ситуации эти маркеры сохраняются в качестве экзистенциальной формы пе-

переживаемости пространственно-протяженных и длительно-временных констант своего индивидуального присутствия (Dasein).

Так же как социальная память, выраженная отчасти в форме организации музейного пространства как элемента модернизированного жизненного пространства городских сообществ, связана с противопоставлением себя стихии, точно так же экзистенциальная личностная память противостоит стихии времени, но при этом время как сила, направленная на физическое уничтожение объекта памяти (порча, коррозия, износ, ветхость), в рамках экзистенциально-личностного понимания города играет своеобразную роль.

С одной стороны, время является объектом, против которого направлена как модернизация жизненного пространства, так и все попытки сохранить объект индивидуальной памяти. Однако, с другой стороны, именно время придает старинному объекту то неповторимое своеобразие, которое привлекает внимание обладателя данного предмета (особенно, если с этим предметом связано экзистенциальное переживание человека). При этом какая бы то ни было модернизация исторического объекта (приведение ветхости к стандартам современности) превращает само время в объект потребления, что хорошо видно на примере институциализации музейного пространства, в котором осуществляется акт потребления времени вместе с модернизированным (включенным в музейное пространство) объектом экзистенциальной памяти.

Так как модернизация чаще всего связана с полным обновлением объекта потребления (зачастую с его заменой) в контексте не только его безопасности, но во многом его функциональности, экзистенциальная память сама по себе (а также и объект памяти) оказывается в ситуации исключения, поскольку связывает человека не с потребляемым им продуктом (услугой), а с историей и мифологией в той проекции, которую нельзя сделать частью акта потребления. А так как исторический объект чаще всего не укладывается в нормы модернизации, чистоты, безопасности или материальной целостности (исторически ветхий объект – это, прежде всего, объект распада), то в плане самой модернизации городского пространства как объекта потребления он выведен за скобки.

Исключением служат исторические объекты, включенные в контекст модернизированного пространства города в качестве музейного экспоната. Однако в данном случае история связана не с индивидуальной историей конкретного человека, а с историей как формой социальной памяти, в которой конкретный человек может предстать в виде героической личности, участника великих свершений или свидетеля знаковых перемен. Но даже и в этом случае уникальная личность, ставшая поводом организации музейного пространства (например, дом-музей какого-либо писателя), все же не может быть целостной, поскольку налицо разобщенность повседневного экзистенциального переживания этой личности (скрытого от глаз наблюдателя), с одной стороны, и экспонированного предмета исторической памяти, – с другой. Экзистенциальная же форма личностной памяти в такой перспективе исключена из процесса модернизации именно в силу той целостности, которую дарит старинный предмет своему обладателю и которая присуща такой форме памяти. Так, Жан Бодрийяр в работе «Система вещей» объединил данное понимание старинной вещи и связанную с ней целостность человеческой личности с завершенностью (перфективностью) самого предмета. По его мнению, функциональность предмета, услуги, явления представляет собой ту силу, которая лежит в основе потребительского отношения человека к предмету: «Императив, которому отвечают старинные вещи, — это императив завершенного, законченного в себе существа. Время, в котором живет мифологический предмет, — перфект; это то, что имеет место в настоящем в качестве сбывшегося прежде и что в силу этого глубоко укоренено в себе самом, то есть подлинно… Этого, разумеется, недостает функциональным вещам, которые существуют лишь ныне, в актуальном индикативе или практическом императиве, исчерпываясь своим применением и не обладая предшествующим бытием; более или менее заполняя собой пространство, они не обеспечивают наполненность времени. Функциональная вещь обладает эффективностью,

мифологическая вещь — завершенностью» [Бодрийяр, 2001, с. 85]. При всей своей (контр)функциональности исторический и мифологический предмет, отсылающей человека в прошлое, организует пространство человеческого существования не с позиций потребления, свойственного модернизированному пространству, а в качестве своеобразной силы, консервирующей время в самом себе и тем самым способствующей самостоятельности человеческого существования, включенного в отношения с данным историческим предметом, вопреки несамостоятельности расколотого на части человека потребления: «Мифологический предмет, символизируя собой схему включения ценностного смысла в замкнутый круг завершенного времени, представляет собой дискурс, обращенный уже не к другим, а к себе. В своем довременном состоянии эти баснословные вещи-острова отсылают человека к детству или даже к еще более дальней пренатальной стадии, где чистая субъективность вольно-метафорически выражала себя в окружающей "среде", а сама эта "среда" была лишь безупречным самонаправленным дискурсом человеческого существа» [Бодрийяр, 2001, с. 90].

Таким образом, Бодрийяр моделирует экзистенциальную форму личностной памяти человека в его связке с предметностью в качестве мифологизации «баснословных вещей-островов», отсылающих их обладателя к двум формам бытия-в-мире: детству и некой «пренатальной стадии». В первом случае бытие-в-мире организует такое отношение к мифологическому предмету как свидетелю становящейся экзистенции (своеобразное предметное *присутствие рядом*). Такие присутствующие рядом в потоке становящейся экзистенции объекты впоследствии и сообщают своему обладателю целостность. Естественно такой предмет, включенный в круг становления частного присутствия, не может быть по определению объектом потребления в полном объеме ни в каком виде: даже в качестве музейной ценности данный мифологический предмет всегда будет объектом отвлеченного характера, то есть объектом потребления, разглядывания, выставления, но никак не частью индивидуального становления.

Однако в отношении «пренатальной стадии» чувственно-эмоциональная привязанность человека к предмету историко-мифологического характера распространяется так же на те фрагменты пространственной протяженности (во времени), которые непосредственно не связаны со становящейся экзистенцией. В.В. Набоков характеризует такую связь как болезненное чувство безграничного прошлого: «Я знавал, впрочем, чувствительного юношу, страдавшего хронофобией и в отношении к безграничному прошлому. С томлением, прямо паническим, просматривая домашнего производства фильм, снятый за месяц до его рождения, он видел совершенно знакомый мир, ту же обстановку, тех же людей, но сознавал, что его-то в этом мире нет вовсе, что никто его отсутствия не замечает и по нем не горюет» [Набоков, 1990, с. 133]. Чувство временности в данном случае направлено не в будущее (становящееся присутствие всегда становится из прошлого в будущее), а в прошлое, где состоявшееся событие (мифологический предмет в прошедшем времени и совершенном виде) собирает в единое целое экзистенциальное присутствие в настоящем (для будущего). Для Бодрийяра такая целостность маркируется единством присутствующего сегодня человека с мифологическими истоками подлинности: «… в мифологии старинных вещей следует различать два аспекта — ностальгическое влечение к первоначалу и обсессию подлинности. И то и другое, по-видимому, вытекает из мифической отсылки к рождению, каковую представляет собой старинная вещь в своей временной замкнутости; действительно, всякая рожденность предполагает наличие отца и матери. Инволюция к истокам — это, разумеется, регрессия в материнскую утробу; чем более старинны вещи, тем более они приближают нас к некоей оставшейся в прошлом эпохе, к "божеству", к природе, к первобытным знаниям и т.д.» [Бодрийяр, 2001, с. 86]. Мифологичность ветхого для Бодрийяра выражена в мифологии первоистока: «Знаменуемое ею состоявшееся событие — это событие рождения. Я – не тот, кто живет сегодня (в этом мой страх), я тот, кто уже был раньше, согласно логике обратного

рождения, знаменуемого мне таким предметом, который из настоящего устремлен в глубь времени; это и есть регрессия. Таким образом, старинная вещь выступает как миф о первоначале» [Бодрийяр, 2001, с. 85].

Пространственно-временная событийность руин

Экзистенциальная форма переживания временности своего присутствия в мире может быть связана так же с такими объектами, которые выходят за временные границы самого присутствия. К таким объектам и относятся предметы старины, которые официально (то есть с потребительской точки зрения) окружены ареалом мифа (политического, эстетического, идеологического характера), а в отношении конкретного индивидуального существования способны дать нам впечатление целостности (однако при выполнении ряда условий, среди которых отказ от потребительского отношения к предмету, от потребительского отношения к месту и ко времени).

Среди таких мифологизированных объектов старины в рамках урбанизированного жизненного пространства можно выделить такие, к которым, благодаря Г. Зиммелю, применяется эпитет «руины» [Зиммель, 1996]. Руины выражают в себе всю полноту понимания таких объектов, которые можно подвести под следующие понятия: историчность экзистенциальной памяти, ностальгия, экзистенциальная форма памяти. Для Зиммеля руины – это наследники зодчества, в котором приобретает наглядные очертания единство «стремящейся вверх души» и «стремящейся вниз тяжести» природы: «Это неповторимое равновесие между механической, тяжелой, пассивно противодействующей давлению материей и формирующей, направляющей ввысь духовностью нарушается в то мгновение, когда строение разрушается. Ибо это означает, что силы природы начинают господствовать над созданием рук человеческих: равенство между природой и духом, которое воплотилось в строении, сдвигается в пользу природы. Этот сдвиг переходит в космическую трагедию, которая вызывает печаль в нашем восприятии каждой руины: разрушение предстает перед нами как месть природы за насилие, которое дух совершил над ней, формируя ее по своему образу» [Зиммель, 1996, с. 226]. Руинизированное зодчество, тем самым, – это, по существу, возвращающаяся в недра природы тяжесть ее материального субстрата, бессилие духа, поддавшегося неумолимости времени.

Зиммель указывает на факт своеобразной привлекательности руины. По крайней мере, два фактора можно выявить внутри механизма этой привлекательности. Во-первых, собственно время. Именно временность, сокрытая в руине, и привлекает человека к мифологически насыщенному пространству заброшенного места: «Руина создает в настоящем форму прошедшей жизни, и не по ее содержаниям или следам, а по ее прошлому как таковому. В этом и состоит очарование древностей... Здесь действует душевная целостность, которая, как и ее объект, охватывает прошлое и настоящее слитыми в единую форму, охватывает всю сферу телесного и духовного видения в эстетическом наслаждении, коренящемся в единстве более глубоком, чем единство эстетического наслаждения» [Зиммель, 1996, с. 232]. Время руины, заброшенного места, места экзистенциальной памяти, как было указано выше, придает объекту завершенный характер, перфективное качество. Перфективность руины (в бодрийяровском смысле) сказывается на человеке, причастном этому объекту, таким образом, что несовершенство ветхого (руинизированная урбанистическая ситуация) парадоксальным образом сказывает совершенство человеку, который включен в эстетическое событие руин.

Событийность руинизированного пространства возможна лишь в том случае, когда человек включен в это событие, и не возможна, когда человек относится к пространственно-временной форме своего собственного бытия-в-мире с потребительски-функциональным предпониманием и настроением. Разница включенности человека в событие ветхого и исключенности его из игры «прошлого-будущего» формируется в совре-

менной философии в качестве практики себя. С.А. Лишаев противопоставляет два типа эстетики: «эстетика существования», которая открывает для себя руины как внешнюю форму перфективности человека и «эйдетическая эстетика», подчиненная сущностному целеполаганию [Лишаев, 2015,]. Эстетика существования организует целостность собственного бытия-в-мире на основе созерцания и фундаментальной заинтересованности в пространственно-временном событии становящегося присутствия, в котором нет различения между наблюдателем и наблюдаемым предметом (что характерно по существу для эйдетической эстетики), в котором целостность присутствия обнаруживается через ветхость и преходящий характер наблюдаемых (включенных в присутствие) предметов. При этом модернизация урбанистического жизненного пространства, придание эффективности, функциональности и утилитарности предметам, включенным в событие присутствия – это тоже своеобразная эстетика существования, которая заключается в таком расположении бытия-в-мире, при котором само присутствие в соответствии с таким образом понятой эстетикой существования так же включается в игру утилитаризации и функциональности. Функциональность присутствия предполагает фрагментацию целостного экзистенциального бытия-в-мире в соответствии с правилами потребления.

Заключение

Таким образом, современная философия, осуществляя акт переоткрытия человека, делает это, привлекая в контекст человекоцентричности своего дискурса своеобразную чувствительность, которая выражается как в языке современной философии, стремящемся во многом к поэтизации, так и в предметном поле, формируемом зачастую в качестве следствия данной чувствительности. Начиная с ранних работ М. Хайдеггера, такие понятия, как «настроение», «забота», «озабоченность», «план» [Хайдеггер, 2003] становятся формой отражения (переживания) бытия человека, который, во-первых, не может в такой перспективе пониматься как субъект, а, во-вторых, не мыслим вне связей, в которые он погружен в силу своего событийного характера: нахождение себя в отношениях с Другими. Отвергая субъективность как меру самостоятельности, современная философия видит самобытие человека в таких явлениях, которые в допредикативной форме отражают интенциональность собственно бытия: присутствие, Dasein, вот-бытие. Распределение таких интенциональных качеств человека на событийность его существования позволяет увидеть в Dasein (присутствии) не только временность, но и экзистенциальные формы пространственного соучастия, которые выражаются в частности в существовании человека в контексте урбанизированного пространства.

Список источников

1. Беньямин В. 2013. Краткая история фотографии. М., Ад Маргинем Пресс: 144 с.
2. Жижек С. 2012. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М., Издательство «Европа»: 272 с.
3. Набоков В.В. 1990. Собрание сочинений. Т. 4. Другие берега. М., Издательство «Правда»: 412 с.
4. Simmel G. 1903. Die Grossstaedte und das Geistesleben. Die Grossstadt. Jahrbuch der Gehe-Stiftung zu Dresden, 9. 185–206.

Список литературы

1. Арендт Х. 2000. Vita activa, или О деятельной жизни. Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб., Алетейя, 437 с.
2. Бибихин В.В. 1993. Дело Хайдеггера. В кн.: Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., Республика: 3–14.
3. Бодрийяр Ж. 2001. Система вещей. М., Рудомино: 220 с.

4. Бокарева О.Б. 2019. Концепция власти и понятие «Власть – знание» в философии Мишеля Фуко. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 3(1): 172–175.

5. Васильев В.Ф. 2018. Dasein как присутствие (Герменевтика). Вестник социально-политических наук, 17: 68–70.

6. Веселова С.Б. 2015. Город. Между архитектурным проектом и информационной сетью. URL: https://ridero.ru/books/gorod_mezhdu_arhitekturnym_proektom_iinformacionnoj_setyu/ (Дата обращения: 10.12.2019).

7. Зиммель Г. 1996. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. Руина. М., Юристъ: 226–233.

8. Лефевр А. 2015. Производство пространства. М., Strelka Press: 432 с.

9. Линч К. 1982. Образ города. М., Стройиздат: 328 с.

10.Лишаев С.А. 2013. Игра руин (материалы к эстетической аналитике руин). В кн.: Mixtura verborum’ 2013: время, история, память: философский ежегодник. Под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара, Самарская гуманитарная академия: 84–100.

11. Лишаев С.А. 2015. Эстетика руин. В кн.: Ежегодник по феноменологической философии. М., Издательский центр РГГУ: 87–114.

12. Мамардашвили М.К. 2014. Психологическая топология пути. Т. 2. М., Фонд Мераба Мамардашвили: 1232 с.

13. Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры). 1993. Вып.1. СПб., Эйдос: 315 с.

14. Рещикова И.П., Фокина Т.П. 2007. Саратов в метафизическом наряде. Обсерватория культуры, 3: 130–137.

15. Федичева К.В. 2010. Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2(3): 136–144.

16. Фокина Т.П. 1998. Метафизика Саратова. Волга, 1: 167 с.

17. Фуко М. 2006. Эстетика существования. В кн.: Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., Праксис: 320 с.

18. Хайдеггер М. 2003. Бытие и время. Харьков, Фолио, 503 с.

References

1. Arendt H. 2000. Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni [Vita activa, or About active life]. Spb., Publ. Aleteia: 437 p.

2. Bibikhin V. V. 1993. Delo Khaydeggera [Heidegger case]. V kn: Khaydegger M. Vremya i bytiye. Stat'i i vystupleniya [Time and Being. Articles and Speeches]. M., Publ. Respublika: 3–14.

3. Baudrillard J. 2001. Sistema veshchey [System of things]. M., Publ. Rudomino: 220 p.

4. Bokareva O. B. 2019. Kontseptsiya vlasti i ponyatiye «Vlast' – znaniye» v filosofii Mishelya Fuko [The concept of power and the concept of “Power is knowledge” in the philosophy of Michel Foucault]. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 3(1): 172–175.

5. Vasil'yev V.F. 2018. Dasein kak prisutstviye (Germenevtika) [Dasein as Presence (Hermeneutics)]. Herald of Social and Legal Sciences, 17: 68–70.

6. Veselova S. B. 2015. Gorod. Mezhdu arkhitekturnym proyektom i informatsionnoy set'yu [City. Between architectural design and information network]. Available at: URL: https://ridero.ru/books/gorod_mezhdu_arhitekturnym_proektom_iinformacionnoj_setyu/ (Accessed 10.12.2019).

7. Zimmel' G. 1996. Izbrannoye. T. 2. Sozertsaniye zhizni. Ruina [Favorites. Vol. 2. Contemplation of life. Ruin]. M., Publ. Yurist: 226–233

8. Lefevr A. 2015. Proizvodstvo prostranstva [The production of space]. M., Strelka Press: 432 p.

9. Linch K. 1982. Obraz goroda [Image of the city]. M., Publ. Stroyizdat: 328 p.

10. Lishayev S.A. 2013. Igra ruin (materialy k esteticheskoy analitike ruin) [Game of the ruins (materials on the aesthetic analysis of the ruins)]. V kn.: Mixtura verborum’ 2013: vremya, istoriya, pamyat': filosofskiy yezhegodnik [Mixtura verborum ’2013: time, history, memory: philosophical yearbook]. Pod red. S.A. Lishaeva. Samara, Publ. Samara Humanitarian Academy: 84–100.

11. Lishayev S.A. 2015. Estetika ruin. [Aesthetics of the ruins]. V kn.: Yezhegodnik po fenomenologicheskoy filosofii [Phenomenological Philosophy Yearbook]. M., Publ. RGGU Publishing: 87-114.

12. Mamardashvili M.K. 2014. Psikhologicheskaya topologiya puti T. 2 [Psychological topology of the path. Vol. 2.]. M., Publ. Merab Mamardashvili Foundation: 1232 p.

13. Metafizika Peterburga (Peterburgskiye chteniya po teorii, istorii i filosofii kul'tury). 1993. [Metaphysics of St. Petersburg (St. Petersburg readings on the theory, history and philosophy of culture)]. Spb., Publ. Eydos: 315 p. (in Russian).

14. Reshchikova I.P., Fokina T.P. 2007. Saratov v metafizicheskom naryade [Saratov in a metaphysical outfit]. Observatory of Culture, 3: 130–137.

15. Fedicheva K.V. 2010. Zabota o sebe: filosofskiy, ontologicheskiy i eticheskiy aspekty [Caring for oneself: philosophical, ontological and ethical aspects]. Bulletin of Pushkin Leningrad State University, 2(3) : 136–144.

16. Fokina T.P. 1998. Metafizika Saratova [Metaphysics of Saratov]. Publ. Volga, 1: 167 p.

17. Fuko M. 2006. Estetika sushchestvovaniya [Aesthetics of existence]. V kn.: Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews. Vol. 3]. M., 320 p.

18. Khaydegger M. 2003. Bytiye i vremya [Being and Time]. Khar'kov, Publ. Folio, 503 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ромащенко Александр Александрович, кандидат философских наук Института социального и производственного менеджмента Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., Саратов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Romanshchenko, PhD in Philosophy from the Institute of Social and Industrial Management of Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin**,** Saratov, Russia

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 141.336
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-478-485

Суфизм как гностическое учение в исламе

Королёв Ю.А.
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Россия, 302010, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95
E-mail: korolevbizant@mail.ru

Аннотация. Являясь мистическим течением в рамках исламского креационизма и внешне признавая его доктрины, суфизм представляет по сути дела иную, противоположную исламу, манифестационисткую мировоззренческую традицию. Интерпретируя священные тексты и догматы мусульман с позиции эманационизма, суфизм во многом выходит за пределы ислама, утверждая нетрадиционный для ислама путь познания Бога. Этот путь представляет собой своеобразное восхождение по ступеням духовного совершенства и обретение высшего знания – гносиса. Восприятие суфиями гносиса в качестве высшего этапа богопознания дает основание для проведения сравнительного анализа между главными положениями суфийской доктрины и представлениями гностиков о мире, человеке, Боге и путях Его постижения. В результате этого анализа обнаруживается почти полная тождественность этих двух доктрин (суфизма и гностицизма), что позволяет сделать вывод о гностическом характере суфизма.

Ключевые слова: суфизм, гностицизм, ислам, манифестационизм, доктрина

Для цитирования: Королёв Ю.А. 2020. Суфизм как гностическое учение в исламе. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 478–485. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-478-485

Sufism as a gnostic doctrine in islam

Yuri A. Korolev
Orel State University,
95 Komsomolskaya St, Orel, 302010, Russia
E-mail: korolevbizant@mail.ru

Abstract. Sufism as a type of mystithism in the framework of Islamic creationism and outwardly admitted its doctrines to the different opposite to Islam tradition of manifestationism. Interpreting the sacred Muslim texts and dogmats with the position of emanationism, Sufism comes out of the bounds of Islam and maintain an unorthodox way of the cognition of God. This way can be treated as the specific ascent to the steps of the spiritual perfection and finding the highest knowledge-gnosis. Recognition of gnosis as a highest stage of the cognition of God gives the basis for comparative analysis between the main concepts of Sufi's doctrine and ideas of gnostics about world, man, God and the ways of His cognition. As the result of the analysis the identity of these doctrines is found and that allows come to conclusion about the gnostic character of gnostisism.

Keywords: Sufism, gnostics, Islam, manifestationism, doctrine

For citation: Korolev U.A. 2020. Sufism as a gnostic doctrine in islam. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 478–485 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-478-485

Вся история развития человеческого духа определяется противостоянием двух мировоззренческих подходов к происхождению мира: креационизма и манифестационизма. В рамках первого подхода мир рассматривается как результат Божественного Творения из «ничего». При этом Творец качественно отличен от своего творения, трансцендентен ему. Согласно второму подходу, мир – это проявленный Бог, иерархическое развёртывание Божественных качеств. Здесь Бог имманентен миру.

Наиболее ярким выражением первой мировоззренческой позиции является «авраамическая традиция», представленная христианством, иудаизмом и исламом. Общее семитское происхождение этих трёх религий (две из которых мировые) обусловило их первоначальную приверженность креационизму. Особенно это касается ислама. Как известно ислам представлен двумя течениями: суннизмом и шиизмом.

Возникнув в Аравии в VII в. н.э, ислам заявил о себе как о религии, завершившей авраамическую традицию и обладающей полнотой истины. Вытеснив иудаизм и христианство из Среднего и Ближнего Востока, ислам включил в себя ряд положений этих религий, предоставив им особый статус в мусульманском мире. Утверждая строгий креационизм внешнего, экзотерического толкования канонических текстов Корана и официальное богословие улемов, ислам столкнулся с противоположной тенденцией, проявившейся как некая закономерность во всех креационистских религиях. Эта тенденция выразилась в том, что в рамках данных религий возникают различные эзотерические и мистические учения. Такие учения появились и в исламе. В них символически интерпретировались священная книга мусульман – Коран и хадисы Пророка, и эта интерпретация носила ярко выраженный манифестационистский характер.

Необходимо отметить, что символическое толкование священных текстов было предназначено лишь людям, достигшим определённого уровня посвящения, мистикам, следующих путём особого духовного познания Божества. В исламе они получили название суфиев или дервишей, а их учение стало именоваться суфизмом.

Суфизм возникает как ответ на существовавший в недрах исламской религии запрос на новые религиозные идеи. Этот, казалось бы, новый духовный идеал, известный как «познание Аллаха» (марифат Аллах), в действительности не являлся чем-то новым. Он был по сути «всего лишь древней гностикой, которая вновь ожила на своей родине и на протяжении двух столетий начала господствовать во всех областях духовной жизни» [Мец, 1996, с. 268].

Суфизм как направление восточного мистицизма, по всей видимости, сложился задолго до появления ислама, в эпоху поздней античности, под воздействием различных гностических и зерванистких сект, существовавших в то время на территории Египта, Персии и Аравии. На формирование суфизма существенное влияние оказали несемитские народы – мавали, обращённые в ислам насильно. Мавали являлись в основном индоевропейцами: греками, персами, индусами – носителями древних манифестационистских традиций. Войдя в состав первых суфийских общин, эти люди способствовали внутренней трансформации суфизма, превращению его в мистическое течение гностического типа.

Вероятно, именно под воздействием гностиков, которых было немало в Сирии и Египте, и сформировалась космологическая концепция суфизма, положения которой блестяще изложили в своих сочинениях знаменитые учителя суфизма: Ибн-Араби, ал-Газали, Джунайд, Абу Бакр ал Харраз и многие другие.

Гностические воззрения суфиев обуславливаются их космогоническим учением о происхождении мира и человека. Согласно этому учению, во главе всего находится Аллах – Единое Бытие и Абсолютный дух. Но Аллах – это не безличный Абсолютный Дух пантеизма (в котором обвиняли суфиев ортодоксальные исламские богословы и некоторые западные учёные), но Абсолютная Духовная личность, ибо Ему единственному принадлежит право сказать «Я».

Аллах изливает свой свет вовне, создавая, таким образом, эманации, которые следовали одна за другой и образовали иерархию сотворённого Бытия или «лестницу Божественных обнаружений», как говорят суфии. Верхние ступени этой лестницы символически выражены в образах трона и престола, затем следуют сферы, за ними идут мир элементов и «мир сочетания», которые составляют проявленный «мир собрания».

Согласно учению суфизма, образ Бога всегда пребывает в мире, при этом источник света – Божественный Абсолют находится вне мира и является трансцендентным по отношению к нему. Так учитель суфизма Аль Хамадани утверждал: «Бог также не связан непосредственно с миром, но и не отделён от него, поскольку Он увидел Самого Себя во всех предметах природы, как в зеркале, которое отразило бытие» [Айтжанова, 2015, с. 9]. Это очень напоминает гностический миф Василия Валентина о Софии-Ахамот, низшей эманации Абсолюта, которая узрела отражение Божества в Бездне и устремилась туда, надеясь соединиться с Ним, но попала в плен материи, образовав тем самым наш материальный мир и одухотворив природу.

Говоря о Божестве, гностики довольно часто используют образ Света. Бог для них – это тот, «кто постулирует себя самого в совершенстве Света, имея возможность познавать непорочный Свет. Громада неизмеримая. Вечный и Увековечивающий. Свет и Освещающий…» [Сочинения…, с. 165].

Аналогия Бога и Света присутствует и в трактатах исламских мистиков. Суфии в своих произведениях часто сравнивают Аллаха с Солнцем. Подобно этому светилу, Он изливает свои энергии вовне, создавая тем самым материальный и духовный миры. Так, великий суфийский мыслитель Ибн-Араби говорил о том, что первоначально, то есть до момента творения, Бог предстал в качестве Света, отразившись вовне как в зеркале, и Его отраженный образ трансформировался в Универсального человека – Адама. Возникший в результате световой эманации Божества мир воспроизвёл строение и свойства этого Совершенного Существа. Таким образом, Ибн-Араби утверждает аналогию человека и мира, что мы наблюдаем и в доктринах сирийских и александрийских гностиков.

Утверждая вечность Бога, суфии признавали и вечность Его манифестации, всегда одной и той же, но принимающей разные формы. И одной из таких форм является человечество. Так, в «Меснери Шериф», написанной учителем суфизма Мевлеви, говориться о том, «что люди были созданы на небесах задолго до того, как Аллах сотворил Землю и другие планеты, что в этом мире люди существуют в различных формах и состояниях, отличных от человеческих, и только перед тем как вернуться к своему Творцу они обретают человеческий образ» [Поздеев, 1886, с. 93].

В русле гностической доктрины человек рассматривается как микрокосмос, т.е. малая вселенная, которая является подобием большой вселенной – макрокосма. Но и микрокосм и макрокосм – это результат световых эманаций Божества. То же самое утверждение мы встречаем и у большого знатока суфизма – ал-Газали. Для него образ Бога – это Большая Вселенная, т.е. макрокосмос. Мыслитель настаивал на том, что если рассмотреть составные части мира и составляющие человека, то можно обнаружить между ними несомненное сходство. В сотворённом мире он выделяет два уровня: чувственный Мир царства и интеллектуальный, духовный Мир Царствия. Эти два уровня Вселенной находят соответствие в человеке, который, с одной стороны, обладает чувственной природой, с другой – разумной, духовной.

Особое внимание суфии уделяют рассмотрению души человека, и в этом они также обнаруживают своё сходство с учением гностицизма. Для гностиков тело человека – это «темница души». Согласно их учению, в душе человека содержится частица Божественного Духа, так называемая «Божественная искра», которая одновременно является собранным, сконцентрированным образом Небесного Адама. Гностик обязан освободить этого Божественного Человека из плена материи и вернуть его в область подлинного существования, т.е. в Божественный мир. Также полагали и исламские гностики – арифа – опытные

суфии, достигшие последней стоянки на Пути к Богу. Подобно своим александрийским и сирийским собратьям – «христианским гностикам» они полагали, что их души являются искрами Божественного света, оказавшимися в узах плоти, и эти световые искры испытывают притяжение со стороны источника этого вечного света – Бога, который призывает их вернуться в Его лоно.

Эту идею, правда в несколько иной форме, выражает знаменитый реформатор суфизма ал-Газали, переработавший суфийскую доктрину в такой вид, чтобы она не противоречила Корану, шариату и сунне. Так, в своём трактате «Элексир счастья» он рассматривает душу и тело как противоположные начала, ставя знак равенства между душой, духом и сердцем, под которым он понимал не орган, где эта душа находится, а сущность человека. Для Аль-Газали, как и для александрийских гностиков, дух человека являлся частичкой Божества.

Согласно гностической доктрине, эта частичка Божества, или «Божественная искра», прибывает в сердце несовершенного плотского человека в пассивном состоянии или в состоянии сна. Суфии называют её словом «кальб», т.е. духовным сердцем. Кальб, по словам исследователя исламского мистицизма А.Д. Кныша, «это духовный орган, помогающий человеку преодолеть свою животную природу и социальную зависимость, для того, чтобы стать духовным существом» [Кныш, 2004, с. 86]. Сердце плотского человека, находящегося в неведении о своей Божественной духовной природе, подчинено страстям и интересам этого материального мира или, как говорят суфии, подвержено низшему началу в человеке ан-нафс ал-аммара. Желающий пробудить в себе «Небесного человека» и достичь духовного уровня (мэлэкут) должен следовать учению суфиев.

Учение суфиев носит название «тариката» (от араб. طريقة «тарик» – отречение от мира). Название указывает на тот факт, что, подобно античным гностикам, суфии воспринимают материальную реальность негативно, как препятствие или как завесу, скрывающую Бога. Главное для мистика – преодолеть это препятствие, отдёрнуть эту завесу материального, греховного мира и познать Бога через духовное с Ним соединение.

Но чтобы вернуться к Богу, суфий должен, прежде всего, очистить свою душу от страстей и пороков этого мира. Нет страстей, которым не был бы подвержен человек, началом же их является влечение человека к материальным вещам и плотским удовольствиям. Плотские страсти не могут рассматриваться лишь как простое выражение естественных человеческих потребностей и желаний, они имеют духовную природу и непосредственно связаны с душой человека. Нечистую душу суфии обычно называли «шайтаном», намекая таким образом на то влияние, которое оказывают на пробуждение страстей нечистые духи.

Утверждение суфиев о связи страстей с душой человека логично приводит к выводу о необходимости борьбы с ними. Такая необходимость основывалась на признании вреда страстей и пороков. Суфии считали, что наполняемая страстями душа теряет даже смутное воспоминание о своей божественной сущности и становится неспособной к созерцанию Всевышнего, ум в таком случае не властвует над чувствами, а сам поглощается ими. Возникающие при этом страстные помыслы, обусловленные разнообразными впечатлениями, исходящими из стихий мира, несовместимы с созерцанием и должны быть преодолены.

В суфизме существует один единственный путь преодоления страстей – аскетизм. Согласно мистической доктрине суфизма страсти можно преодолеть лишь путём аскетической практики. Она заключается в строгом воздержании в пище, сне, питье, отношениях с женщинами. Душу необходимо очистить не только от плотских влечений, но и от более тонких страстей, таких как гордость, тщеславие, лицемерие, ложь, гнев. Они обольщают душу человека, пленяют его ум и препятствуют духовному восхождению.

Основными способами очищения души являются покаяние, пост и бдение. Суфии, так же как и большинство гностиков, видят главную причину греха и порока в привязан-

ности человека к миру материи. Поэтому раскаяние для суфия означает по сути дела отказ от мира и его соблазнов. Ночь суфии обычно проводят в молитве. Ночные бдения, как правило, сопровождаются длительными постами. Сокращая потребление пищи, исламские мистики тем самым ослабляют воздействие телесных желаний и душевных страстей, что способствует их духовному росту и постепенно приближает к Богу

Суфии всячески стараются избавиться от лицемерного благочестия, когда добродетельные поступки совершаются с намерением приобрести славу и известность среди людей.

Грех тщеславия считался у суфиев наиболее серьёзным. Чтобы его избежать, мистик должен был скрывать свои добрые дела, для этого он даже совершал поступки, идущие в разрез с исламским религиозным законом, что вызывало негативную реакцию со стороны исламского духовенства и большинства верующих. Это делалось для того, чтобы люди не восхваляли их как святых, и они не подверглись бы искушению гордости и тщеславия.

Отвергая такие пороки, как алчность и стремление к богатству, многие суфии всю жизнь проводят в нищете. Ничто не должно отвлекать суфия от поисков Божества – ни семья, ни забота о собственности. Необходимые для очищения души аскетические действия должны сопровождаться чувством любви к Богу, только тогда они имеют значение.

Очищенная от страстей душа делается способной воспринимать посылаемое ей Всевышним вдохновенное знание о Нём Самом. Это мистическое знание известно как гносис.

Гносис или марифа, по мнению суфиев, это некая божественная тайна, которую нельзя постичь с помощью рассудка. Согласно суфийскому преданию, учение о марифа было разработано Зу-н Нуном. Гносис в его понимании – это интуитивное знание о Боге, которое человек самостоятельно обрести не может, поскольку это особое знание – призыв, посылаемый Богом своим избранникам, любящим Его. Этот мистик различал три рода знаний: знание, которым обладает большинство людей, т.е. обыденное знание; знание присущее богословам и ученым, и знание, которым обладают лишь избранники Аллаха, т.е. гносис. Подобно античным гностикам он полагал, что гносис есть достояние людей духовных, пневматиков, способных постичь Бога сердцем, пробудив в нем «Божественную искру». Зу-н Нун, как и учитель гностицизма Валентин, был убежден, что только гностики или «дети Божьи» как раз и являются теми духовными людьми, которые обладают совершенным знанием Бога. По мнению этого исламского гностика, только Сам Создатель может даровать человеку знание о Себе – марифа. Достижение этого знания соответствует последнему этапу мистического пути суфия.

Символом Божественного гносиса был Свет. В акте созерцания Божества суфий полностью отказывается от своей личности и растворяется в Божественном Свете. Тем самым человек обретает своё единство с Богом. У гностиков такое состояние известно как «возвращение Божественной искры к Богу». Созерцание Бога сопровождалось погружением гностика в транс или экстаз. Определяющим свойством экстаза является полная неподвижность ума. Это состояние может усиливаться, достигая своего пика, но даже в этот момент человек воспринимает определённые истины и видит некоторые образы, хотя эти истины и образы нельзя выразить обыкновенным человеческим языком. Чтобы объяснить свои видения, мистик, как правило, использует образы и символы нашего материального мира. Кроме того, важно подчеркнуть, что в момент сообщения мистику гносиса или даже в момент соединения его с Божеством личностное начало человека сначала исчезает, а затем появляется вновь, но уже полностью преображённым. Такие свидетельства мы находим в писаниях известных учителей суфизма.

Проводя длительное время в состоянии мистического созерцания и постоянно практикуя зикр (особую молитву), суфий может обрести сначала «нестойкое видение», затем «несомненное видение» или мистическое знание, тождественное гносису, и, наконец, полное знание о Боге, погрузившись в состояние фана (исчезновение). Все эти состояния представлены в образах бабочки и светильника знаменитым суфийским гностиком

Хусайн ибн Мансуром ал-Халладжем. Так, первое состояние выражается в лицезрении света издалека, второе – когда бабочка подлетает к светильнику настолько близко, что чувствует тепло огня, исходящего от него, и последнее состояние – гибель бабочки в огне светильника.

О состоянии фана говорит и Ибн-Араби, который проводит аналогию между любовью к Богу и любовью к женщине. Он описывает её как исчезновение в возлюбленной, что является лишь выражением мистического единения с Богом. Так этот учитель суфизма говорит в своём трактате «Наставления ищущему Бога»: «И вот, если сей раб, страстно возлюбив женщину и стремясь к ней всей душой, увидит в ней себя самого (поскольку женщина сотворена из ребра мужчины), значит, он увидел в ней свой образ; свою форму, – а ты уже понял, что его форма – это форма Бога, по которой Тот сотворил его. Таким образом, он увидит Бога, ни что иное… Тогда, благодаря подлинной любви находит он в женщине истинную гибель (фана) и самостью своей соответствует ей, как соответствуют ей два подобия… Так вот, если ты полюбишь кого-нибудь такой любовью и Бог даст тебе увидеть в нём то, о чём мы говорили, значит, Он тебя любит и это испытание привело тебя к истине» [Ибн Араби, 1998, с. 322].

Выйдя из состояния фана, суфий может обрести состояние бака, когда личность мистика полностью преображается и он становиться пророком, постоянно пребывающем в Боге.

Гностическим по своему характеру является также учение суфизма о святости. Суфии рассматривают несколько степеней святости, и каждый святой становится носителем Божественного света, интенсивность которого прямо пропорциональна рангу, занимаемому им в мистической иерархии.

Учение о святости было создано шейхом Ат Тирмизи по прозвищу ал-Хаким (философ) в IX в. Некоторые учёные считают, что, досконально изучив духовное наследие неоплатонизма и гностицизма, он заимствовал у них ряд основных идей, сделав их частью суфийского учения. В своём трактате «Печать святых» он представил своеобразную иерархию святости. Всего в этой иерархии насчитывается 4 354 святых. Святые контролируют всё, что происходит в мире. Высшей степенью в этой иерархии было звание кутб (столп). Ат Тирмизи подчёркивает значение гносиса для достижения последнего этапа мистического Пути суфия – его соединения с Богом. Носителем гносиса в представлении суфиев является шейх.

Согласно Фархуду Дафтари, мусульманские мистики были убеждены, что Послание ислама содержит сокровенные истины, которые не могут быть постигнуты непосредственно человеческим разумом. А потому они признавали необходимость в авторитетном религиозном руководителе и духовном наставнике – шейхе или пире. Такой же позиции придерживались и шиитские мистики – исмаилиты, с которыми у суфиев было много общего [Дафтари, 2004, с. 170].

Надо сказать, что ряд основных положений о духовном наставнике были разработаны на основе мистических представлений о Посланнике Аллаха. Суфии логически развивают учение о «Свете Муххамада». Согласно этому учению, Пророк, являясь носителем Божественного Света, передаёт этот свет своим духовным наследникам – шейхам, в результате чего они также обретают божественность. Следуя учению суфиев фана фиар, мистик должен испытать исчезновение в своём духовном учителе, затем исчезновение в Муххамаде; и только после этого у него появляется возможность достичь состояния исчезновения в Боге.

По учению суфиев, наиболее полным воплощением Божественного света является сам Пророк Муххамад, о котором знаменитый суфий ал-Халладж сказал: «Свет всех пророков исходит из его света; он был до всех, его имя стоит первым в книге Судьбы; он был известен раньше всех вещей, всех существ и он пребудет после конца всего» [Шиммель, 2000, с. 62]. По мнению английского ориенталиста Темпла Гарднера, Муххамад воспри-

нимается суфиями как персонификация Божественного Логоса, активного принципа мироздания. Знаменитый учитель суфизма Ибн-Араби считал Муххамада совершенным человеком, своего рода Антропосом. Согласно его представлению, Аллах сотворил по своему образу и подобию Малую Вселенную, Совершенного Человека, через которого сознание Божества проявляется для Него Самого.

Совершенный человек – это дух, дающий начало всем вещам. Иными словами, творческий дух Пророка является выражением вечного Божественного Духа; он – передаточное звено, посредством которого Бог познаёт Себя в сотворённом мире.

Особое значение в деле обретения человеком Бога суфии придают чувству любви человека к Создателю. Именно она, по утверждению мусульманских мистиков, является основанием человеческого духа. Любовь понимается ими как томление души по своему Возлюбленному. При этом они утверждают, что и Аллах испытывает чувство любви к людям, иначе не даровал бы спасения. Именно Бог является источником любви. Исламские мистики полагали, что любовь посылается человеку Богом, поскольку Бог изначально любит человека. Любовь – это неизменное качество Бога и она является тайной для человека. Только с помощью гносиса, тождественного мистической интуиции, ищущий может приоткрыть покров этой тайны.

Ряд исследователей суфизма считают, что некоторые еретические аспекты суфизма были обратной стороной той свободы, которая отличала ислам на раннем этапе его развития. Существуя в рамках исламского креационизма и внешне признавая его догматы, суфизм, будучи манифестационистским по сути течением, выходит за пределы ислама, особенно в том, что касается сур Корана и хадисов Пророка, а также и религиозной практики.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что мировоззрение суфизма основывается на эманационистском видении мироздания, в рамках которого адепту представляется возможность постепенного восхождения по ступеням духовного совершенствования и обретения истинного знания – гносиса. Безусловно, такие нетрадиционные взгляды рассматривались и до сих пор рассматриваются некоторыми ортодоксальными исламскими богословами как ересь, которая представляет для мусульманской общины определённую опасность.

На протяжении столетий многие суфии и целые суфийские ордена подвергались преследованию со стороны властей и исламских ортодоксов, но несмотря на это суфизм попрежнему процветает и пользуется влиянием в исламских кругах Африки, Ближнего и Среднего Востока, поскольку стремление к познанию Бога, стремление к спасению и сейчас определяет жизнь большинства мусульман, а тому, как достичь этого, и учит суфизм.

Список источников

1. Поздеев П. 1886. Дервиши в мусульманском мире. Оренбург, 334 с.

2. Сочинения гностиков в Берлинском коптском папирусе 8502. Пер. с немецкого и коптского. СПб., Алетея, 2004 (Die Gnostishen schriften des Koptischen papyrus Berolinensis 8502.Berlin.Verlag Academie, 1972 p.)

Список литературы

1. Айтжанова А.К. 2015. Ислам и Веды. Опыт сравнительного изучения суфийской и вайшнавской религиозных традиций.М., Memories, 192 с.

2. Дафтари Ф. 2004. Краткая история исмаилизма: Традиции мусульманской общины. Пер. с англ. М., АСТ; Ладомир, 273 с. (Farhad Daftary.1998. A Short History of the Ismailis. London, 273 p.)

3. Ибн Араби. 1998. Наставления ищущему Бога. В кн.: Средневековая арабская философия. Проблемы и решения. М., Восточная литература, 322 с.

4. Кныш А.Д. 2004. Мусульманский мистицизм. Краткая история. М., Диля, 454 с.

5. Мец, А. 1996. Мусульманский ренессанс. М., ВиМ, 544 с.

7. Шиммель А. 2000. Мир исламского мистицизма. Пер. с англ. М., Алетейа, Энигма, 416 с. (Schimmel Annemarie.2000.Mistical Dimensions of Islam. The University of North Carolina Press, 416 p.)

References

1. Ajtzhanova A.K. 2015. Islam i Vedy. Opyt sravnitel'nogo izucheniya sufijskoj i vajshnavskoj religioznyh tradicij [Islam and the Vedas. The experience of a comparative study of Sufi and Vaishnava religious traditions]. Moscow, Publ. Memories, 192 p.

2. Daftari F. 2004. Kratkaya istoriya ismailizma: Tradicii musul'manskoj obshchiny [A Short History of the Ismailis]. Moscow, Publ. AST, Ladomir, 273 p. (Farhad Daftary.1998. A Short History of the Ismailis. London, 273 p.)

3. Ibn Arabi. 1998. Nastavleniya ishchushchemu Boga. [Instructions to the seeker of God]. In: Srednevekovaya arabskaya filosofiya. Problemy i resheniya [Medieval Arabic Philosophy. Problems and solutions]. Moscow, Publ. Vostochnaya literatura, 322 p.

4. Knysh A.D. 2004. Musul'manskij misticizm. Kratkaya istoriya. [Muslim mysticism. Short story]. Moscow, Publ. Dilya, 454 p.

5. Mec, A. 1996.Musul'manskij renessans. [The Muslim Renaissance]. Moscow, Publ. ViM, 544 p.

6. SHimmel' A. 2000. Mir islamskogo misticizma. [Mistical Dimensions of Islam]. Moscow, Publ. Aleteya; Enigma, 416 p. (Schimmel Annemarie. 2000. Mistical Dimensions of Islam. The University of North Carolina Press, 416 p)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королёв Юрий Алексеевич, кандидат философских наук, магистр религиоведения, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, г. Орлов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri A. Korolev, Ph.D., Master of Religious Studies, Associate Professor, Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 349.6
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-486-494

О пандемии коронавируса в контексте философии экологического права

Анисимов А.П.
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8
E-mail: anisimovap@mail.ru

Аннотация. Появление коронавирусной инфекции можно считать случайностью, никак не обусловленной предыдущей деятельностью человека. Однако, учитывая почти 200-летний бурный рост промышленности и увеличение загрязнения окружающей среды, можно предложить гипотезу, объясняющую происходящие события. Планета Земля – это не мертвое тело, а особая форма жизни, на которую загрязнение водоемов и воздуха, вырубка лесов и иные виды человеческой деятельности воздействуют отрицательно, что порождает ответную реакцию. Появление коронавирусной инфекции в Китае – самом загрязненной регионе планеты, говорит о многом. Сегодня доказано существование экологических болезней, обусловленных загрязнением окружающей среды. Убедительных доказательств негативного воздействия загрязненной окружающей среды на здоровье объектов животного мира (от которых в Китае коронавирусом заразился человек) пока еще недостаточно, однако имеющиеся исследования подтверждают оправданность такой гипотезы. Для предотвращения новых пандемий человечество должно перейти от потребительской (антропоцентричной) концепции восприятия Природы к экоцентричной модели, предполагающей снижение воздействия на окружающую среду и отказ от безудержного роста потребления.

Ключевые слова: природа, общество, климат, пандемия, коронавирус, философия

Для цитирования: Анисимов А.П. 2020. О пандемии коронавируса в контексте философии экологического права. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 486–494. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-486-494

About the coronavirus pandemic in the context of philosophy environmental law

Aleksey P. Anisimov
Volgograd Institute of management – branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration,
8 Gagarina St, Volgograd, 400131, Russia,
E-mail: anisimovap@mail.ru

Abstract. The appearance of a coronavirus infection can be considered an accident, not caused by previous human activity. However, given the almost 200-year rapid growth of industry and the increase in

environmental pollution, we can offer another hypothesis to explain what is happening. The planet Earth is not a dead body, but a special form of life that is negatively affected by water and air pollution, deforestation, and other human activities, which generates a response. One of these common responses is climate change due to the increase in greenhouse gas emissions, which was discussed by the world community and reflected in the international Treaty-the Paris agreement on climate 2015. It seems that this is not the only response of the Country to the annual increase in negative human impact on its economy. The appearance of coronavirus infection in China, the most polluted region of the planet, speaks volumes. Today, the existence of environmental diseases caused by environmental pollution has been convincingly proved. There is still insufficient evidence of the negative impact of the polluted environment on the health of animal objects (from which a person was infected with the coronavirus in China), but the available research confirms the validity of this hypothesis. In order to prevent new pandemics, humanity must move from a consumer (anthropocentric) concept of Nature perception to an ecocentric model that assumes a reduction in the impact on the environment and a rejection of rampant consumption growth.

Keywords: nature, society, climate, pandemic, coronavirus, philosophy.

For citation: Anisimov A.P. 2020. About the coronavirus pandemic in the context of philosophy environmental law. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 486–494 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-486-494

Введение

Пандемия коронавируса застала органы власти всех стран мира (равно как и население) врасплох. Безусловно, пандемии более локального типа (атипичная пневмония, птичий или свиной грипп и т.д.) случались и ранее, но никто не предполагал, то штамм очередного опасного для здоровья человека вируса приведет к таким катастрофическим для экономики, жизни и здоровья людей последствиям. Официального объяснения причин пандемии в мире нет.

Власти Китая (откуда началась пандемия) считают, что вирус широко распространен не только среди людей, но и среди диких животных. Поэтому высший законодательный орган Китая принял решение о полном запрете употребления в пищу диких животных по всей стране. Это решение требует суровых наказаний за охоту, торговлю и перевозку диких животных, включенных в специальный список. Для борьбы с нелегальной торговлей дикими животными был дан ряд поручений Министерству экологии и охраны окружающей среды КНР. Необходимость принятия жестких мер объясняется властями тем, что короновирус впервые появился на рынке морепродуктов в Ухане (провинция Хубэй), где, согласно сообщениям китайских СМИ, объекты дикой природы часто продавались нелегально[1].

Официальные российские власти никого не обвиняют в создании или распространении коронавируса, акцентируя внимание на мерах по борьбе с ним. Таким образом, никакая страна мира не несет ответственности за распространение коронавируса, и само его появление тоже никак не объясняется. Это случайность, у которой нет причин. Динамику соотношения закономерностей и случайностей рассматривали различные философы, начиная с Древней Греции (Демокрит, Аристотель), однако наиболее последовательно это соотношение было исследовано Г. Гегелем и Ф. Энгельсом. Именно последнему принадлежит утверждение, что закономерность и случайность существует в природе бок о бок; природа содержит в себе всякого рода предметы и процессы, из которых одни случайны, другие необходимы, причем все дело только в том, чтобы не смешивать между собой эти два сорта [Энгельс, 1961, с. 533].

[1] Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China // http://english.mee.gov.cn/News_service/news_release/202002/t20200225_765449.shtml

Представляется важным, используя потенциал общественной науки, выявить закономерность в происходящих в природе и мире процессах, частью которых и является пандемия коронавируса, и высказаться о причинах данного явления.

Коронавирус и его социально-экономические последствия

Коронавирус – это инфекционное заболевание, влияющее на дыхательную систему человека, входящее в состав целого семейства вирусов, включающего более 30 видов. Коронавирусы могут вызывать целый ряд заболеваний – от обычной простуды до тяжелого острого респираторного синдрома.

Пандемия коронавируса имеет крайне тяжелые последствия для человечества – по состоянию на 14 мая 2020 г. 4 347 015 человека заболело, 297 197 человек скончалось от пандемии[1]. Коронавирус уже привел к ряду тяжелых социальных и экономических последствий для мировой экономики. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) уже понизила оценку роста мирового ВВП на 2020 год на 0,5 процентного пункта. Есть вероятность сползания мировой экономики в новую рецессию. Происходит падение фондовых рынков, прекращаются поставки продукции из Китая, что влечет остановку промышленных предприятий в Европе. Отмечается спад морских контейнерных перевозок, падение спроса на непродовольственные товары, пострадала индустрия туризма и отдыха. Фармацевтическая промышленность испытывает дефицит субстанций ввиду сокращения поставок из Китая[2].

Несмотря на то, что окончательный анализ экологических последствий пандемии еще предстоит сделать, можно констатировать, что в период карантина в большинстве стран мира произошло уменьшение негативного воздействия человека на природу – снижение выбросов в атмосферный воздух и сбросов вредных веществ в водные объекты, в связи с остановкой многих промышленных предприятий. Соответственно уменьшилось количество отходов производства и потребления (последних, в частности, из-за того, что прекратили свою деятельность многие торгово-досуговые центры, рестораны, кинотеатры и иные места массового отдыха населения). Резко сократился объем выбросов авто-, авиа-, железнодорожного транспорта. Напротив, увеличился объем бытовых отходов домохозяйств и медицинских отходов (например, по причине массового производства и использования медицинских масок).

Таким образом, размах пандемии, смертность людей и огромные негативные социально-экономические последствия обусловливают необходимость осмыслить происходящую катастрофу для жителей Земли, понять ее причины и возможные долгосрочные последствия. Однако для комплексного взгляда на проблему необходимо использовать методологию не юридических или экономических наук, а экологической философии – научного направления, число сторонников которого уже много лет растет во всех странах мира.

Экологическая философия и методология познания закономерностей проблем взаимодействия природы и общества

Без сохранения целостности биоты Земли, экологического баланса, изменения планетарных условий жизни, превышающих возможности человека к адаптации, трудно ожидать, что люди как вид смогут существовать. Гибель природы Земли будет означать и гибель человечества. Поэтому представляется очевидным невозможность рассмотрения че-

[1] Короновирус COVID-19 // https://news.mail.ru/story/incident/coronavirus/ (дата обращения 14.05.2020).

[2] Эксперты рассказали о последствиях коронавируса для мировой экономики // https://ria.ru/20200302/1566873678.html (дата обращения 14.05.2020).

ловека вне контекста его взаимосвязи с Природой, частью которой он, как биологический вид, является.

Между тем концептуальное восприятие человека как части Природы встречает в общественной науке РФ множество резко отрицательных оценок. Остается распространенной позиция о том, что человек – венец развития природы, высший биологический вид. Возникновение общества, главной частью которого является человек, привело к отделению человека от природы [Крассов, 2013]. Аналогичные дискуссии можно обнаружить и во многих других странах мира. Попыткой подвести под многочисленные дискуссии о взаимодействии природы и общества некоторого «общего знаменателя» является появление концепции экологической философии, призванной переосмыслить место человека в его взаимодействии с природой. В состав экологической философии как комплексного научного направления входят экологический феминизм, экологическая этика, экологическая герменевтика и экологическая теология. К числу наиболее часто обсуждаемых представителями данного направления вопросов относятся проблемы глобального изменения климата, истощения невозобновляемых природных ресурсов, правосубъектности диких и домашних животных и иных видов природных объектов (вод, лесов и т.д.).

Начало данному направлению положили О. Леопольд и А. Швейцер (последнему принадлежит один из основополагающих принципов экологической этики «благоговение перед жизнью»), а сам термин «глубинная экология» предложил А. Нейс в 1973 г., обративший внимание на необходимость преобразований в ценностной сфере не только в интересах человека, но и в интересах других форм жизни. Впоследствии данные идеи разделяли Терри Хой, Дэвид Пеппер, Джоанна Мейси, а в России – Э.В. Баркова и др. В рамках данного направления философии происходит изменение представлений человека о собственном «я», он прекращает противопоставлять себя природе и начинает говорить от ее имени, сливается и растворяется в ней [Дмитриева, 2012].

Как отмечал А. Нейс, каждая крупная экологическая проблема имеет социальный и политический аспект. Очевидно, что технологические изобретения практически не оказывают влияния на кривую возрастающей неустойчивости. Будет ли использование экологически полезного изобретения принято в соответствующем масштабе, зависит от социальных и политических факторов. К сожалению, эти факторы игнорируются в научно-исследовательских и опытно-конструкторских программах. Окружающая среда понимается как нечто вне человечества. Люди явно находятся внутри экологических систем Земли, и человеческие общества имеют такую же потребность и право на защиту, как и общества других живых существ [Naess, Culture and…, 2005].

Богатство и разнообразие форм жизни являются ценностями сами по себе и способствуют процветанию человеческой и нечеловеческой жизни на Земле. Люди не имеют никакого права уменьшать это богатство и разнообразие. Нынешнее вмешательство человека в нечеловеческий мир является чрезмерным, и ситуация быстро ухудшается. Необходимо изменить политику в этой области, включая основные экономические, технологические и идеологические структуры. Полученное в результате положение вещей будет глубоко отличаться от настоящего. Идеологическое изменение заключается в том, чтобы ценить качество жизни, а не стремится к все более высокому уровню жизни.

Термин «жизнь» А. Нейс использует в широком смысле для обозначения, в том числе, того, что биологи классифицируют как неживое: реки, ландшафты, культуры, экосистемы, Живая земля. Так называемые простые, низшие или примитивные виды растений и животных вносят существенный вклад в богатство и разнообразие жизни. Они имеют ценность сами по себе и не являются просто ступенями к так называемым высшим или рациональным формам жизни. Можно обоснованно заявить, что если нынешние миллиарды людей глубоко изменят свое поведение в направлении экологической ответственности, то нечеловеческая жизнь может процветать. Нельзя ожидать, что люди в богатых странах в одночасье уменьшат свое чрезмерное вмешательство в природу. Меньшее вмешатель-

ство не означает, что люди не должны изменять некоторые экосистемы. Люди будут изменять Землю, и речь идет о характере и масштабах такого вмешательства [Naess A. The Basics of Deep…, 2005].

Таким образом, значение экологической философии состоит не в том, что она регулирует выбросы и сбросы вредных веществ, тем самым напрямую способствуя уменьшению негативного воздействия человека на природу. Ее роль скорее ценностная и мировоззренческая, она заключается в возможности комплексного подхода к экологическим проблемам, объяснении их долгосрочных последствий, чего нельзя достигнуть посредством методологии правовой или экономической науки. Главный призыв экофилософии – сохранение устойчивости живой природы и ее способности к саморегуляции [Шульга, 2018, с. 24].

Экофилософская методологическая программа действий может помочь разрешению экологического кризиса, в том числе путем пропаганды фактов об угрозе экологической катастрофы всепланетарного масштаба, причиненной в результате сознательного человеческого пренебрежения ценностной и уникальной сущностью природных ресурсов [Турчин, 2011]. Взаимодействие экофилософии с правом состоит в том, что содержание любого нормативного акта неизбежно зависит от мировоззренческих установок его авторов, степени их осознания необходимости поиска гармонии между природой и обществом. Учитывая возрастающее участие общественности в принятии экологически значимых решений, гарантированное Орхусской конвенцией, устойчивая общественная поддержка усиления регулирования предельно допустимого воздействия человека на окружающую среду может свидетельствовать о том, что, например, американское общество действительно заботится о ценностях, связанных с охраной окружающей среды [Flournoy, 2003].

Приведенные аргументы позволяют сделать следующий шаг в рамках экологической философии и переосмыслить само понимание ценности Земли и Природы. По мнению многих ученых, к нашей планете уже давно надо относиться не как к мертвому, вращающемуся вокруг Солнца телу, а как к живому и разумному организму, способному откликаться на бездумную деятельность населяющих ее людей. Этот сложный организм представляет собой саморегулирующуюся систему, что проявляется в течении геологических, геофизических, атмосферных и иных процессов. Во многих научных работах современных экофилософов природа определяется как со-разумная человеку реальность [Баркова, 206, с. 9]. Другие авторы, анализируя особенности информационного поля Вселенной, считают, что оно иерархично и имеет ряд слоев, причем каждый слой связан иерархически с более высокими слоями. Отмечается, что иерархии мироздания соответствуют многочисленные иерархические структуры живых существ различной плотности и духовного уровня, причем утверждается, что подобная иерархичность – один из ведущих принципов творения мира [Бринчук, 2015]. Д. Уиллис также считает, что наша планета больше похожа на живое существо, саморегулирующуюся органическую сущность, которая поддерживает себя в устойчивом состоянии, способствующем продолжению жизни. Адаптация и эволюция отдельных существ становится частью единого, более крупного процесса – адаптации и эволюции самой планеты. Это порождает непрерывные симбиотические отношения между всеми живущими существами и геохимические процессы, обеспечивающие выживание человека как планетарного организма, а также отдельных видов, которые живут в пределах своей биосферной оболочки. Узкий дарвинистский аргумент о выживании наиболее приспособленных становится тривиальным, если не несущественным, в этом более крупном органическом контексте. Тело планеты и тело каждого из видов на ней вплетены в сложную взаимодействующую систему, набор не осязаемых чувствами отношений. Мы принимаем в себя, в нашу плоть и жидкости, вещество биосферы. Когда мы деградируем и загрязняем землю, то и сами деградируем и загрязняемся [Willis 1992].

Изменение философского понимания Земли означает и новое восприятие ее загрязнения. Даже если считать недостаточными приведенные аргументы об «особой форме

жизни» Земли, сам факт тесной взаимосвязи и взаимовлияния всех компонентов природной среды (земли, воды, недр и т.д.), а также жизнедеятельности человека, не вызывает сомнений. Из этого следует, что Земля реагирует на антропогенную деятельность, связанную с загрязнением экосистем, что подтверждает признаваемый мировым сообществом факт глобального изменения климата. В связи с этим моя гипотеза заключается в том, что кроме изменений климата, ответная реакция Природы на деятельность человека может проявлять себя и другим образом, в частности, посредством повторяющихся пандемий, с каждым разом становящихся все более опасными. Для уменьшения таких угроз необходимо пересмотреть не только философские, но и правовые подходы к пониманию субъектности Земли и Природы.

Философия экологического права как новый инструмент познания закономерностей взаимодействия природы и общества

Несмотря на достижения экологической философии, следует заметить, что далеко не все выявленные ею проблемы могут быть решены на современном этапе развития общества. Критерием реализуемости предложений сторонников этого научного направления является право, как главный регулятор общественных отношений в любой стране мира. При этом замечу, что право может регулировать только меньшую часть глобальных экологических проблем современности. Для их точного выявления требуется методологический инструментарий нового научного направления – философии экологического права. Если экологическая философия находится в тесной взаимосвязи с естественными науками, то философия экологического права лежит в плоскости взаимодействия философии, естественных наук и юриспруденции, что позволяет использовать в целях научного познания методологический инструментарий всех трех наук. Философия экологического права, кроме правовых явлений и процессов, пытается переосмыслить место природы в жизни человека, размышляет о роли права в формировании экоцентричного мировоззрения.

Наиболее последовательно основные положения новой философии экологического права изложены в докладе Генерального секретаря ООН «В гармонии с природой» от 19 июля 2017 г. Появление изложенной в докладе концепции имеет ряд доктринальных предпосылок. Так, К.Д. Стоун отмечал, что рост обеспокоенности общественности вопросами охраны природы приведет к признанию прав Природы, что позволит подавать иски от имени деревьев и прочих «природных объектов», в том числе требовать компенсации ущерба, который сможет взыскиваться в пользу таких объектов [Stone, 1972].

Представляется очень важным, что доклад Генерального секретаря ООН не является дежурной констатацией современных экологических проблем, а представляет собой прорыв в идеологии охраны окружающей среды, предлагая ряд новых направлений формирования экологического мировоззрения принципиально нового типа, вписываясь во многие философско-правовые концепции, которые много лет обсуждаются в науке. Доклад предлагает изменить общепризнанную терминологию, упоминая о «правовой философии Земли» или о принципах «планетоцентрического права». Отдельно следует упомянуть и предлагаемую правовую конструкцию «право Земли на здоровую окружающую среду» (именно Земли, а не человека или государства).

Появление последней категории обосновывается наличием тесной взаимосвязи между благополучием планеты и благополучием человеческого рода. В настоящий момент в основе нашего антропоцентричного мировоззрения, наших законов и нашей экономики лежит идея о том, что мы живем на планете, служащей для нас просто источником «ресурсов», которые можно эксплуатировать как нам заблагорассудится исключительно в интересах нашего биологического вида, тогда как планетоцентрическое мировоззрение построено на том, что благополучие человека зависит от благополучия Земли и что жизнь в гармонии с природой необходима для обеспечения благополучия человека и его прав.

Соответственно, права человека в целом, равно как и экологические права в том виде, в котором они сегодня закреплены в экологическом законодательстве, ориентированы лишь на обеспечение благополучия человека, но не защиту всех других форм животной и растительной жизни.

Рассмотрение Земли в качестве источника сырья для коммерческой деятельности существенно повлияло на здоровье Земли, являющейся для нас источником жизни, и автоматически отразилось на благополучии человечества.

Весьма интересно, что в докладе приводятся конкретные примеры из законодательства и судебной практики ряда зарубежных стран, в которых уже осуществлен первый шаг к переходу на эту новую философско-правовую концепцию. Так, 10 ноября 2016 года Конституционный Суд Колумбии признал, что река Атрато вместе с ее бассейном и притоками обладает правами. Река Атрато, находящаяся в департаменте Чоко, Колумбия, страдает от незаконной добычи полезных ископаемых, следствием которых являются как экологический и гуманитарный кризис, так и судебные иски в целях защиты прав реки и поддерживаемых организацией «Тьерра дигна» местных общин.

Однако, несмотря на то, что Доклад отражает современные передовые концепции взаимодействия общества и природы, в настоящий момент он еще недостаточно воспринят правительствами большинства стран мира, хотя, на мой взгляд, это единственная возможная стратегия выживания человечества.

Думается, что далеко не случайно пандемия коронавируса вспыхнула в Китае, который является «мастерской мира», где сосредоточено большинство экологически грязных производств. Земля как живой организм (особая форма жизни) пытается прекратить разработку недр, загрязнение водоемов и воздуха, уменьшая количество населения и парализуя экономику. Пока пандемия коронавируса была в разгаре, экономика всех стран мира ощутимо замерла – уменьшились выбросы и сбросы в окружающую среду, объем размещаемых отходов, что позволило биосфере Земли хотя бы немного восстановиться.

Заключение

Появление коронавирусной инфекции можно считать случайностью, никак не обусловленной предыдущей деятельностью человека. Такая точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Однако, учитывая почти 200-летний бурный рост промышленности и увеличение загрязнения окружающей среды, можно предложить другую гипотезу, объясняющую происходящие события. Планета Земля – это не мертвое тело, а особая форма жизни, на которую загрязнение водоемов и воздуха, вырубка лесов и иные виды человеческой деятельности воздействуют отрицательно, что порождает ответную реакцию.

Из числа таких общепризнанных реакций можно назвать изменение климата ввиду увеличения выбросов парниковых газов, что было обсуждено мировым сообществом и отражено в международном договоре – Парижском соглашении по климату 2015 г. Представляется, что это не единственная ответная реакция Природы на ежегодный рост негативного воздействия человека на ее экосистемы. Появление коронавирусной инфекции в Китае – самом загрязненной регионе планеты, говорит о многом. Сегодня убедительно доказано существование экологических болезней, обусловленных загрязнением окружающей среды, причем как в рамках медицинской науки, так и юридической (посредством включения в законы норм о возмещении вреда здоровью, причиненного экологическим правонарушением, и соответствующей судебной практикой). Четких доказательств негативного воздействия загрязненной окружающей среды на здоровье объектов животного мира пока еще недостаточно, однако имеющиеся (хотя и немногочисленные) исследования подтверждают оправданность такой гипотезы, равно как и факт ежегодного вымирания различных биологических видов, что фиксируется в Красных книгах и международ-

ных документах. Для того, чтобы предотвратить появление новых пандемий, человечество должно перейти от потребительской (антропоцентричной) концепции восприятия Природы к экоцентричной, предполагающей снижение воздействия на окружающую среду и отказ от безудержного роста потребления. Предпосылки для такого перехода уже созданы. Воззрения многих коренных народов Америки, а также доктринальные разработки были использованы в Докладе Генерального секретаря ООН «В гармонии с природой», где предложена совершенно новая философия охраны окружающей среды, предполагающая закрепление ряда субъективных прав за природными объектами.

Реализация такой стратегии возможна лишь путем совершения сотен или даже тысяч более локальных мер, связанных с расширением международного сотрудничества по охране климата, реализации концепции циркулярной экономики, позволяющей уменьшить объем производимых отходов, а также серии других организационных, экономических, юридических, культурных и иных мер. Даная работа уже ведется, однако координация соответствующих усилий на международном уровне недостаточна. Между тем, если ничего не предпринимать в отношении сокращения негативного воздействия на Природу, новая пандемия неизбежно повторится и будет иметь более тяжелые последствия для человечества, чем пандемия коронавируса. Переход на новые мировоззренческие стандарты потребует больших расходов. Учитывая экономические потери от коронавируса, избежать их не получится в любом случае, а последствия пандемии для жизни и здоровья людей оценить невозможно.

Список источников

1. Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China // http://english.mee.gov.cn/News_service/news_release/202002/t20200225_765449.shtml

2. Короновирус COVID-19 // https://news.mail.ru/story/incident/coronavirus/ (дата обращения 14.05.2020).

3. Эксперты рассказали о последствиях коронавируса для мировой экономики // https://ria.ru/20200302/1566873678.html (дата обращения 14.05.2020).

4. Энгельс Ф. 1961. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 858 с.

Список литературы

1. Баркова Э.В. 2016. К истории экофилософии: голос одухотворенного мира в гармонии взаимодействия человечества и природы в концепции В.С. Соловьева. Человеческий капитал, 8: 8–11.

2. Бринчук М.М. 2015. Природа – объект экологических отношений в праве. «Тайны» природы. Астраханский вестник экологического образования, 3: 5–13.

3. Дмитриева Н.В. 2012. Современное состояние проблемы взаимоотношения природы – человека – общества: социально–философский анализ. Вестник Саратовского государственного технического университета, 1–1: 170–175.

4. Крассов О.И. 2013. Экологическое право: учебник. М.: НОРМА: ИНФРА–М, 624 с.

5. Турчин М.Б. 2011. Экофилософская методология как конструирующий фактор течения радикального экологизма. Гуманитарный вестник ЗДИА, 47: 105–113.

6. Шульга Е.Н. 2018. Экофилософия и символический мир природы: проблема интерпретации. Logos et Praxis, 17–1: 22–31.

7. Flournoy A.C. 2003. Building an Environmental Ethic from the Ground Up. University of California, Davis, 37: 53–80.

8. Naess A. 2005. Culture and Environment. Trumpeter, 21–1: 53–58.

9. Naess A. 2005. The Basics of Deep Ecology. Trumpeter, 21–1: 61–71.

10. Stone C.D. 1972. Should Trees Have Standing? Toward Legal Rights for Natural Objects. Southern California Law Review, 45 (2): 450–501.

11. Willis D.J. 1992. Ecophilosophy and Natural Law. Journal of Energy, Natural Resources & Environmental Law, 12–2: 419–452.

References

1. Barkova E.V. 2016. K istorii ekofilosofii: golos oduhotvorennogo mira v garmonii vzai–modejstviya chelovechestva i prirody v koncepcii V.S. Solov'eva [To the history of ecophilosophy: the voice of the spiritualized world in the harmony of interaction between humanity and nature in the concept of V.S. Solovyov]. Chelovecheskij kapital, 8: 8–11.

2. Brinchuk M.M. 2015. Priroda – ob"ekt ekologicheskih otnoshenij v prave. «Tajny» prirody [Nature is the object of environmental relations in law. «Secret of nature]. Astrahanskij vestnik ekologicheskogo obrazovaniya, 3: 5–13.

3. Dmitrieva N.V. 2012. Sovremennoe sostoyanie problemy vzaimootnosheniya prirody – cheloveka – obshchestva: social'no–filosofskij analiz [The current state of the problem of the relationship between nature–man – society: socio–philosophical analysis]. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 1–1: 170–175.

4. Krassov O.I. 2013. Ekologicheskoe pravo: uchebnik [Environmental law: textbook] Moscow: NORM: INFRA–M, 624.

5. Turchin M. B. 2011. Ekofilosofskaya metodologiya kak konstruiruyushchij faktor techeniya radikal'nogo ekologizma [Ecophilosophical methodology as a construction factor of radical environmentalism]. Gumanitarnyj vestnik ZDIA, 47: 105–113.

6. Shulga E.N. 2018. Ekofilosofiya i simvolicheskij mir prirody: problema interpretacii [Ecophilosophy and the symbolic world of nature: the problem of interpretation]. Logos et Praxis, 17–1: 22–31.

7. Flournoy A.C. 2003. Building an Environmental Ethic from the Ground Up. University of California, Davis, 37: 53–80.

8. Naess A. 2005. Culture and Environment. Trumpeter, 21–1: 53–58.

9. Naess A. 2005. The Basics of Deep Ecology. Trumpeter, 21–1: 61–71.

10. Stone C.D. 1972. Should Trees Have Standing? Toward Legal Rights for Natural Objects. Southern California Law Review, 45 (2): 450–501.

11. Willis D.J. 1992. Ecophilosophy and Natural Law. Journal of Energy, Natural Resources & Environmental Law, 12–2: 419–452.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey P. Anisimov, doctor of law, Professor, Department of constitutional and administrative law, Volgograd Institute of management-branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration, Volgograd, Russia

УДК 342
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-495-503

Основы теории безопасности города с точки зрения юридической урбанологии

[1)]Грищенко Л.Л., [2)]Таболин В.В., [3)]Корабельникова Ю.Л.

[1)]Академия управления МВД России,
Россия, 125171 г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8
e-mail: VVG_59@mail.ru

[2)]Государственный университет управления,
109542 г. Москва, Рязанский пр-кт, 99
e-mail: tabolin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2418-8189

[3)]Академия управления МВД России,
125171 г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8
E-mail: korable79@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2461-9049

Аннотация. Российская Федерация является высоко урбанизированной страной. Представители истории, социологии, экономики и других наук давно ведут исследования различных аспектов городской жизнедеятельности. Юридическая теоретическая наука существенно отстает в этом вопросе, в частности, остается мало изученным правовое формирование системы безопасности человека в городе. В связи с этим авторами с позиции юридической урбанологии дан обзор научных трудов представителей различных наук о городе, выделены объекты и методы исследования, которые носят системный, структурно-функциональный и специальный характер. Представлено авторское понятие города и его безопасности, приведены классификации угроз для его жителей, предложена методика их оценки на основе концепции приемлемого риска, представлено законодательство об обеспечении безопасности в городе и специальный паспорт безопасности города. Выделены негативные последствия и характер их влияния на состояние жизнедеятельности города. Результаты исследования могут иметь практическое применение при решении проблем безопасности города как части общенациональной задачи по обеспечению безопасности и благополучия человека.

Ключевые слова: право, чрезвычайная ситуация, угрозы, риски, негативные последствия, методы анализа, органы и силы обеспечения.

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-011-00720 «Разработка научных основ юридической урбанологии как нового комплексного направления в юридической науке о городах».

Для цитирования: Грищенко Л.Л., Таболин В.В., Корабельникова Ю.Л. 2020. Основы теории безопасности города с точки зрения юридической урбанологии. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 495–503. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-495-503

Fundamentals of the theory of city security from the point of view of legal urbanology

[1)]Leonid L. Grischenko, [2)]Vladimir V. Tabolin, [3)] Yulia L. Korabelnikova

[1)]Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia,
8 Z. and A. Kosmodemyanskikh St, Moscow, 125171, Russia
e-mail: VVG_59@mail.ru

[2)]State university of management,
99 Rjazanskij pr-kt, Moscow, 109542, Russia
e-mail: tabolin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2418-8189

[3)]Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia,
8 Z. and A. Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, Russia
E-mail: korable79@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2461-9049

Abstract. The Russian Federation is a highly urbanized country. Representatives of history, sociology, economics, and other sciences have been conducting research on various aspects of urban life for a long time. Legal theoretical science significantly lags in this issue the legal formation of the human security system in the city remains poorly studied. In this regard, from the standpoint of legal urbanology, the authors reviewed the scientific works of representatives of various sciences about the city, identified objects and research methods that are systemic, structural-functional, and special in nature. The author's concept of the city and its safety is presented, classifications of threats to its residents are presented, a methodology for their assessment based on the concept of acceptable risk is proposed, legislation on ensuring safety in the city and a special safety passport of the city are presented. Highlighted the negative consequences and the nature of their impact on the state of the city's life. The results of the study can have practical application in solving city safety problems as part of the national task of ensuring human safety and well-being.

Keywords: law, emergency situation, threats, risks, negative consequences, methods of analysis, bodies and forces of support

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the RFBR grant No. 19-011-00720 "Development of scientific foundations of legal urbanology as a new complex direction in the legal science of cities".

For citation: Grischenko L.L., Tabolin V.V., Korabelnikova Y.L. 2020. Fundamentals of the theory of city security from the point of view of legal urbanology. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 495–503 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-495-503

Введение

Российская Федерация при всей своей огромной территории и достаточно невысокой средней плотности населения (около 2 человек на квадратный километр) является высоко урбанизированной страной, в которой почти три четверти населения проживает в городах, что говорит об актуальности научных исследований городов для целого комплекса общественных наук [Меньшикова, 2016]. Одни науки, такие как история [Рожков, 1920; Фроянов, Дворниченко, 1988], социология [Зиммель и др., 1905], экономика [Велихов, 1996], урбанистика [Jacobs, 1961] и география [Семенов-Тян-Шанский, 1910] уже достаточно давно ведут исследования различных аспектов городской жизнедеятельности, и в рамках этих дисциплин сложились свои теории города. Философия [Горнова, 2015], психология [Дробышева, Журавлев, 2016], политология [Balbim, 2016], экология [Устюгова,

2013] и юриспруденция [Таболин, 2019] только в последние десятилетия стали развивать это научное направление.

По нашему мнению, юридическая теоретическая наука существенно отстает в этом вопросе, т.к. «увлекшись» классической теорией государства и права ученые-правоведы не обратили внимание на новые тенденции в формировании «городских государств» и новой научной концепции «замены» государств на систему глобальных городов [Терборн, 2013], которые в свою очередь уже сейчас создают целый ряд серьезных правовых проблем в обеспечении достойного и безопасного уровня жизни для населения.

Юридическая урбанология представляет собой новое направление в юридической науке, объединяющее с позиции права знания различных отраслей гуманитарной и естественной науки о закономерностях возникновения, развития и функционирования городской цивилизации вообще и города в частности, отрасли и институты права, регулирующие общественные отношения, возникающие в социальных, экономических, политических, градостроительных, жилищно-коммунальных и других процессах жизнедеятельности городского населения, о правовом формировании системы безопасности человека в городе, стимулировании позитивных тенденций в процессах урбанизации, способствующих устойчивому развитию государства и общества.

Необходимо подчеркнуть важность такого комплексного подхода в исследовании проблем безопасности города как части общенациональной задачи по обеспечению безопасности и благополучия человека [Кузнецов, 2005]. Рассмотрим некоторые теоретические аспекты обеспечения безопасности города.

Объекты и методы исследования

Главным объектом изучения данной темы, конечно же, является город, во всем многообразии различных подходов к содержанию этого понятия в общественных науках [Загоруйко, Главацкий, 2010]. С позиции юридической урбанологии город можно определить как комплекс сложных междисциплинарных общественных отношений, урегулированных социальными, правовыми и обычными нормами, обеспечивающими необходимый уровень и качество жизни и безопасности человека в социальной, экономической, политической, психологической, урбанистической, коммунальной и других сферах городского пространства.

Определяя основу безопасности человека в городе необходимо отметить, что она представляет из себя сложную систему, состоящую из различного рода дифференцированных показателей по минимизации угроз глобального, общего и персонального плана, имеющую прямо пропорциональную зависимость от месторасположения, структуры, предназначения и состояния систем его жизнеобеспечения.

Исходя из сложности и разноплановости объектов исследования, применяются системный и структурно-функциональный методы, исторический, логический и статистический методы. Из специальных методов использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод правового моделирования и толкование права.

Безопасность города

Под безопасностью города следует понимать реальные объективные условия, в которых находится данный город, когда действие внешних и внутренних факторов не приводит к негативным процессам, которые могут создать неблагоприятные или опасные условия существования для горожан, в соответствии с установленными нормами и правилами их поведения, факторами угроз их здоровью и жизни в городе.

Находясь в городской среде, человек постоянно подвергается как объективным, так и субъективным опасностям, среди которых следует выделить, во-первых, глобальные угрозы: извержение вулканов; эпидемии; космические воздействия; кардинальные клима-

тические изменения; искусственный интеллект и иные, пока еще не известные угрозы. Во-вторых, общие объективные угрозы: военные, техногенные, природные, коммуникативные, информационные. В-третьих, угрозы социально-политического свойства: попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации; захват или присвоение власти; вооруженный мятеж; массовые беспорядки; террористические акты; блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей; подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований; межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, преступность, насильственное разрушение сложившегося и навязывание чуждого мировоззрения, нравственное развращение и физическое растление, несанкционированное (непреднамеренное) энергоинформационное воздействие на мозг человека и т.д. Лавинообразно актуализируются риски в сфере личного достоинства, правозащиты [Butko et al., 2017].

При наложении перечисленных угроз на систему безопасности конкретного города они приобретают ряд существенных свойств:

1. Глобальные и общие опасности (угрозы) характерны для всех городов мира, но и они имеют дифференцированный характер своего воздействия (наводнения угрожают приморским городам и городам, расположенным вдоль рек; разрушительные землетрясения могут произойти в сейсмически опасных районах; эпидемии в большей мере затрагивают крупные города и т.п.).

2. В крупных городах (мегаполисах) значительная концентрация людских потоков и их векторная направленность в зависимости от времени дня, недели, года и их интересов (часы пик, дачный сезон, массовые общественно-политические, спортивные, культурные и религиозные мероприятия и т.д.) сами по себе при определенных негативных условиях становятся поводом для чрезвычайных обстоятельств.

3. Высокая потребительская зависимость жителей города от внешних источников воды, энергии, продовольствия и лекарств создает их уязвимость при угрозе дефицита или отсутствия необходимых средств жизнеобеспечения.

4. Постоянное накопление отходов жизнедеятельности человека приводит к перманентным экологическим угрозам при их утилизации на территориях, прилегающих к городу.

5. Лавинообразная опасность распространения инфекционных заболеваний.

6. Подверженность определенной части городского социума паническим настроениям при возникновении явных или спровоцированных вымышленных угроз приводит к серьезным психологическим травмам и неадекватным действиям.

7. Значительное влияние на человека в городе электромагнитного излучения от большого количества приемо-передающих и усилительных устройств, бытовой техники и коммуникационных устройств.

8. Снижение межличностных коммуникаций между жителями города при высокой плотности населения и уровне миграции дает возможность для распространения криминального элемента и его безнаказанной преступной деятельности и т.д.

При всей сложности проблем обеспечения безопасности городского социума в условиях неуклонного возрастания интенсивности появления и реализации угроз сегодня жизненно необходима адекватная стратегия противодействия. Однако для создания такой стратегии необходим подбор компонентов, опираясь на которые можно будет создавать целостную систему обеспечения безопасности человека в городе в условиях урбанизации. Составляющими таковой системы могут стать правовая основа обеспечения безопасности человека в городе, методика измерения уровня угроз городскому социуму; паспорт безопасности города; органы обеспечения безопасности города и их функции.

Правовая основа обеспечения безопасности человека в городе – это развивающаяся и регулируемая, определённым образом упорядоченная совокупность правовых норм, активизация которых происходит при угрозе или возникновении опасных условий жизнедеятельно-

сти человека и устранение которых требует проведения экстренных мер со стороны органов государственного и муниципального управления города. Универсальный инструмент реализации правовых установлений – юридическая ответственность [Makogon et al., 2017].

Основными нормативными источниками, регламентирующими данную деятельность, являются следующие:

– Конституция РФ, федеральные конституционные законы от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»;

– федеральные законы от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне», от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений», от 16.01.2018 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» и др.;

– указы Президента РФ от 11.07.2004 № 991 «О совершенствовании единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», от 13.11.2012 № 1522 «О создании комплексной системы оповещения населения об угрозе возникновения или о возникновении чрезвычайной ситуации»;

– постановления Правительства РФ от 04.09.2003 № 547 «О подготовке населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 03.11.2006 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» и др.;

– нормативные правовые акты субъектов России. Например, 05.11.1997 в г. Москве был принят закон № 46 «О защите населения и территорий города от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», а в 2010 году распоряжением Правительства Москвы от 16 апреля № 707-РП утверждена Концепция комплексной безопасности города Москвы;

– муниципальные правовые акты, регулирующие отношения, возникающие в связи с защитой населения и территорий муниципальных образований от чрезвычайных ситуаций.

Необходимо отметить, и это апробировано на практике, абсолютная безопасность для человека, где бы он ни находился, невозможна по факту. Можно говорить о снижении уровня опасности, что и явилось основой для создаваемой с конца 70-х годов прошлого столетия концепции приемлемого (допустимого) риска (Вирт). Суть этого подхода заключается в снижении опасности до такого низкого уровня, который приемлет общество в данный период времени [Актуальные тенденции развития…, 2018]. По данной теории нулевая вероятность наступления того или иного негативного события не может быть применена в качестве истины.

К настоящему моменту сложились представления о величинах приемлемого (допустимого) и неприемлемого риска. Приемлемым риском называется такой уровень опасности, смертности, травматизма или инвалидности людей, с которым на данном этапе развития общество может смириться[1]. В настоящее время по международной шкале принято считать, что действие угроз должно находиться в пределах от 10^{-6} до 10^{-7} вероятности возникновения (10^{-6} является максимально приемлемым уровнем индивидуального риска). В национальных российских правилах эта величина используется для оценки, например, пожарной и радиационной безопасности.

Анализ риска обычно включает оценку диапазона возможных негативных последствий тех или иных событий, ситуаций или обстоятельств и соответствующих им вероятностей для определения уровня риска, обоснованную транспозицию теории и практики

[1] Энциклопедия безопасности жизнедеятельности. Концепция приемлемого риска. URL: http://bzhde.ru/tag/priemlemyj-risk (дата обращения: 15 июля 2020).

[Новикова, Анисимов, 2008]. Однако в некоторых случаях, например, когда вероятность события чрезвычайно низка или последствия незначительны, для принятия решений может быть достаточно исследований только общих параметров.

Методы, используемые при анализе риска, могут быть качественными, количественными или смешанными. Степень глубины и детализации анализа зависит от конкретной ситуации, доступности достоверных данных и потребностей города. Как правило, методы и степень детализации анализа должны быть установлены в соответствии с правовыми и обязательными требованиями, предусмотренными в федеральном и региональном законодательстве.

При этом для гармонизации в юридическом процессе [Макогон, 2017] считаем целесообразным на основе нормативно-правовых установлений федерального, регионального и муниципального уровней разработку так называемого паспорта безопасности для каждого конкретного города. Целью разработки паспорта безопасности является проведение всестороннего анализа опасностей, определение показателей степени риска для населения, разработка мероприятий по снижению риска и смягчению последствий угроз, а также предупреждению распространения негативных последствий. Паспорт безопасности города может стать инструментом при прогнозировании политического, экономического и социального развития города, что является важнейшим условием предупреждения негативных тенденций в различных областях жизни и функционирования в сложных условиях.

Структурно паспорт безопасности города может включать общие сведения о городе (планировка, транспорт, социально-экономические показатели, преступность, система органов власти и управления), сведения о численности населения и его демографические и миграционные характеристики, уровень жизни и др., сведения об угрозах и прогноз последствий возникновения чрезвычайных ситуаций (ЧС) и чрезвычайных обстоятельств (ЧО), оценку социально-экономических последствий различного рода угроз, перечень сил и средств, привлекаемых для обеспечения предупреждения и ликвидации ЧС и ЧО, перечень мер по всестороннему обеспечению предупреждения, пресечения и ликвидации ЧС и ЧО, определение специального органа управления на период ликвидации последствий ЧС и ЧО и др.

В настоящее время к органам и силам обеспечения безопасности города, которые в зависимости от сложности и опасности ЧС и ЧО могут привлекаться к их ликвидации, следует отнести следующие:

– формирования поисково-спасательной службы МЧС России;

– военизированные и невоенизированные противопожарные, поисковые, аварийно-спасательные, аварийно-технические формирования федеральных органов исполнительной власти;

– силы Государственной противопожарной службы МЧС России;

– формирования и учреждения Всероссийской службы медицины катастроф;

– формирования ветеринарной службы и службы защиты растений Министерства сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации;

– военизированные службы по активному воздействию на гидрометеорологические процессы Федеральной службы России по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды;

– формирования гражданской обороны территориального, местного и объектного уровней;

– специально подготовленные силы и средства войск гражданской обороны, других войск и воинских формирований, предназначенных для ликвидации чрезвычайных ситуаций;

– аварийно-технические центры Министерства Российской Федерации по атомной энергии;

– службы поискового и аварийно-спасательного обеспечения полетов гражданской авиации Федеральной авиационной службы России;

– аварийно-спасательные службы и формирования Федеральной службы морского флота России, Федеральной службы речного флота России;

– нештатные аварийно-спасательные формирования города;

– общественные аварийно-спасательные формирования;

– части радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск Минобороны России;

– территориальные органы МВД России;

– подразделения Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации;

– подразделения органов уголовно-исполнительной системы;

– федеральные органы безопасности;

– в исключительных случаях на основании указа Президента РФ могут привлекаться Вооруженные Силы РФ, другие войска, воинские формирования и органы.

Привлечение федеральных силовых и правоохранительных органов может осуществляться только в строгом соответствии с федеральным законодательством и положениями о данных органах. При этом органы государственного и муниципального управления могут осуществлять согласование действий сил и средств вышеназванных структур по конкретным задачам, времени и месту. Кроме того, в случае угрозы или возникновении ЧС и ЧО межрегионального масштаба могут привлекаться федеральные резервы и структуры смежных территорий. Все это должно отражаться в паспорте безопасности города и согласовываться на межрегиональном и федеральном уровнях.

Заключение

Несомненно, система безопасности российских городов должна быть неотъемлемой частью системы национальной безопасности страны, поскольку большинство современных угроз носят глобальный или национально-территориальный характер. Однако городские власти и органы управления должны быть подготовлены к действиям в условиях различных негативных факторов, воздействующих на население. Как показала практика борьбы с вирусом COVID-19, этот аспект играет большую роль в обеспечении безопасности жителей. Неквалифицированные действия, растерянность, испуг должностных лиц города приводит к осложнению чрезвычайной ситуации и ее негативных последствий. Практическая отработка различных вариантов чрезвычайных ситуаций и обучение населения действиям в таких ситуациях позволят избежать серьезных негативных последствий.

По нашему мнению, Россия обладает достаточно развитым законодательством и подзаконными актами, необходимыми силами и средствами по эффективному предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в городах.

Список литературы

1. Актуальные тенденции развития и совершенствования местного самоуправления на современном этапе «Город – территория безопасности». Отв. ред. С.В. Розенко. Ханты-Мансийск, 292 с.

2. Бюхер К., Майр Г., Зиммель Г., Вентиг Г., Петерман Т., Шефер Д. 1905. Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., Просвещение, 204 с.

3. Вагин В.В. Социология города. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks /Sociolog/Vagin/07.php (дата обращения: 16 июля 2020).

4. Велихов Л.А. 1996. Основы городского хозяйства: Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. В 2-х частях. М., Наука, 400 с.

5. Горнова Г.В. 2015. Философия города. М., ФОРУМ: ИНФРА-М, 344 с.

6. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. 2016. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса. Институт психологии РАН. 1: 196–213.

7. Загоруйко И.Ю., Главацкий В.Б. 2010. Определение понятия «город» как концептуальная основа разработки механизмов устойчивого развития моногородов. Стратегия развития экономики. 5 (72): 29–32.

8. Кузнецов В.Н. 2005. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук. Общество и право. 1 (7): 14–54.

9. Макогон Б.В. 2017. Методологически опорная трактовка юридического процесса. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 1 (80): 32–35.

10. Меньшикова Е.П. 2016. Науки, обслуживающие сложнейшую модель общества – город. Известия ВУЗов. Строительство. 8: 85–91.

11. Новикова А.Е., Анисимов А.П. 2008. Экологические правозащитные риски: проблемы теории и практики. Адвокатская практика. 4: 5–7.

12. Рожков Н.А. 1920. Город и деревня в русской истории. Краткий очерк экономической истории России. М., Гос. изд-во, 103 с.

13. Семенов-Тян-Шанский В.П. 1910. Город и деревня в европейской России: очерк экономической географии. СПб, Тип. В.Ф. Киршбвума, 212 с.

14. Таболин В.В. 2019. Правовая теория современного российского города. М., Юрайт, 358 с.

15. Терборн Й. 2013. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства. Журнал социологии и социальной антропологии. 1: 20–40.

16. Устюгова Е.Н. 2013. От экологии города к экологии человека. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина: 97–107.

17. Фроянов И.Я., Дворниченко А. Ю. 1988. Города-государства Древней Руси. Л., 198 с.

18. Butko, L.V., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Pozharova, L.A., Tonkov, E.E. 2017. Personal Dignity in the European Legal Culture. Journal of History Culture and Art Research, 6 (4): 296–303 p.

19. Jacobs J. 1961. The death and life of great American cities. New York, Vintage Books, 468 c.

20. Makogon B.V., Savel'eva I.V., Lyahkova A.I., Parshina A.A., Emel'anov A.S. 2017. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions. The Turkish Online Journal of Design Art and Communication, 7 (S-APRLSPCL): 328–332.

21. The geopolitics of cities: old challenges, new issues 2016. editor R. Balbim. Brasilia, Institute for Applied Economic Research, 360 p.

References

1. Aktual'nye tendencii razvitija i sovershenstvovanija mestnogo samoupravlenija na sovremennom jetape «Gorod – territorija bezopasnosti». [Current trends in the development and improvement of local self-government at the present stage of the "City-territory of security"]. 2018. Ed. S.V. Rozenko. Hanty-Mansijsk, 292 p.

2. Bjuher K., Majr G., Zimmel' G., Ventig G., Peterman T., Shefer D. 1905. Bol'shie goroda, ih obshhestvennoe, politicheskoe i jekonomicheskoe znachenie. [Big cities, their social, political and economic significance]. S.-Pb., Publ. Prosveshhenie, 204 p.

3. Vagin V.V. Sociologija goroda. [Sociology of the city]. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Va-gin/07.php (data obrashhenija: 16 ijulja 2020).

4. Velihov L.A. 1996. Osnovy gorodskogo hozjajstva. Obshhee uchenie o gorode, ego upravlenii, finansah i metodah hozjajstva. [Fundamentals of urban economy: General teaching about the city, its management, Finance and methods of economy]. In 2 parts. M., Publ. Nauka, 400 p.

5. Gornova G.V. 2015. Filosofija goroda. [The philosophy of the city]. M., Publ. FORUM: INFRA-M, 344 p.

6. Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L. 2016. Gorod kak ob#ekt issledovanija v social'noj psihologii: k istorii voprosa. [The city as an object of research in social psychology: a history of the issue]. Institut psihologii RAN. 1: 196–213.

7. Zagorujko I.Ju., Glavackij V.B. 2010. Opredelenie ponjatija «gorod» kak konceptual'naja osnova razrabotki mehanizmov ustojchivogo razvitija monogorodov. [Definition of the concept of "city" as a conceptual basis for developing mechanisms for sustainable development of single-industry towns]. Strategija razvitija jekonomiki. 5 (72): 29–32.

8. Kuznecov V.N. 2005. Obshhenacional'naja cel': bezopasnost' i blagopoluchie cheloveka kak fundamental'naja problema rossijskih obshhestvennyh nauk. [National goal: human security and well-being as a fundamental problem of Russian social Sciences]. Obshhestvo i pravo. 1 (7): 14–54.

9. Makogon B.V. 2017. Metodologicheski opornaja traktovka juridicheskogo processa. [Methodological reference interpretation of the legal process]. Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 1(80): 32–35.

10. Men'shikova E.P. 2016. Nauki, obsluzhivajushhie slozhnejshuju model' obshhestva – gorod. [The Sciences that serve the most complex model of society-the city]. Izvestija VUZov. Stroitel'stvo. 8: 85–91.

11. Novikova A.E., Anisimov A.P. 2008. Jekologicheskie pravozashhitnye riski: problemy teorii i praktiki. [Environmental human rights risks: problems of theory and practice]. Advokatskaja praktika. 4: 5–7.

12. Rozhkov N.A. 1920. Gorod i derevnja v russkoj istorii. Kratkij ocherk jekonomicheskoj istorii Rossii. [City and village in Russian history. A brief outline of the economic history of Russia]. M., Publ. Gos. izd-vo, 103 p.

13. Semenov-Tjan-Shanskij V.P. 1910. Gorod i derevnja v evropejskoj Rossii: ocherk jekonomicheskoj geografii. [Cities and villages in European Russia: an essay on economic geography]. SPb., Publ. V.F. Kirshbvuma, 212 p.

14. Tabolin V.V. 2019. Pravovaja teorija sovremennogo rossijskogo goroda. [Legal theory of the modern Russian city]. M., Publ. Jurajt, 358 p.

15. Terborn J. 2013. Kak ponjat' goroda: sovremennyj krizis i ideja gorodov bez gosu-darstva. [How to understand cities: the modern crisis and the idea of cities without a state]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 1: 20–40.

16. Ustjugova E.N. 2013. Ot jekologii goroda k jekologii cheloveka. [From city ecology to human ecology]. Vestnik Leningrad-skogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina: 97–107.

17. Frojanov I.Ja., Dvornichenko A. Ju. 1988. Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi. [City-States of Ancient Russia]. L., 198 p.

18. Butko, L.V., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Pozharova, L.A., Tonkov, E.E. 2017. Personal Dignity in the European Legal Culture. Journal of History Culture and Art Research. T. 6. 4: 296–303.

19. Jacobs J. 1961. The death and life of great American cities. New York, Vintage Books, 468.

20.Makogon B.V., Savel'eva I.V., Lyahkova A.I., Parshina A.A., Emel'anov A.S. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions. The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. T. 7. № S-APRLSPCL: 328–332.

21. The geopolitics of cities: old challenges, new issues 2016. editor R. Balbim. Brasilia, Institute for Applied Economic Research, 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грищенко Леонид Леонидович, доктор юридических наук профессор, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях Академии управления МВД России, Москва, Россия

Таболин Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления, Москва, Россия

Корбельникова Юлия Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grischenko L. Leonidovich, doctor of law, Professor, Professor of Department of management bodies of internal Affairs in the special conditions the Academy of management of MVD of Russia, Moscow, Russia

Tabolin V. Viktorovich, doctor of law, Professor, Professor of the Department of public law and legal support of management, State University of management, Moscow, Russia

Yulia L. Korbelnikova, candidate of law, associate Professor, Deputy head of the Department of state and legal disciplines of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

УДК 340.15
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-504-515

Регулирование внешней трудовой миграции в СССР в период проведения новой экономической политики и в Российской Федерации на современном этапе формирования рыночных отношений: историко-правовые параллели

Евтушенко В.И., Бондаренко А.А.
ОГКУ «Государственный архив Белгородской области»,
308600, Россия, г. Белгород, ул. Мокроусова, 14
E-mail: 77712@live.ru, bondarenko_1979@mail.ru

Аннотация. Рассмотрение процесса развития правовой системы государства, вопроса правопреемственности нормативно-правовых актов в схожих сферах правового регулирования позволяют выявить общие закономерности в истории становления Русского государства и его правовой системы. Научные исследования в данной сфере в большей степени носят общетеоретический или философский характер. В связи с этим авторами проведен сравнительный анализ государственно-правового регулирования трудовой миграции в период НЭПа и на современном этапе построения рыночных отношений в Российской Федерации, на основе которого сделан ряд выводов: государственная системы регулирования трудовой иммиграции в РСФСР (СССР) в начале 1920-х годов и в Российской Федерации в 90-е года XX столетия сформировались под воздействием внешних и внутренних факторов; государственное регулирование трудовой миграции в оба периода сочетало в себе принципы централизации, единоначалия и межведомственной коллегиальности; как советским государством в 20-е годы прошлого века, так и Российской Федерацией с 90-х годов XX столетия и по настоящее время предпринимаются усилия для привлечения в страну бывших соотечественников. Данные меры имели для обоих государств не только экономическое, но и политическое значение. Результаты данного исследования представляют интерес для более полного изучения истории государственного строительства и права в России.

Ключевые слова: национальный рынок труда, миграционная политика, трудовой мигрант, иностранная рабочая сила, иностранный специалист, эмиграция, иммиграция, реэмиграция, добровольное переселение соотечественников.

Для цитирования: Евтушенко В.И., Бондаренко А.А. 2020. Регулирование внешней трудовой миграции в СССР в период проведения новой экономической политики и в Российской Федерации на современном этапе формирования рыночных отношений: историко-правовые параллели. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 504–515. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-504-515

Regulation of external labor migration in the USSR during the new economic policy and in the Russian Federation at the present stage of market relations formation: historical and legal parallels

Vladimir I. Evtushenko, Aleksej A. Bondarenko
Department for archives of the Belgorod region, State archive of the Belgorod region,
14 Mokrousova str., Belgorod, Russia, 308600
E-mail: 77712@live.ru, bondarenko_1979@mail.ru

Abstract. The review of the development of the state's legal system and the issue of legal succession in similar areas of legal regulation allow us to reveal General patterns in the history of the formation of the Russian state and its legal system. Scientific research in this area is sparse and is mostly of a General the-

oretical or philosophical nature. At the same time, it is the analysis of succession in specific areas of legal regulation that allows us to identify the General principles of this process. In this regard, the authors conducted a comparative analysis of the state-legal regulation of labor migration during the NEP and at the present stage of the construction of market relations in the Russian Federation, on the basis of which a number of conclusions were made. First, the state systems of regulating labor immigration in the RSFSR (USSR) in the early 1920s and in the Russian Federation in the 90s of the twentieth century were formed under the influence of external and internal factors. Secondly, the state regulation of labor migration in both periods combined the principles of centralization, unity of command and interdepartmental collegiality. Third, both the Soviet state in the 20s of the last century, and the Russian Federation from the 90s of the twentieth century to the present time, are making great efforts to attract their former compatriots to the country. These measures had not only economic, but also great political significance for both States. The research made it possible to identify General patterns of formation of a legal mechanism for regulating labor migration on the territory of the Russian state at different historical stages of its development, but in similar socio-economic conditions. The results of this research in the context of conducting a comprehensive study of historical and legal succession are of interest for a more complete study of the history of state construction and law in Russia.

Keywords: national labor market, migration policy, labor migration, labor migrant, foreign labor force, foreign specialist, emigration, immigration, re-emigration, voluntary relocation of compatriots.

For citation: Evtushenko V.I., Bondarenko A.A. 2020. Regulation of external labor migration in the USSR during the new economic policy and in the Russian Federation at the present stage of market relations formation: historical and legal parallels. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 504–515 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-504-515

Введение

XX век стал для Российского государства периодом многочисленной смены идеологических подходов в проведении экономической политики. Это сказалось на постоянном изменении нормативно-правового механизма регулирования национального рынка трудовых ресурсов, происходящего в условиях социально-политических потрясений.

Процесс формирования рыночных отношений в Российской Федерации, начиная с 90-х годов прошлого века и до настоящего времени, отражает в себе многие черты периода новой экономической политики СССР 20-х годов XX столетия. Проблеме историко-правовой преемственности государственно-правового регулирования, одной из составляющих национального рынка труда, – миграции иностранной рабочей силы и регламентации процедуры её допуска к трудовой деятельности посвящена данная статья.

Регулирование внешней трудовой миграции в СССР в период проведения новой экономической политики

Первая мировая и Гражданская войны нанесли колоссальный урон населению России. Массовая гибель на фронтах войны, революционные события, политические репрессии, террор в отношении мирных граждан, голод и эпидемии – все это привело к безвозвратным потерям наиболее трудоспособной части населения. После окончания Первой мировой войны за пределами России оказалось несколько миллионов российских военнопленных. Последовавшая Гражданская война привела к массовому исходу за рубеж соотечественников, не желавших находиться под властью большевиков.

Оценки людских потерь, сделанные советскими демографами, за указанный период разнятся. По мнению авторов справочника «Население СССР»[1], число только погибших в результате военных действий 1914–1917 гг. составило около 2 млн человек. Всего же за де-

[1] Население СССР. Справочник / под ред. А.Я. Боярского. 1974. М., 191 с.

вять лет (1914–1923 гг.) в результате снижения рождаемости, голода и эпидемий, эмиграции за рубеж население страны в целом сократилось более чем на 23 млн человек. Б.Ц. Урланис полагает, что только за три года (1918–1920 гг.) численность населения России в результате превышения числа умерших над числом родившихся сократилась примерно на 4 %, в абсолютных цифрах – на 10 млн человек [1968]. За этот же период, по оценке Е.З. Волкова, отрицательное сальдо миграции составило порядка 3,5 млн человек [1930].

Одновременно замедлился процесс урбанизации, особенно отмечавшийся в Российской империи в 1897–1913 годах. За время социально-политических потрясений, войны и голода доля городского населения снизилась и в 1920 году составляла 15 % общего населения страны, тогда как в 1913 году в городе проживало 18 % населения. За период 1917–1922 год городское население Советской России сократилось на 25 %, а его предреволюционная численность была восстановлена лишь в 1928 году [Зайончковская, 2000].

Необходимо отметить еще одну особенность, негативно повлиявшую на демографическое развитие России, – неоднократные изменения государственных границ. В результате революции Россия утратила Финляндию, Латвию, Литву, Эстонию, западную часть Белоруссии, Польшу и Бессарабию – огромные территории с населением около 35 млн человек (только в 1939–1940 гг. часть этих территорий была присоединена к СССР).

В условиях колоссальных человеческих потерь молодая советская республика испытывала острую потребность в трудовых ресурсах. В период окончания Гражданской войны Правительство РСФСР начинает построение государственно-правового механизма регулирования привлечения и использования иностранной рабочей силы. Первым серьезным шагом в этом направлении стала централизация вопросов выработки миграционной политики и регулирования миграционных процессов.

В соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 8 июня 1920 года полномочия по государственному регулированию внешней трудовой миграции и координации действий заинтересованных ведомств переданы в ведение отдела учета и распределения рабочей силы Народного комиссариата труда РСФСР. На заседании СНК РСФСР 29 июня 1920 года было принято решение об учреждении в составе наркомата труда постоянной комиссии для анализа и обобщения сведений по линии заинтересованных ведомств по вопросу переселения в РСФСР иностранных рабочих и техников и предоставлении им работы [Галлас, 2011].

Усилия государства по восстановлению народного хозяйства и обеспечению экономического роста были направлены, в том числе, на возвращение в Советскую Россию соотечественников различных категорий, покинувших страну в неспокойные годы. По оценкам ряда исследователей, масштабы эмиграции из России после октября 1917 г. составили около 2 млн человек [Моисеенко, 2016]. Но, например, Ипполитов С.С. считает эти данные завышенными, так как при учете беженцев имели место сознательные приписки со стороны общественных организаций, стремившихся преувеличить масштабы своей помощи эмигрантам. Кроме того, завышение численности российских эмигрантов было выгодно и советским властям для использования в пропагандистских целях – наличие многомиллионной оппозиции за рубежами страны. Историк оценивает реальное количество эмигрировавших из России в пределах 1 млн человек. Он приводит данные о социальном составе эмигрантов (по данным середины 1921 г.):

– земледельцы и другие лица, имеющие отношение к сельскому хозяйству – 17,4 %;
– офицеры – 12,2 %;
– учащиеся – 9 %;
– техники – 8 %;
– чернорабочие – 4,2 %;
– канцелярские служащие – 4 %;
– учителя – 4 %;
– чиновники – 3 %;
– представители других профессиональных групп – 38,2 % [2004].

По данным официальной статистики Лиги Наций, в 1922 году общее число официально зарегистрированных эмигрантов из России в странах Европы и Азии определялось в 915 тыс. человек. Наиболее многочисленные диаспоры выходцев из России сложились во Франции (400 тыс.), Германии (200 тыс.), Румынии (80 тыс.), Польше (70 тыс.), Китае (60 тыс.), Болгарии (33 тыс.), Латвии (15 тыс.), Эстонии (15 тыс.), Финляндии (13 тыс.), Бельгии (10 тыс.).

Период 1918–1922 гг. стал наиболее драматичным в истории отечественной эмиграции с точки зрения потерь человеческого капитала. В числе резюмирующих характеристик этого этапа российской эмиграции исследователи выделяют следующие:

– масштабность эмиграционного движения за короткий период времени;

– сегрегация российских эмигрантов, их замыкание на внутренней среде с воспроизводством в ней отечественных общественных и культурных институтов;

– поляризация мигрантов и деградация значительной их части [Полян, 2001].

Благодаря принятым мерам советского правительства часть эмигрантов удалось вернуть на Родину. В частности, Постановлением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 3 ноября 1921 года № 74 были амнистированы бывшие военные, принимавшие участие в качестве рядовых солдат в боевых действиях против Красной Армии и находившиеся на территориях Польши, Румынии, Эстонии, Литвы и Латвии (при условии доказанного принуждения или обманного привлечения к службе)[1]. Военнопленные и интернированные получили право зарегистрироваться в советских представительствах за рубежом и затем возвратиться в РСФСР[2]. Общее число соотечественников, возвратившихся в СССР, по оценкам советских историков, составило в 1921 году 123 843 человека, а за период 1921–1931 гг. – 181 432 человека [Алехин, 1934].

Постановлением Наркомата труда РСФСР от 4 декабря 1920 года «О порядке направления на работу эмигрантов, возвращающихся в СССР, и об отпусках для них» закреплен ряд мер по социальной и трудовой адаптации данной категории граждан[3]. Реэмигрантам были предоставлены преференции в форме отсрочки призыва в армию и гарантированного трудоустройства. 15 апреля 1921 г. было принято «Положение СНК о центральных эмигрантских домах в гг. Москве, Петрограде и Харькове», осуществлявших мероприятия по приему и социально-бытовой адаптации трудовых мигрантов[4].

1921 год ознаменовал собой окончание эпохи «военного коммунизма» и переход в соответствии с решением X съезда РКП (б) к новой экономической политике (НЭП). НЭП предполагала определенную свободу экономических действий предприятий и частных лиц, возможность создания новых рабочих мест, создание совместных с иностранными предпринимателями и предприятиями концессий. Соответственно, это потребовало и сообразную корректировку в области государственно-правового регулирования труда и занятости населения.

С введением НЭПа возрастает открытость страны, расширяются дипломатические, экономические и культурные связи РСФСР (СССР) с другими государствами. Это накладывает отпечаток и на иммиграционную политику, ее ограничительно-запретительный характер. Привлечение в Советскую Россию иностранных специалистов стало одним из необходимых условий экономического развития страны. Одним из направлений иммиграционной политики СССР в период НЭПа стало регулирование промышленной и сельско-

[1] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1921. № 74. Ст. 611.

[2] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1923. № 64. Ст. 623.

[3] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 168. ЛЛ. 209-210.

[4] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 142. Л. 3.

хозяйственной иммиграции. Нормативно-правовые акты начала 1920-х годов свидетельствуют, как постепенно изменялись подходы к данному вопросу.

Так как концессионная политика государства предполагала привлечение определенного числа зарубежных специалистов, 22 июня 1921 г. Совет Труда и Обороны РСФСР принял постановление «Об американской промышленной эмиграции». Постановлением было признано желательным «…развитие отдельных промышленных предприятий или групп предприятий путем сдачи их группам американских рабочих и индустриально развитым крестьянам на договорных условиях, обеспечивающих им определенную степень хозяйственной автономии»[1]. Высшему совету народного хозяйства Республики было поручено установить контакты с американскими обществами технической помощи Советской России с целью организации производственных групп иммигрантов, а также определения материалов, орудий производства и продовольствия, предназначенных для доставки в РСФСР для заранее намеченных предприятий. Оговаривалось также участие американских специалистов в восстановлении ряда промышленных предприятий на Урале.

С 1921 по 1927 г. советским правительством было заключено 172 концессионных договора, регулировавших, в том числе, экономическую деятельность совместных концессий и полностью иностранных производственных коллективов. При этом количество иностранных специалистов в СССР в 20-е годы XX столетия не было чрезмерно большим. По официальным сведениям, по состоянию на 1 октября 1927 г. на предприятиях и в добывающей промышленности СССР было задействовано 197 иностранных специалистов. В 1928 г. к работе в промышленности советского государства был привлечен 301 иностранный специалист [Ермушин, Беляев, 2016].

Более широкому привлечению иностранных специалистов для работы на промышленных предприятиях СССР, несмотря на очевидные плюсы данного процесса, препятствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, это требовало больших затрат. Так, например, по сравнению с отечественными мастерами оклад приглашенного зарубежного специалиста, как правило, был в несколько раз больше. Кроме того, иностранным специалистам в обязательном порядке для проживания предоставлялась квартира с не менее чем двумя-тремя комнатами или отдельный дом.

Вторым фактором, сдерживающим проведение политики массового привлечения иностранной рабочей силы в советское государство, было стремление не допустить влияние иммиграции на рост безработицы в городах. Соответственно, для работы на территории советского государства приглашались только те иностранные специалисты, «относительно которых имелась полная гарантия того, что они найдут необходимый заработок на территории Республики»[2], и таким образом находил реализацию механизм юридической ответственности [Makogon et al., 2017]. В связи с образованием СССР видоизменялись и государственные органы регулирования миграционными потоками. Сначала это была Комиссия об урегулировании промышленной реэмиграции из Америки, затем, с созданием СССР, она была преобразована в Комиссию СТО СССР по промышленной иммиграции[3].

В связи с тем, что не только промышленность, но и сельское хозяйство испытывало потребность в привлечении иностранных специалистов, была сформирована Постоянная комиссия Совета Труда и Обороны по трудовой сельскохозяйственной и промышленной

[1] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 224. Л.119.

[2] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 37. Ст. 440.

[3] ГАРФ. Ф. Р-364, 8 оп., 147 ед. хр., крайние даты: 1921–1930.

иммиграции и эмиграции (КОМСТО)[1], в которую вошли как представители союзного правительства, так и представители союзных республик.

В компетенцию комиссии, помимо приглашения и трудоустройства иностранных специалистов, входили такие вопросы, как документирование их временными свидетельствами на право проживания, регистрация временных трудовых мигрантов, учета и т. д.

Советским правительством были установлены льготы и преференции для трудовых мигрантов. Постановлением ЦИК СНК СССР от 31 марта 1925 года трудовые сельскохозяйственные и промышленные иммигранты и реэмигранты были освобождены от уплаты таможенных пошлин, таможенных сборов и акцизов на ввозимое личное имущество и инвентарь. Им были предоставлены льготы по уплате единого сельхозналога и отбыванию обязательной военной службы[2]. Кроме того, трудящимся иностранцам на одинаковых основаниях с гражданами СССР было предоставлено право на трудовое пользование землей для ведения сельского хозяйства[3]. Было обращено внимание и на привлечении трудовых мигрантов для освоения целинных земель на территорию Казахской АССР. Иностранцы, ведущие земледельческое или скотоводческое хозяйство на территории Казахской АССР, были освобождены от уплаты единого сельхозналога сроком на 5 лет[4].

Материалы Комиссии свидетельствуют о быстром росте сельскохозяйственной иммиграции в СССР. В частности, Комиссией было согласовано переселение 21 группы сельскохозяйственных иммигрантов общей численностью 2 689 человек, прибывших преимущественно из США, Канады, Германии, Чехословакии и Швейцарии. Следует отметить высокую оснащенность принятых иммигрантов сельскохозяйственными орудиями и инвентарем (на сумму 2 249 тыс. рублей) и предметами домашнего обихода (на сумму 1 665 тыс. рублей). Иммигранты, образовавшие коммуны, были расселены на территории Тамбовской, Ульяновской, Московской губерний, на Северном Кавказе, Украине [Моисеенко, 2017].

В то же время советское государство продолжало следовать принципу «выборочной» иммиграции, и в СССР приезжало значительно меньше иностранных специалистов, чем было желающих. Одним из основных сдерживающих факторов был опережающий рост безработицы среди местного населения [Богданов, Кучеренко, 2014]. Например, мониторинг рынка труда в течение 1922 года в 52 наиболее крупных губернских городах показал рост безработицы со 160 тыс. до 641 тыс. человек [Ледяев, 1927].

Уже через несколько лет правительством был взят курс на децентрализацию системы управления внешней трудовой миграцией. Постановлением СНК СССР от 21 января 1927 года КОМСТО была ликвидирована[5]. Функции комиссии были распределены между следующими ведомствами:

---

[1] Постановление СНК СССР «О постоянной Комиссии Совета Труда и Обороны по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции» от 17.02.1925. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1925. Отд. 1. № 16. Отд. № 1. № 16. Ст. 119.

[2] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 31.03.1925 «О льготах трудовым сельскохозяйственным и промышленным иммигрантам и реэмигрантам». Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1925. Отд. 1. № 23. Ст. 152.

[3] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 26.06.1925 «О предоставлении права на трудовое землепользование иностранцам». Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1925. № 23. Ст. 303.

[4] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 08.01.1926 «Об освобождении реэмигрантов, возвращающихся на территорию Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, от единого сельскохозяйственного налога в течение 5 лет со времени водворения их на территории названной республики». Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1926, отд. 1. № 4. Ст. 23.

[5] Постановление СНК СССР от 21.01.1927 «О ликвидации постоянной комиссии Совета Труда и Обороны по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции».

– ВСНХ СССР (Высшим советом народного хозяйства СССР), устанавливающем перечни специальностей и квалификаций для приоритетного привлечения из-за границы для работы в советской промышленности;

– Наркоматом путей сообщения, обеспечивающим контроль за соблюдением установленного порядка перевозки мигрантов, а также соблюдением в отношении их проездных тарифов;

– Народными комиссариатами земледелия союзных республик, осуществляющими согласование вопросов о приглашении сельскохозяйственных иммигрантов, а также разработку по соглашению с Наркоматом по иностранным делам правил о сельскохозяйственной иммиграции.

Одновременно СНК СССР еще больше ужесточил требования к трудовым мигрантам, приняв 15 февраля 1927 г. постановление «О привлечении специалистов из заграницы»[1]. В постановлении констатировалось, что «…в деле привлечения и использования иностранных работников специалистов наблюдались случаи неудовлетворительного подбора, а также неправильного и неполного использования приглашаемых работников». С учетом все большей ориентации на местный рынок труда, использование безработных граждан и, в первую очередь, отечественных специалистов, в том числе, путем создания системы их подготовки, было разрешено приглашать из-за рубежа исключительно высококвалифицированных специалистов для постановки новых видов производства либо усовершенствования имеющихся производств. ВСНХ СССР было поручено разработать примерный перечень квалификационных требований, которым должны удовлетворять иностранные специалисты.

Принятые законы означали постепенные изменения в миграционной политике СССР. Сворачивание НЭПа и взятый курс на индустриализацию, задача которой состояла в обеспечении формирования отраслей промышленности преимущественно над сельским хозяйством, требовал иных подходов – привлечения высококвалифицированных инженеров, имеющих достаточный опыт и знания европейской техники, а также подготовку отечественных кадров за рубежом, в первую очередь, для электроэнергетики и тяжелой промышленности. В годы первой пятилетки иностранные специалисты оказали существенную помощь в строительстве, наладке и запуске новых видов производств на отечественных заводах-гигантах, а также в обучении персонала работе на дорогом оборудовании.

Регулирование внешней трудовой миграции в Российской Федерации в период формирования рыночных отношений

В первую очередь положение в стране в то время определяли такие политические и социальные факторы, как распад Советского Союза и отделение бывших союзных республик, ставших независимыми государствами, а также резкое углубление и обострение на территории бывшего СССР национальных и, как следствие, социальных и экономических конфликтов.

Следствием данных процессов перестроения всей системы правовых ограничений [Makogon et al., 2019] стало резкое возрастание миграционной активности населения на всем постсоветском пространстве. Этому в немалой степени способствовали прозрачность государственных границ Российской Федерации и полное отсутствие системы иммиграционного контроля. Данный правовой институт, отсутствующий за ненадобностью в силу наличия «железного занавеса» в СССР, пришлось заново выстраивать в новом Российском государстве.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1927. № 10. Ст. 95.

[1] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 3. Д. 73. Л. 2-3.

По оценкам Федеральной миграционной службы, спешно созданной в Российской Федерации в 1992 году, «…за период 1989–1995 годы в общей сложности более 3,7 млн русскоязычных граждан вернулись в Россию из стран «ближнего зарубежья» [Тюркин, 2009, с. 21]. Лишь во второй половине 1990-х годов количество иммигрантов из стран бывшего СССР начало сокращаться. В 2000 году число прибывших иммигрантов сократилось до 350 тыс. человек, что в 3 раза меньше, чем в 1994 году, когда показатель иммиграции достиг своего максимума. Это явилось следствием улучшения ситуации в ряде постсоветских стран и резкого ужесточения порядка приема иностранных граждан в гражданство Российской Федерации для минимизации открывшихся к этому времени правозащитных рисков [Kornyushkina et al., 2017]. Тем не менее, по относительным показателям иммиграции Россия заняла 2-е место в мире в списке стран – крупнейших миграционных реципиентов, приняв за период с 1989 по 2002 год 54 иммигранта на 10 тыс. жителей (впереди оказалась только Германия – 142 иммигранта).

Приток иммигрантов в Российскую Федерацию в те годы играл исключительно важную роль в компенсировании демографической убыли населения. В частности, в 1995–1999 годах миграционный прирост компенсировал сокращение численности населения России на 45 %.

Проблема эмиграции, вызванная осложнением социально-экономической и криминогенной ситуации, а также резким упрощением порядка выезда из Российской Федерации, была характерна для нашей страны и в 1990-е годы. В 1988–1991 годах ее объемы составили 1,1 млн человек.

К началу XXI века в Российской Федерации с особой остротой обозначилась демографическая проблема, вызванная превышением смертности над рождаемостью, а также эмиграцией населения. Неблагополучная демографическая ситуация стала серьезным препятствием для экономического развития и страны в целом, что обусловило необходимость привлечения в проблемные регионы на постоянное место жительства соотечественников, ранее проживавших на территории бывшего СССР, воспитанных в традициях российской культуры, владеющих русским языком, в наибольшей степени способных к адаптации в российских условиях.

Важнейшим политическим актом в данном направлении стало утверждение Президентом Российской Федерации своим Указом Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом[1].

В развитии Государственной программы субъектами, принимающими в ней участие, разрабатываются и утверждаются собственные программы переселения, которые содержат детальное описание возможностей региона по обустройству соотечественников, обеспечению их жильем, земельными участками, трудоустройству на имеющиеся вакансии. Всем участникам Государственной программы компенсируются транспортные расходы за переезд к будущему месту проживания в России, а также «подъемные» для обустройства на новом месте[2].

За период с 2007 по 2009 гг. – первые три года реализации Государственной программы – на территорию Российской Федерации прибыло порядка 17 тысяч соотечественников и членов их семей.

[1] Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.

[2] Постановление Правительства РФ от 15.01.2007 № 7 «О порядке выплаты единовременного пособия на обустройство участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей». СЗ РФ. 2007. № 3. Ст. 454.

Селективная миграционная политика, направленная на ограничение притока рабочей силы низкой квалификации и привлечение специалистов высокой квалификации, нашла свое отражение и в законодательстве Российской Федерации. Ежегодно нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации устанавливаются ежегодные квоты на выдачу приглашений на въезд в Российскую Федерацию и разрешений на работу иностранным гражданам. Эти меры государственного регулирования направлены на поддержание оптимального баланса трудовых ресурсов и содействие трудоустройству в приоритетном порядке граждан Российской Федерации.

Заключение

Сравнительный анализ государственно-правового регулирования трудовой миграции в период НЭПа и на современном этапе построения рыночных отношений в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, государственная система регулирования трудовой иммиграции в РСФСР (СССР) в начале 1920-х годов сформировалась под воздействием внешних и внутренних факторов (революция, Гражданская война, политика «военного коммунизма», НЭП) и диктовалась интересами обеспечения национальной безопасности, возрождения народного хозяйства и дальнейшего социально-экономического развития страны. Вопросы миграции заняли важное место в политике советского государства. Именно во второй половине 20-е годов XX столетия была сформирована политика закрытости страны для массовой иммиграции и эмиграции. Введение новой экономической политики и зарождение новых форм международного сотрудничества привели к корректировке миграционной политики. Международная миграция, несмотря на сократившиеся по сравнению с дореволюционным периодом масштабы, рассматривалась как инструмент, влияющий на политическую и экономическую стабильность.

В свою очередь, миграционная политика Российской Федерации также была обусловлена глобальными политическими и социальными изменениями, в числе которых распад Советского Союза на отдельные самостоятельные государства, военные и национальные конфликты в бывших советских республиках, обусловившие непрерывные потоки беженцев, падение уровня жизни населения и начало проведения экономических реформ.

Во-вторых, государственное регулирование трудовой миграции сочетало в себе принципы централизации, единоначалия и межведомственной коллегиальности. Вопросы трудовой миграции находились в зоне постоянного внимания профильных ведомств (наркоматов труда, иностранных и внутренних дел). Нормативными правовыми актами СНК РСФСР (СССР), Совета Труда и Обороны, ВСНХ СССР регулировались вопросы привлечения в СССР иностранных граждан на промышленные и сельскохозяйственные объекты. Система государственного регулирования иммиграции позволила привлечь квалифицированных специалистов из стран Северной Америки и Европы. Схожие принципы управления миграцией прослеживаются и в Российской Федерации, где в июне 1992 года была образована Федеральная миграционная служба, а отдельные вопросы, связанные с привлечением иностранной рабочей силы, регулировались отраслевыми министерствами и ведомствами, курирующими вопросы труда и занятости населения, здравоохранения, образования, налогов и сборов.

В-третьих, как советским государством в 20-е годы XX столетия, так и Российской Федерацией в 90-е и по настоящее время предпринимаются большие усилия для привлечения в страну своих бывших соотечественников. Данные меры имели для обоих государств не только экономическое, но и большое политическое значение. Для советского

государства это было связанно, в первую очередь, с провозглашенной амнистией бывших военных, принимавших участие в боевых действиях против Красной Армии. Помилование для данной категории эмигрантов при их возвращении подкреплялось мерами социальной и трудовой адаптации мигрантов.

Принятая в России Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в определенной степени помогает государству компенсировать постоянную убыль населения, вызванную превышением смертности над рождаемостью за счет приезжающих на постоянное место жительства соотечественников. Данная категория мигрантов, ранее проживавших на территории бывшего СССР, воспитанных в традициях российской культуры, владеющих русским языком, в наибольшей степени способны к адаптации в российских условиях. Обычно возвращающиеся соотечественники переезжают в Российскую Федерацию семьями, мигранты трудоспособного возраста, как правило, имеют высшее образование или востребованные рабочие профессии. Возвращение данной категории мигрантов имеет большое значение для повышения престижа Российского государства за рубежом, в первую очередь, в странах ближнего зарубежья.

В-четвертых, в условиях сворачивания НЭПа провозглашенная «открытость» СССР для некоторых категорий иностранцев сменилась жестким регулированием их притока. В условиях индустриализации происходило свертывание сельскохозяйственной иммиграции, носившей массовый характер. Одновременно определилась позиция государства в отношении иммиграции иностранных специалистов и выезда в развитые страны отечественных кадров для повышения их квалификации. Законодательство Российской Федерации также эволюционировало от достаточно полной открытости национального рынка труда в 90-е годы XX века к жестким ограничительным мерам, принятым в начале XXI столетия и направленным на квотирование количества приглашений на въезд и разрешений на работу трудовым мигрантам, а также предоставление правовых преференций для осуществления трудовой деятельности высококвалифицированным иностранным специалистам.

Проведенное исследование позволило выявить общие закономерности формирования миграционной политики государства в сфере трудовой миграции и создания правового механизма регулирования трудовой миграции на его территории на разных исторических этапах его развития, но в схожих социально-экономических условиях. Результаты данного исследования как в рамках данной статьи, так и в ряду проведения комплексного изучения историко-правовой правопреемственности представляют интерес для более полного изучения истории государственного строительства и права в России.

Список литературы

1. Богданов С.В., Кучеренко М.И. 2014. Причины деформации рынка труда в Советской России периода НЭПА. Научные ведомости Белгородского государственного университета, 1: 142–149.

2. Волков Е.З. 1930. Динамика населения за 80 лет. М., 271 с.

3. Галлас М.Л. 2011. Государственный механизм регулирования трудовой иммиграции и реэмиграции в СССР в 1920-е гг. Власть, 3: 139–146.

4. Ермушин М.В., Беляев Г.В. 2016. Советская политика по оплате труда иностранных инженеров в 20-е гг. XX века. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 1: 39–41.

5. Зайончковская Ж.А. 2000. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы. Проблемы прогнозирования, 4: 3–6.

6. Ипполитов С.С. 2004. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 367 с.

7. Ледяев Д. 1927. Безработица в СССР и борьба с ней (1917–1927 гг.). Вопросы труда. 10: 109 с.

8. Моисеенко В.М. 2017. Международная миграция в России (СССР) в конце XIX – первой трети XX. Часть третья: Международная миграция в СССР в 1923–1930 гг. Демографическое обозрение. 2(4): 122–123.

9. Моисеенко В.М. 2016. Эмиграция и иммиграция в РСФСР (СССР) в 1920-е гг. Миграция и социально-экономическое развитие. Т. 1. 1: 63–78.

10. Полян П.М. 2001. Не по своей воле. История и география принудительных миграций. М.: ОГИ. 326 с.

11. Тюркин М.Л. 2009. Миграционная политика Российской Федерации. Опыт и перспективы развития. М., 366 с.

12. Урланис Б.Ц. 1968. Динамика населения СССР за 50 лет. Население и народное благосостояние. М.

13. Kornyushkina A.Y., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Doronina O.N., Zajcev S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication. Vol. 7, № S-APRLSPCL: 352–356.

14. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. 2019. Logical classification of legal procedural restrictions. Revista Inclusiones. Vol. 6. 2-5: 395–401.

15. Makogon B.V., Savel'eva I.V., Lyahkova A.I., Parshina A.A., Emel'anov A.S. 2017. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions. The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. Vol. 7. № S-APRLSPCL: 328–332.

References

1. Bogdanov S.V., Kucherenko M.I. 2014. Prichiny deformacii rynka truda v Sovetskoj Rossii perioda NEPA [Causes of labor market deformation in Soviet Russia during the NEP period]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Bulletin of the Belgorod state University], 1: 142–149.

2. Volkov E.Z. 1930. Dinamika naseleniya za 80 let [Population dynamics over 80 years]. M., 271 c.

3. Gallas M.L. 2011. Gosudarstvennyj mekhanizm regulirovaniya trudovoj immigracii i reemigracii v SSSR v 1920–e gg. [State mechanism for regulating labor immigration and re–emigration in the USSR in the 1920s.]. Vlast' [Power], 3: 139–146.

4. Ermushin M.V., Belyaev G.V. 2016. Sovetskaya politika po oplate truda inostrannyh inzhenerov v 20–e gg. XX veka [Soviet policy on remuneration of foreign engineers in the 20s of the XX century]. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova [Bulletin of the KSU named after N. A. Nekrasov], 1: 39–41.

5. Zajonchkovskaya ZH.A. 2000. Migraciya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: evolyuciya skvoz' kataklizmy [Migration of the population of the USSR and Russia in the XX century: evolution through cataclysms]. Problemy prognozirovaniya [Problems of forecasting], 4: 3–6.

6. Ippolitov S.S. 2004. Rossijskaya emigraciya i Evropa: nesostoyavshijsya al'yans [Russian emigration and Europe: the failed Alliance], M., 367 p.

7. Ledyaev D. 1927. Bezrabotica v SSSR i bor'ba s nej (1917–1927 gg.) [Unemployment in the USSR and the fight against it (1917–1927)]. Voprosy truda [labor], 10: 109 p.

8. Moiseenko V.M. 2017. Mezhdunarodnaya migraciya v Rossii (SSSR) v konce XIX – pervoj treti XX. CHast' tret'ya: Mezhdunarodnaya migraciya v SSSR v 1923–1930 gg. [International migration in Russia (USSR) at the end of the XIX – first third of the XX. Part three: international migration in the USSR between 1923 and 1930]. Demograficheskoe obozrenie [Demographic review], 2(4): 122–123.

9. Moiseenko V.M. 2016. Emigraciya i immigraciya v RSFSR (SSSR) v 1920-e gg. [Emigration and immigration in the RSFSR (USSR) in the 1920s.]. Migraciya i social'no–ekonomicheskoe razvitie [Migration and socio–economic development]. Vol. 1. 1: 63–78.

10. Polyan P.M. 2001. Ne po svoej vole. Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij [Not by choice. History and geography of forced migrations]. M.: OGI. 326 p.

11. Tyurkin M.L. 2009. Migracionnaya politika Rossijskoj Federacii. Opyt i perspektivy razvitiya [Migration policy of the Russian Federation. Experience and prospects of development]. M., 366 p.

12. Urlanis B.C. 1968. Dinamika naseleniya SSSR za 50 let. Naselenie i narodnoe blagosostoyanie [Dynamics of the population of the USSR for 50 years. Population and national welfare]. M.

13. Kornyushkina A.Y., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Doronina O.N., Zajcev S.Y. 2017.Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post–soviet states. Turkish online journal of design art and communication. Vol. 7, S-APRLSPCL: 352–356.

14. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. 2019. Logical classification of legal procedural restrictions. Revista Inclusiones. Vol. 6. 2-5: 395–401.

15. Makogon B.V., Savel'eva I.V., Lyahkova A.I., Parshina A.A., Emel'anov A.S. 2017. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions. The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. Vol. 7. S–APRLSPCL: 328–332.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евтушенко Владимир Иванович, кандидат юридических наук, заместитель начальника управления ОГКУ «Государственный архив Белгородской области», Белгород, Россия

Бондаренко Алексей Александрович, директор ОГКУ «Государственный архив Белгородской области», Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir I. Yevtushenko, candidate of law, Deputy head of the Department of the state archive of the Belgorod region, Belgorod, Russia

Aleksej A. Bondarenko, Director of the state archive of the Belgorod region, Belgorod, Russia

УДК 343.13:98
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-516-526

Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовном процессе России и Германии

[1)]Лукичев Б.А., [2)]Алексеев С.Г.
[1)]Урало-Сибирская коллегия адвокатов,
Россия, 620026, Екатеринбург, ул. Тверитина, 34/9
E-mail: lukichev_b@mail.ru
[2)]Уральский научно-исследовательский институт
Всероссийского добровольного пожарного общества,
Россия, 620137, Екатеринбург, ул. Учителей, 32, офис 407
E-mail: 3608113@mail.ru

Аннотация. Современный тип немецкого уголовного процесса является наиболее ярким представителем романо-германской правовой системы и поэтому служит объектом сравнения с уголовным судопроизводством других стран. Вместе с тем вопросы применения сведущими лицами специальных знаний в уголовном процессе России и Германии изучены недостаточно. В связи с этим авторы провели сравнительно-правовой анализ норм уголовно-процессуального законодательства России и Германии, регламентирующих производство судебной экспертизы. В результате выявлены общие и отличительные свойства, степень сходства и различия юридических терминов, используемых в отношении указанных лиц в нормативно-правовых актах сопоставляемых правовых систем. Ключевой фигурой в уголовном процессе Германии является суд, который несет бремя доказывания, совмещая функции обвинения и разрешения дела по существу. Сведущие лица в качестве самостоятельных участников уголовного судопроизводства не рассматриваются, поскольку являются «средствами судебного доказывания». Результаты исследования позволяют по-новому взглянуть на отечественный институт сведущих лиц, а также расширить представление о применении специальных знаний в уголовном процессе Федеративной Республики Германия и государств, следующих в «кильватере» немецкого Strafprozess.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, специалист, эксперт, прокуратура, суд.

Для цитирования: Лукичев Б.А., Алексеев С. Г. 2020. Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовном процессе России и Германии. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 516–526. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-516-526

Comparative legal analysis of regulations governing the production of forensic examination and procedural status of expert witnesses in the criminal process in Russia and Germany

[1)]Boris A. Lukichev, [2)]Sergey G. Alexeev
[1)]Ural-Siberian Bar Association,
34/9 Tveritina St, Yekaterinburg, 620026, Russia
E-mail: lukichev_b@mail.ru
[2)]Ural Research Institute of the All-Russian Voluntary Fire Society,
32-407 Uchiteley St, Yekaterinburg, 620002, Russia
E-mail: 3608113@mail.ru

Abstract. The modern type of German criminal procedure is the most prominent representative of the Romano-Germanic legal system and therefore serves as an object of comparison with the criminal procedure of other countries. At the same time, the issues of the use of special knowledge by

knowledgeable persons in the criminal proceedings of Russia and Germany have not been sufficiently studied. In this regard, the authors conducted a comparative legal analysis of the norms of the criminal procedural legislation of Russia and Germany, regulating the production of forensic examination. As a result of this study, the general and distinctive properties, the degree of similarity and differences in legal terms used in relation to these persons in the regulatory legal acts of the compared legal systems were revealed. The key figure in German criminal proceedings is the court, which bears the burden of proof, combining the functions of the prosecution and the resolution of the case on the merits. Knowledgeable persons as independent participants in criminal proceedings are not considered, since they are "means of judicial evidence". The German legislator, unlike the Russian one, does not seek to specify the procedural status of competent persons in criminal proceedings at the level of the CPC of Germany, does not detail the procedure for the appointment and production of a forensic examination, as well as the timelines for its production and the requirements that determine the mandatory nature of its appointment. The results of the study allow us to take a fresh look at the domestic institution of knowledgeable persons, as well as expand the understanding of the application of special knowledge in the criminal process of the Federal Republic of Germany and the states following in the "wake" of the German Strafprozess.

Keywords: criminal proceedings, expert witness, prosecutor's office, court.

For citation: Lukichev B.A., Alexeev S.G. 2020. Comparative legal analysis of regulations governing the production of forensic examination and procedural status of expert witnesses in the criminal process in Russia and Germany. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 516–526 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-516-526

Введение

Современный тип немецкого уголовного процесса является наиболее ярким представителем романо-германской правовой системы. К странам, уголовное судопроизводство которых исторически аналогично немецкому, традиционно относят Австрийскую и Венгерскую республики, Норвегию и Швейцарскую Конфедерацию, поэтому нередко он служит объектом сравнения с уголовным процессом других стран. Отсюда и несомненный интерес к современному немецкому уголовному процессу, который проявляется как в нашей стране, так и за рубежом [Филимонов, 1994; Калиновский, 2000; Смирнов, 2001; Гришай, 2003; Ларичев, 2004; Стойко 2006; Трефилов, 2011; Головенков и др., 2012; Виноградов, 2014; Брестер и др., 2015; Германо-Российская ассоциация …, 2015, 2017; Потёмкин, 2015; Коновалов, 2017, 2018; Луцик и др., 2018; Шевцова, 2018; Bošković et al, 2018; Kirchhofer, 2017].

Вопрос о применении сведущими лицами специальных знаний в уголовном процессе России и Германии в той или иной мере уже рассматривался российскими исследователями [Глотов, 1978; Бутов, 2009; Латыпов, 2015; Иванова, 2017; Кащенко, 2019; и др.], но, тем не менее, целостного восприятия по данной проблематике пока не наблюдается. Именно поэтому нам представляется возможным предложить свое видение этого вопроса.

Нормативные акты, регламентирующие производство судебной экспертизы в уголовном процессе России и Германии

Порядок назначения и производства судебной экспертизы, а также процессуальный статус сведущих лиц в уголовном процессе Российской Федерации и Федеративной Республики Германия регламентируется в уголовно-процессуальных кодексах указанных стран. В России производство судебной экспертизы регламентируется также и другими нормативными актами. Например, Федеральным законом РФ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», ведомственными инструкциями.

В Германии производство судебной экспертизы регламентируется УПК ФРГ [Филимонов, 1994; Трефилов, 2011; Головенков и др., 2012], специальными служебно-правовыми предписаниями (абз. 2 § 76) и региональными нормативно-правовыми актами (Bundesministerin der Justiz und für Verbraucherschutz).

Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ (далее – УПК ФРГ) является основным законодательным актом, регламентирующим немецкий уголовный процесс. Он был принят 1 февраля 1877 года и с тех пор претерпел множество изменений. В настоящее время УПК ФРГ действует в редакции от 7 апреля 1987 года, с дополнениями, внесенными Законами ФРГ 11 марта 2008 года [Головенков и др., 2012] и 17 августа 2017 года[1]. Кодекс содержит 8 частей (названных в законе книгами), 37 разделов и порядка 637 параграфов.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) принят Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации 22 ноября 2001 года. Структура Кодекса состоит из 6 частей, 19 разделов, 59 глав и 548 статей. К настоящему времени в УПК РФ внесено изменений и дополнений порядка 280 раз, что также свидетельствует об активном совершенствовании уголовно-процессуального законодательства России.

Сведущие лица в уголовном процессе России и Германии

В качестве сведущих лиц, т.е. лиц, обладающих специальными знаниями, УПК РФ определяет эксперта и специалиста, тогда как УПК ФРГ – эксперта (Sachverständigen) и сведущего свидетеля (Sachverständige Zeugen).

Российское уголовно-процессуальное законодательство относит эксперта и специалиста к лицам, принимающим участие в уголовном процессе, и классифицирует их в качестве «иных участников уголовного судопроизводства» (гл. 8), т.е. лиц, выполняющих функцию содействия правосудию. По УПК ФРГ эксперты и свидетели в качестве самостоятельных участников уголовного судопроизводства не рассматриваются, поскольку, согласно теории немецкого уголовного процесса, являются «средствами судебного доказывания» [Луцик и др., 2018, с. 110]. Суд, в соответствии с требованиями УПК ФРГ, обязан устанавливать истину, исследуя все обстоятельства дела, независимо от представленных доказательств и заявленных ходатайств участников процесса (§ 33, 33a, абз. 2 § 244, абз. 2 § 245). Исходя из этого, отдельные российские процессуалисты относят современный уголовный процесс Германии к «национальному» либо «смешанному» типу, так как с точки зрения «идеальной» типологии немецкий уголовный процесс не является в чистом виде розыскным или состязательным [Латыпов, 2015, с. 23; Калиновский, 2000, с. 3].

Согласно УПК РФ, специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями. Он привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58, ч. 1 ст. 144). Права и обязанности специалиста закреплены в ч. 3 и 4 ст. 58 УПК РФ.

В УПК ФРГ понятия «специалист» нет, но существует категория лиц, которые именуются как Sachverständige Zeugen – сведущий свидетель. Этой процессуальной фигуре в УПК ФРГ посвящен только один параграф, согласно которому сведущий свидетель –

[1] Gesetz zur effektiveren und praxistauglicheren Ausgestaltung des Strafverfahrens. 2017. Das Bundesgesetzblatt im Internet. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl117s3202.pdf#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s3202.pdf%27%5D__1564111075756 (дата обращения: 02.03.2020); Strafprozeßordnung. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html (дата обращения: 02.03.2020).

это лицо, обладающее специальными познаниями. Он допускается в процесс для дачи показаний и может быть допрошен по правилам, установленным для допроса свидетелей (§ 85), что, собственно, и относит его к категории свидетеля.

Процессуальное положение сведущего свидетеля регламентируется разд. 6 части 1 УПК ФРГ, устанавливающей права и обязанности свидетеля в уголовном процессе. В силу своих профессиональных знаний сведущий свидетель по сути достаточно близок к определению понятия «специалист», которое дано в ч. 4 ст. 80 УПК РФ. Комментарий к § 85 УПК ФРГ указывает, что свидетели, обладающие специальными познаниями, отличаются от экспертов тем, что они без поручения со стороны суда дают показания о своем восприятии фактов на основании специальных знаний [Головенков и др., 2012, с. 136]. При допросе сведущий свидетель способен не только сообщить суду фактическую информацию по делу, но и указать причины и последствия конкретного происшествия, поскольку для этого он использует знания, лежащие в основе его профессиональной деятельности. Например, «семейный» врач может квалифицированно изложить ход лечения своего пациента, течение болезни и ее проявления; ветеринар – предполагаемые причины наблюдаемой им массовой гибели скота; инспектор дорожной полиции – обстоятельства дорожно-транспортного происшествия, административное расследование которого он проводил [Бутов, 2009, с. 53]; пожарный инспектор – причины пожара, если он осуществлял исследование места пожара по долгу службы и т.п.

Согласно УПК РФ, эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями, назначенное в порядке, установленном законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57). Тогда как по УПК ФРГ эксперт – это официально назначенное или уполномоченное лицо, которое по роду своей профессиональной деятельности занимается наукой, искусством или ремеслом, знание в которых является предпосылкой для дачи заключения (абз. 1 § 75). Кроме того, экспертное заключение обязан также дать тот, кто объявил свою готовность перед судом (абз. 2 § 75).

Применение специальных знаний в уголовном процессе России и Германии

Порядок назначения и производства судебной экспертизы, а также процессуальный статус экспертов в уголовных процессах России и Германии во многом схожи, но не тождественны, например:

– УПК РФ содержит требования, определяющие обязательность назначения и производства судебной экспертизы (ст. 196 УПК), в то время как УПК ФРГ таких требований не имеет;

– правом назначения судебной экспертизы по УПК РФ наделены дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, суд (ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 283). Тогда как по УПК ФРГ выбор привлекаемых по делу экспертов и определение их числа осуществляет судья (абз. 1 §§ 73, 162, 165, 169);

– УПК РФ допускает назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 195 УПК), тогда как УПК ФРГ – на стадии предварительного расследования (§§ 162, 165, 169);

– судебно-экспертная деятельность в России осуществляется на принципе независимости судебного эксперта (ст. 4 ФЗ РФ № 73-ФЗ), в то время как УПК ФРГ определяет, что судья вправе руководить деятельностью эксперта настолько, насколько это ему представляется необходимым (§ 78). Вместе с тем, комментарий к данному параграфу указывает, что данное положение не распространяется на профессиональную сферу деятельности эксперта, а руководство судьи заключается в точной формулировке поручений, предоставлении материалов дела и юридической информированности [Головенков и др., 2012, с. 124];

– сроки производства судебной экспертизы в российском уголовном процессе определены в ведомственных инструкциях, в то время как УПК ФРГ обязывает судью обсуждать сроки представления экспертного заключения с судебным экспертом (абз. 1 § 73). Договоренность заключается, как правило, устно, а согласованный срок вносится в материалы дела [Головенков и др., с. 122]. Вместе с тем Кодекс допускает возможность прокуратуры заключить с экспертом договоренность о даче предварительного заключения и требовать от последнего представление экспертного заключения (абз. 1 § 161a). Но это, как представляется нам, возможно лишь в том случае, если на стадии предварительного расследования заслушивание эксперта будет осуществляться судьей по ходатайству прокуратуры либо проводиться прокуратурой по поручению судьи;

– по УПК РФ судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями (ч. 2 ст. 195). Привлечение иных экспертов к производству судебной экспертизы достаточно полно рассмотрено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28. Тогда как по требованиям УПК ФРГ производство судебных экспертиз должно проводиться, как правило, государственными экспертами. Это положение вытекает из УПК ФРГ, который гласит: экспертиза проводится лицами, которые состоят на государственной службе. Другие лица могут быть назначены только в случае, если этого требуют особые обстоятельства (абз. 2 § 73). Особые обстоятельства могут заключаться в том, что государственный эксперт временно не имеет возможности для подготовки заключения или необходим эксперт с более высокой или специальной квалификацией (комментарий к абз. 2 § 73) [Головенков и др., с. 122]. Например, экспертное заключение могут дать уполномоченные на то профессора государственных университетов, имеющие статус чиновника, даже если они уже вышли в отставку, доценты государственных университетов, не имеющие статуса чиновника, и апробированные врачи (комментарий к абз. 1 § 75) [Головенков и др., с. 123]. В особо важных случаях экспертное заключение может быть поручено профильным ведомствам (абз. 3 § 83);

– российский уголовный процесс не детализирует участие эксперта в процессуальных действиях. Согласно УПК РФ, эксперт вправе участвовать с разрешения лица, ведущего производство по уголовному делу, в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы (п. 3 ч. 3 ст. 57). Тогда как по УПК ФРГ эксперт вправе знакомиться с материалами дела, присутствовать при допросе свидетелей или обвиняемых и задавать им вопросы (абз. 2 § 80), принимать участие в проводимых судьей осмотрах (абз. 2 § 168d);

– УПК РФ наделяет эксперта правом ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов (п. 2 ч. 3 ст. 57), тогда как по УПК ФРГ эксперт вправе требовать предоставление дополнительных сведений, полученных путем допроса свидетелей или обвиняемых (абз. 1 § 80);

– УПК РФ содержит перечень определенного рода действий, которые эксперт не вправе осуществлять самостоятельно без разрешения либо согласования с лицом, ведущим производство по уголовному делу (ч. 4 ст. 57), тогда как УПК ФРГ не содержит подобного рода запретов;

– в УПК РФ порядок назначения и производства судебной экспертизы, а также структура постановления о ее назначении определены в ч. 1 ст. 195, структура заключения эксперта – в ч. 1 ст. 204 Кодекса. Кроме того, все указанное выше детально определено в Федеральном законе РФ № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», тогда как уголовно-процессуальное законодательство Германии не детализирует процедуру назначения и производства судебной экспер-

тизы, что так же относится и к структуре постановления о назначении судебной экспертизы и заключения эксперта;

– УПК РФ разрешает в процессе расследования по уголовному делу назначение и производство комиссионной, комплексной, дополнительной и повторной судебных экспертиз (ч. 1 ст. 200, ч. 1 ст. 201, ч. 1 и 2 ст. 207). Производство дополнительной или повторной экспертизы может быть назначено при наличии противоречий между заключениями экспертов, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов (ч. 1.2 ст. 144, ч. 4 ст. 283). Тогда как немецкое уголовно-процессуальное законодательство предусматривает назначение только «новой экспертизы» с участием того же или другого (других) экспертов (§ 83 УПК ФРГ). Новая экспертиза может быть назначена, если экспертное заключение будет признано неудовлетворительным по следующим основаниям: 1) существуют сомнения в компетентности эксперта и в установленных в экспертном заключении фактах; 2) заключение противоречиво или неясно; 3) в основу экспертного заключения были положены не соответствующие действительности фактические предпосылки; 4) экспертное заключение содержит противоречия; 5) новый эксперт располагает научно-исследовательскими средствами, которые значительно превосходят средства прежнего эксперта (предл. 2, абз. 4 § 244). Вместе с тем содержание указанных параграфов позволяет сделать вывод, что экспертизы могут быть как единоличные, так и комиссионные, комплексные, дополнительные и повторные, но данных терминов УПК ФРГ не использует;

– УПК РФ определяет, что заключение эксперта должно быть составлено в письменном виде и содержать исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами (ч. 1 ст. 80). Тогда как УПК ФРГ допускает, что на стадии предварительного расследования, в зависимости от предписания судьи, эксперт обязан представить заключение в письменной или устной форме (§ 82);

– в соответствии с требованиями УПК РФ решение об отводе эксперта и специалиста в ходе досудебного производства по уголовному делу принимается дознавателем, следователем, а также судом в порядке, установленном ч. 1 ст. 69 УПК РФ. В ходе судебного производства указанное решение принимает суд, рассматривающий данное уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей (ст. 70, 71). Обстоятельства, исключающие участие эксперта и специалиста в производстве по уголовному делу, а также их обязанность устраниться от участия в судопроизводстве, определены в ст. 61, ч. 1 ст. 62, ч. 2 ст. 70 УПК РФ. Заявлять отвод эксперту и специалисту имеют право подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, свидетель, гражданский истец и гражданский ответчик (п. 5 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 44, п. 5 ч. 4 ст. 46, п. 5 ч. 4 ст. 47, п. 8 ч. 1 ст. 53, п. 8 ч. 2 ст. 54, п. 2 ч. 1 ст. 198). Тогда как по УПК ФРГ решение об отводе эксперта при производстве по делу принимает суд. Ходатайствовать об отводе эксперта имеют право прокурор, частный обвинитель и обвиняемый. Для этого они должны поименно назвать тех экспертов, участие которых в деле для них нежелательно (абз. 2 § 74). Ходатайство в суд об отводе должно быть оформлено заявлением (§ 26). Основанием для отвода эксперта не может служить то обстоятельство, что ранее он был допрошен в качестве свидетеля (абз. 1 § 74). Порядок отвода сведущего свидетеля УПК ФРГ не содержит;

– в УПК РФ указано, что лицо, ведущее производство по делу, вправе по собственной инициативе либо по ходатайству сторон допросить эксперта для разъяснения или дополнения данного им ранее заключения (ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 282). Порядок допроса эксперта, в соответствии с указанными статьями УПК РФ, содержит свою особую регламентацию. Тогда как по УПК ФРГ руководство рассмотрением дела, а также инициатива ведения судебного следствия, включая допрос лиц, участвующих в деле, принадлежит

единолично председательствующему коллегиального суда (абз. 1 § 238). И только с его разрешения судьи и шеффены, прокурор и защитник могут задавать вопросы и допрашивать экспертов. Такой допрос считается составной частью заключения эксперта. Сведения, сообщаемые им при производстве допроса, заносятся в протокол секретарем суда, а если заключение излагается в отдельном документе, он прилагается к протоколу судебного заседания [Бутов, 2009, с. 54]. Перекрестный допрос эксперта является исключением из этого правила. Например, если эксперт вызван в суд по ходатайству прокуратуры, председательствующий суда предоставляет право проводить допрос эксперта чиновнику прокуратуры и лишь потом защитнику. Эксперт, вызванный подсудимым, допрашивается защитником и лишь потом чиновником прокуратуры (абз. 1 § 239). Если чиновник прокуратуры или защитник станут злоупотреблять этим правом, то председательствующий может не только отклонить вопросы, не относящиеся к делу, но и лишить указанных лиц права проводить допрос (§ 240). Председательствующий, после производства допроса чиновником прокуратуры и защитником, также должен задать эксперту вопросы, являющиеся необходимыми для выяснения обстоятельств дела (абз. 2 § 239);

– меры юридической ответственности в уголовно-процессуальном законодательстве России и Германии, налагаемые на эксперта, существенно отличаются друг от друга. Например, УПК ФРГ предусматривает, что если эксперт необоснованно откажется от дачи заключения, то на него может быть наложен денежный штраф, а также возложена обязанность по возмещению причиненных убытков. В случае повторного отказа такой штраф может быть наложен повторно. Это же правило действует и в случае если эксперт, обязанный представить заключение, откажется обсуждать предусмотренный в абз. 1 § 73 УПК ФРГ срок представления заключения или пропустит этот срок. Наложению денежного штрафа должно предшествовать установление дополнительного срока представления заключения. В случае повторного пропуска срока денежный штраф может быть наложен еще раз (§ 77). При неявке эксперта в прокуратуру по повестке или его отказе без уважительной причины давать показания и представлять экспертное заключение прокуратура вправе применить меры принуждения, предусмотренные §§ 51, 70 и 77 (абз. 2 § 161a). Кроме того, в отношении эксперта также могут применяться предписания разд. 6 части 1 УПК ФРГ о свидетелях (§ 72), предусматривающие уголовно-правовые последствия за ложные или неполные показания (§ 57). Тогда как УПК РФ устанавливает, что эксперт несет уголовно-правовую ответственность за дачу заведомо ложного заключения и за разглашение данных предварительного расследования (ч. 5 и 6 ст. 57). Других мер ответственности или принуждения УПК РФ не содержит;

– заключение и показания эксперта и специалиста, согласно УПК РФ, являются самостоятельными видами доказательств по уголовному делу (п. 3 и 3.1 ч. 2 ст. 74), тогда как в УПК ФРГ перечень доказательств по уголовному делу не приведен.

Заключение и показания эксперта и специалиста не являются незыблемым доказательством для суда и органов досудебного производства. Никакие доказательства, согласно УПК РФ, не имеют заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17). Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ч. 1 ст. 17). В целом эти положения очень близки требованиям УПК ФРГ. Например, согласно § 261 УПК ФРГ суд оценивает доказательства по своему свободному убеждению, сложившемуся на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности.

Заключение

Таким образом, следует отметить, что в современных уголовных процессах России и Германии имеется много общих черт. Обусловлено это тем, что в историческом прошлом на российскую правовую систему значительное влияние оказывала романо-

германская система права. Но в уголовных процессах двух стран имеются и существенные отличия. Например, в теории и практике немецкого уголовного процесса понятие сторон и принцип состязательности отвергаются. Сведущие лица в качестве самостоятельных участников уголовного судопроизводства не рассматриваются, поскольку являются «средствами судебного доказывания». Порядок назначения и производства судебной экспертизы, а также процессуальный статус экспертов в уголовном процессе России и Германии во многом схожи, но нетождественны. Немецкий законодатель, в отличие от российского, не стремится на уровне УПК ФРГ конкретизировать процессуальный статус сведущих лиц в уголовном процессе, не детализирует процедуру назначения и производства судебной экспертизы, а также сроки ее производства и требований, определяющих обязательность ее назначения. Не разграничивает судебные экспертизы на единоличные, комиссионные, комплексные, дополнительные или повторные. Ключевой фигурой в уголовном процессе Германии является суд, который несет бремя доказывания и установления истины по делу, совмещая функции обвинения и разрешения дела по существу.

Проведенный сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих производство судебной экспертизы в уголовном процессе России и Германии, позволяет по-новому взглянуть на отечественный институт сведущих лиц, а также расширить наше представление о применении специальных знаний в уголовном процессе Федеративной Республики Германия и государств, следующих в «кильватере» немецкого Strafprozess.

Список источников

1. Gesetz zur effektiveren und praxistauglicheren Ausgestaltung des Strafverfahrens. 2017. Das Bundesgesetzblatt im Internet. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav ?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl117s3202.pdf#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s3202.pdf%27%5D__1564111075756 (дата обращения: 02.03.2020).

2. Strafprozeßordnung. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html (дата обращения: 02.03.2020).

Список литературы

1. Брестер А.А., Быковская А.С. 2015. Сравнительно-правовой анализ упрощенного производства в уголовном процессе России и Германии. Актуальные проблемы российского права, 12 (61): 162–170.

2. Бутов В.Н. 2009 г. Эксперт в зарубежном (континентальном) уголовном процессе. В кн.: Материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М., Проспект: 53–55.

3. Виноградов А.С. 2014. Система досудебного производства в уголовном процессе России и Германии. Журнал правовых и экономических исследований, (3): 32–35.

4. Глотов О.М. 1978. Экспертиза в современном уголовном процессе ФРГ. Известия высших учебных заведений. Правоведение, (4): 68–74.

5. Головенков П., Понятовская Т. 2015. Уголовно-правовой институт конфискации имущества в Германии и России: сущность, виды и проблемы применения. В кн.: Германо-Российская ассоциация юристов. Сборник статей о праве Германии. Hamburg, Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V., (1): 324–339.

6. Головенков П., Спица Н. 2012. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй профессора Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Потсдам, Университетское Издательство Потсдама, 404 с.

7. Гришай И.Б. 2003. Досудебное производство в уголовном процессе Германии и России (сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 19 с.

8. Дерра М. 2015. Сделка со следствием в уголовном процессе. В кн.: Германо-Российская ассоциация юристов, Сборник статей о праве Германии. Hamburg, Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V., 2017, (2): 284–295.

9. Иванова А.В. 2017. Сравнение производства судебной экспертизы по уголовным делам в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Международное уголовное право и международная юстиция, (1): 29–32.

10. Калиновский К.Б. 2000. Уголовный процесс современных зарубежных государств. Петрозаводск, изд-во Петрозаводского госуниверситета, 48 с.

11. Кащенко С.Г. 2019. Правовой статус экспертов в современном германском уголовно-процессуальном праве. В кн.: Материалы V Международной научно-практической конференции «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика». Симферополь-Алушта, изд-во Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, 43–45.

12. Коновалов С.Г. 2017. Германский «следственный судья» в зеркале российской уголовно-процессуальной науки: факты и мифы. Закон, (1): 170–181.

13. Коновалов С.Г. 2018. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 22 с.

14. Ларичев В.В. 2004. Предварительное расследование преступлений в США и Германии: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 24 с.

15. Латыпов В.С. 2015. К вопросу о процессуальном статусе «иных участников уголовного судопроизводства» в законодательстве Германии. Международное уголовное право и международная юстиция, (3): 22–25.

16. Луцик В.В., Войнарович А.Б., Савченко В.А., Садовая Т.В., Самарин В.И., Трефилов А.А., Юрчишин Д.В. 2018. Уголовный процесс европейских государств. М., Проспект, 100–150.

17. Потёмкин И.Ю. 2015. Цели доказывания в системе принципов уголовного процесса России и Германии: сравнительно-правовой анализ. Вестник Северо-Восточного государственного университета, (23): 71–76.

18. Смирнов А.В. 2001. Состязательный процесс. СПб., Альфа, 320 с.

19. Стойко Н.Г. 2006. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., СПбГУ, 264 с.

20. Трефилов А.А. 2011. Система УПК ФРГ с приложением в виде перевода УПК ФРГ на русский язык. М., МГУ, 421 с.

21. Филимонов Б.А. 1994. Федеративная Республика Германия. Уголовно-процессуальный кодекс. М., Манускрипт, 204 с.

22. Шевцова Л.В. 2018. К вопросу о соотношении уголовного преследования участников преступных организаций в России и странах романо-германской системы права. Современный юрист, (1): 75–81.

23. Bošković A., Radović N. 2018. Comparative overview of the preliminary proceedings in the Republic of Serbia, Germany, and Italy. International Journal of Law, Crime and Justice. 52 (March): 47–57.

24. Kirchhofer S. 2017. Die Untersuchungshaft in Südamerika und Deutschland. Eine rechtsvergleichende Analyse. Wiesbaden, Springer Fachmedien, 273 c.

References

1. Brester A.A., Bykovskaya A.S. 2015. Sravnitel'no-pravovoy analiz uproshchennogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii i Germanii [Comparative legal analysis of simplified procedure in the criminal procedure in Russia and Germany]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, 12 (61): 162–170.

2. Butov V.N. 2009. Ekspert v zarubezhnom (kontinental'nom) ugolovnom protsesse [An expert-witness in a foreign (continental) criminal process]. In: Materials of the 2nd Inter. Scientific and Practical Conf. “Theory and practice of forensic examination in modern conditions”. Moscow, Prospect, 53–55.

3. Vinogradov A.S. 2014. Sistema dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii i Germanii [The System of Pretrial Proceedings in the Criminal Procedure in Russia and Germany]. Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy, (3): 32–35.

4. Glotov O.M. 1978. Ekspertiza v sovremennom ugolovnom protsesse FRG [On the examination in the modern criminal trial of FRG]. Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Pravovedenie, (4): 68–74.

5. Golovenkov P., Ponyatovskaya T. 2015. Ugolovno-pravovoy institut konfiskatsii imushchestva v Germanii i Rossii: sushchnost', vidy i problemy primeneniya [Criminal institution of property confiscation in Germany and Russia: essence, types and problems of application]. In: Germano-Rossiyskaya assotsiatsiya yuristov, Sbornik statey o prave Germanii [Sammelband in russischer Sprache zum aktuellen deutschen Recht]. Hamburg, Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V., 2015, (1): 324–339.

6. Golovenkov P., Spitza N. 2012. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO) – Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona so vstupitel'noy stat'ey professora Khell'manna «Vvedenie v ugolovno-protsessual'noe pravo FRG» [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO) – Scientific and practical commentary and translation of the text of the law with the introductory article by Professor Hellmann “Introduction to the criminal procedure law of the Federal Republic of Germany”]. Potsdam, Publishing House Potsdam University, 404 p.

7. Grishay I.B. 2003. Dosudebnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse Germanii i Rossii (sravnitel'no-pravovoy analiz) [Pretrial proceedings in the criminal process of Germany and Russia (comparative legal analysis)]: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk [PhD Thesis Diss. (Law)]. Saint Peterburg, 19 p.

8. Derra M. 2015. Verständigung im Strafverfahren. In: Germano-Rossiyskaya assotsiatsiya yuristov, Sbornik statey o prave Germanii [Sammelband in russischer Sprache zum aktuellen deutschen Recht]. Hamburg, Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V., 2017, (2): 284–295. (in German)

9. Ivanova A.V. 2017. Sravnenie proizvodstva sudebnoy ekspertizy po ugolovnym delam v Rossiyskoy Federatsii i Federativnoy Respublike Germaniya [Comparing performance of forensic examination during criminal proceedings in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany]. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya, (1): 29–32.

10. Kalinovsky K.B. 2000. Ugolovnyy protsess sovremennykh zarubezhnykh gosudarstv [The criminal process of modern foreign states]. Petrozavodsk, Publishing House of Petrozavodsk State University, 48 p.

11. Kashchenko S.G. 2019. Pravovoy status ekspertov v sovremennom germanskom ugolovno-protsessual'nom prave [The legal status of expert-witnesses in modern German criminal procedure law]. In: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ugolovnoe proizvodstvo: protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika» [Materials of the V Inter. Scientific and Practical Conf. “Criminal Proceedings: Procedural Theory and Forensic Practice”]. Simferopol-Alushta, Publishing House of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 43–45.

12. Konovalov S.G. 2017. Germanskiy «sledstvennyy sud'ya» v zerkale rossiyskoy ugolovno-protsessual'noy nauki: fakty i mify [German “investigating judge” in the mirror of Russian criminal procedure doctrine: facts and myths]. Zakon, (1): 170–181.

13. Konovalov S.G. 2018. Elementy germanskoy modeli dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse postsovetskikh gosudarstv [Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal process of post-Soviet states]. Avtoreferat dis. … kand. yurid. nauk [PhD Thesis Diss. (Law)]. Moscow, 22 p.

14. Larichev V.V. 2004. Predvaritel'noe rassledovanie prestupleniy v SShA i Germanii [Preliminary investigation of crimes in the USA and Germany]. Avtoreferat dis. … kand. yurid. nauk [PhD Thesis Diss. (Law)]. Moscow, 24 p.

15. Laty'pov V.S. 2015. K voprosu o protsessual'nom statuse «inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva» v zakonodatel'stve Germanii [On the issue of the procedural status of “other participants of criminal judicial proceeding” in the legislation of Germany]. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya, (3): 22–25.

16. Lutsik V.V., Voynarovich A.B., Savchenko V.A., Sadovaya T.V., Samarin V.I., Trefilov A.A., Yurchishin D.V. 2018. Ugolovnyy protsess evropeyskikh gosudarstv [Criminal procedure of European states]. Moscow, Prospect, 100–150.

17. Potyomkin I.Yu. 2015. Tseli dokazyvaniya v sisteme printsipov ugolovnogo protsessa Rossii i Germanii: sravnitel'no-pravovoy analiz [Purposes of proof in the system of Russia and Germany criminal procedure principles: a comparative legal analysis]. Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta, (23): 71–76.

18. Smirnov A.V. 2001. Sostyazatel'nyy protsess [Adversarial process]. Sant Petersburg, Alpha, 320 p.

19. Stoyko N.G. 2006. Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noe teoretiko-pravoe issledovanie anglo-amerikanskoy i romano-germanskoy pravovykh sistem [The criminal process of Western states and Russia: a comparative theoretical-right study of the Anglo-American and Romano-German legal systems]. Saint Petersburg, Publishing House of Saint Petersburg State University, 264 p.

20. Trefilov A.A. 2011. Sistema UPK FRG s prilozheniem v vide perevoda UPK FRG na russkiy yazyk [The system of the Criminal Procedure Code of Germany with the application in the form of a translation of the Criminal Procedure Code of Germany in Russian]. Moscow, Moscow State University, 421 p.

21. Filimonov B.A. 1994. Federativnaya Respublika Germaniya. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks [Federal Republic of Germany. Criminal Procedure Code]. Moscow, Manuscript, 204 p.

22. Shevtsova L.V. 2018. K voprosu o sootnoshenii ugolovnogo presledovaniya uchastnikov prestupnykh organizatsiy v Rossii i stranakh romano-germanskoy sistemy prava [Revisiting the correlation of criminal prosecution of members of criminal organizations in Russia and the countries of Romano-Germanic legal system], Sovremennyy yurist, (1): 75–81.

23. Bošković A., Radović N. 2018. Comparative overview of the preliminary proceedings in the Republic of Serbia, Germany, and Italy. International Journal of Law, Crime and Justice, 52 (March): 47–57.

24. Kirchhofer S. 2017. Die Untersuchungshaft in Südamerika und Deutschland. Eine rechtsvergleichende Analyse. Wiesbaden, Springer Fachmedien, 273 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукичев Борис Аркадьевич, кандидат юридических наук, доцент, научный консультант Урало-Сибирской коллегии адвокатов, Екатеринбург, Россия

Алексеев Сергей Геннадьевич, кандидат химических наук, доцент, научный консультант Уральского научно-исследовательского института Всероссийского добровольного пожарного общества, Екатеринбург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lukichev B. Arkad'evich, Doctor of Philosophy (Law), Associate Professor, Expert Consultant of Ural-Siberian Bar Association, Yekaterinburg, Russia

Alexeev S. Gennad'evich, Doctor of Philosophy (Chemistry), Associate Professor, Expert Consultant of Ural Research Institute of the All-Russian Voluntary Fire Society, Yekaterinburg, Russia

УДК 34.047
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-527-532

Процессуальное дефинирование правовой глобализации

Макогон Б.В.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: makogon@bsu.edu.ru

Аннотация. На основе анализа широкого круга как форменных, так и генезисных источников представлена актуализация авторской позиции по поводу дефинирования правовой глобализации как процесса в широкой и методологически опорной его трактовках, базирующаяся на факте доказанности существования феномена глобализации в различных его ипостасях. Логическая цепочка рассуждений автора носит рискоориентированный характер; как результат последовательно рассмотрены достаточные характеристики правового измерения глобализации и предложено соответствующее им определение, сформулированное по блочно-модульной системе. Автор жестко не связывает глобализацию с теми или иными историческими периодами, а также знаковыми событиями мирового и регионального масштабов. Соответственно, авторское дефинирование по заявленной проблематике демонстрирует универсальные свойства в сцепке с актуальностью сегодняшнего дня.

Ключевые слова: глобализация, глобализация права, правовая глобализация.

Для цитирования: Макогон Б.В. 2020. Процессуальное дефинирование правовой глобализации. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46 (3): 527–532. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-527-532

Procedural definition of legal globalization

Boris V. Makogon
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: makogon@bsu.edu.ru

Abstract. Based on the analysis of a wide range of both formal and Genesis sources, the article presents the actualization of the author's position on the definition of legal globalization as a process in its broad and methodological support interpretations, based on the fact that the existence of the phenomenon of globalization in its various guises is proved. The author's logical chain of reasoning is risk oriented; as a result, sufficient characteristics of the legal dimension of globalization are consistently considered, and the corresponding definition is proposed, formulated according to the block-modular system. The author does not strictly connect globalization with certain historical periods, as well as significant events of global and regional scale. Accordingly, the author's definition of the stated problem demonstrates universal properties in conjunction with the relevance of today.

Keywords: globalisation, globalisation of law, legal globalisation.

For citation: Makogon B.V. 2020. Procedural definition of legal globalization. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 527–532 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-527-532

Введение

Одним из направлений объективирования глобализации является ее правовое измерение. Учитывая признанно высокое влияние именно сильных нормативных тенденций на формирование внутригосударственных и международных правовых массивов, соответствующее взаимодействие можно упорядочить по блокам, в которых ведущую роль играет либо глобализация, когда такие процессы формируют и направляют юридические трансформации, либо право, опосредующее стремления управлять глобализацией с получением соответствующих дивидендов.

Позитивные, негативные, системные, хаусоориентированные, конвергенционные, дивергенционные лица глобализации логично воплощаются в праве в целом независимо от периода, что логично. Часто агрессивная экспансия так называемой «демократии», сформулированных принципов в сфере прав человека и сопряженных рисков [Kornyushkina et al., 2017], природоохраны [Новикова, Анисимов, 2008], обмена, сотрудничества, взаимопомощи и поддержки, рационализации везде и во всем – все это обрамлено правовым регулированием, поскольку объективное право является той формой, которая при известной силовой поддержке обладает апробированным инструментарием для упорядочивания связей для достижения целей в глобальной кооперации.

Конечно, не только тенденции глобализации проявляются в современном праве, но и само право глобализируется, что, вероятно, можно считать предметом (а кто-то, быть может, даже скажет: «…объектом») самостоятельной междисциплинарной дискуссии. Синтезируются принципы и нормы, провозглашаемые общепризнанными; покрываются туманом границы между правовыми семьями и правовыми системами. Предположим, что само параллельное существование и обоснование двух последних терминов – тому подтверждение. В государствах традиционно континентального права – все существеннее вес юридического / судебного прецедента (и да, мы снова об этом, актуальном для России явлении), в то время как в доктрине и практике других стран акты кодифицированного свойства укрепляют свой беспрекословно фундаментальный характер, хотя, в целом, роль судов [Makogon et al., 2018], правосудия как принципа [Kuksin et al., 2016] в государственно правовых механизмах, безусловно, можно оценивать как критичную, необходимую, но подчеркнуто недостаточную.

Глобализация, право, сопряженные риски

Факт влияния процессов глобализации на право в целом и на правовые системы в частности представляется очевидным. Последние в значительной мере и не всегда равнозначно сращиваются; активность лидирующего звена в этом процессе дает возможности для обособления общих директивных тенденций их эволюции. Среди таковых, к примеру, целесообразно выделить тенденцию к повышенному надзору за сферой обеспечения достойной жизнедеятельности личности [Butko et al., 2017], а также к формулированию принципов и обеспечению именно на их основе наиболее полной правовой поддержки потребностей человека [Новикова, 2007; Новикова, Жорник, 2012]; юридическое выражение признанных мировым сообществом принципов при отсутствии строгих оформленных критериев такого общемирового признания, что предполагает чрезмерную свободу, вольность для манипулятивного маневрирования; повышенное внимание к регулированию насущных и перспективных вопросов экологического направления; расширение и дробление сфер правового регулирования, обоснование, генезис и развитие ранее не сформированных и не обособившихся отраслей права (информационное право, право информационной безопасности, космическое право), которые, в то же время, несут признаки комплексных [Тонков, Синенко, 2016-а; 2016-б], и прочие не менее существенные тенденции.

Соответствующие качественные характеристики правовых систем государств, живя в переходном периоде, рвутся занять положение ориентиров глобализации и для глобализа-

ции, и, следовательно, уместно говорить об их сближении по аналогии с естественнонаучными изысканиями по теории пределов. Наблюдаются процессы как формирования, так и разбалансировки относительно устойчивой системы, блоки которой (международное право, национальные правовые системы) видятся модулями, перманентно взаимодействуют, проявляют взаимную диффузию. В российской правовой доктрине до недавнего времени даже превалировала позиция, в соответствии с которой «в рамках указанной системы абсолютно оправдана и юридически допустима возможность вмешательства мирового сообщества во внутренние дела государства, где права и свободы человека не гарантируются или попросту нарушаются» [Тихомиров, Пиголкин, 2004]; без чрезмерных упрощений отмечалось, что, конечно, для этого необходимо заключение межгосударственных деяний насильственного (силового) характера, осуществляемых для поддержания мира, безопасности, поддержки института прав человека и т.д. в легитимные рамки, соответствующие международному праву, его нормам и, опять же, «общепризнанным» принципам.

Так же говоря о транснациональном принуждении, внимания через правовую призму заслуживают явления глобализирующейся, глобализировавшейся и глобальной преступности, детерминирующие угрозы для безопасности как феномена, так и частных ее ипостасей. В таком контексте показательными представляются как различные проявления транснациональной организованной преступной деятельности, в частности, международный терроризм, обнажающий протестные настроения [Мархгейм, 2016], вследствие недостаточной эффективности процесса и процессуального порядка управления, так и телеологические формы противодействия ей.

Из глобализации происходит пересмотр уголовно-правовой политики государств. Укрепление, расширение сотрудничества по противодействию именно открытому ряду преступлений декларируется «приоритетным» направлением этой политики. В стремлении обезопасить свое восхождение сильные могут, принося в жертву интересы вторых и третьих звеньев, оттягивать внимание от причин и условий рождений и взращивания, в данном случае, терроризма, оставляя исключительно властно-силовые пути предполагаемого решения проблемы названого «мирового зла».

Среди базов сфер отношений мы не усматриваем таких, которые не были бы подвержены критичному воздействию глобализации, требующей пересмотра установок о сущности и роли государства и права, их аксиологической и институциональной систем.

Правовая ныне грань процессов глобализации внешне остро выражается в «формировании новых юридических отношений, юридических институтов и норм» [Лукашук, 2000]. Как отмечает И.И. Лукашук, способствующая формированию глобальной правовой системы и генерирующая особые свойства в сфере правового влияния глобализация специфична по отношению к отдельным процессам, очевидно текущим в области базовой, социально-экономической, ведь единство в правовой материи далеко не всегда столь инерционно. По мнению автора, «государства в значительной мере сохраняют свою самостоятельность… Поэтому в отношении государств и их правовых систем более точен термин «интернационализация» [Лукашук, 2002].

Следовательно, суверенные государственно-правовые системы интегрируются с телами амбициозных транснациональных субъектов, передавая их организму часть элементов своего правового статуса, читай – свой исходный статус теряя.

При этом, конечно, может происходить избирательное взаимообогащение правовым опытом на паритетных началах, что, впрочем, ограничено [Makogon et al., 2019]. «Национальное право переходит на иной, более высший ли… а, быть может, нисходящий… но качественно новый уровень, на котором, действительно, зарождается своеобразная общемировая правовая система, чьи звенья связаны динамически и обоюдоостро;

ген созидающего государства» [Борисов и др., 2016] в поисках путей выживания готов разрушать единицы соперничества. Как следствие – представления о флаге эталонных институтов национальной правовой системы нуждаются в переосмыслении, переоценке, и лучше – в формате ребилдинга (не путать с «перестройкой»), чего очевидно недостает перманентно переходному устройству. Для понимания, и учитывая трансрегиональный опыт научно-исследовательского поиска, последние уточнения считаем уместными.

Заметно, что именно в настоящее время глобализация лавинообразно усиливает взаимозависимость государств. Глобальная интеграция цепочек поставок, экономик в целом, фундаментализация влияния развитых стран существенно сузили возможности самостоятельного принятия справедливых и обоснованных решений. Не только нано-, но и попросту технологии кардинально расширили возможности коммуникации, анализа и обработки данных, информационного прессинга. Поэтому есть мнение, что «государство не должно больше принимать на себя обязанности единственного провайдера, а, скорее, выступать в роли помощника и регулятора. Рынки и граждане через самодеятельные и другие неправительственные организации стали требовать прозрачности и эффективности государственных институтов» [Тихомиров, Пиголкин, 2004].

Как утверждает М.В. Диас-Мелиан де Ханиш, классическая «концепция государственного суверенитета не совместима с существованием международного сообщества государств и международного публичного права, способного связать различные государства между собой» [Диас-Мелиан де Ханиш, 2001]. Автор говорит о полном пересмотре самой концепции государственного суверенитета, так как международные договоры каждый раз связывали более плотной сетью прав и обязанностей участников мирового сообщества; функционируют международные организации, уставы которых предполагают передачу им на договорной основе части государственного суверенитета [Диас-Мелиан де Ханиш, 2001].

Мир сам тянется к результатам успехов стран Запада. Но ведь мы уже находимся в том дне, когда субъектам, которым принадлежит «половина» мирового богатства, в логичном стремлении его сохранить приходится действовать с позиции силы. Отсюда проистекают и декларации о безусловном доминировании, «доктрина ста процентов» и пр. Мы не рассматриваем глобализацию как явление XXI века и считаем контрпродуктивным оставлять на задворках истории известное высказывание о том, что «если вы попробуете создать флот – мы нападем на вас».

Уже достаточное время наблюдается быстрая эволюция международных структур, возникновение и функционирование новых систем, что позволяет говорить о всевозрастающих интеграционных процессах на почве глобализации, являющихся результатом признания взаимозависимости и взаимодействия государств. Такова общая природа интеграции. Любой интеграционный процесс непременно сопровождается системой правил, необходимых для постановки целей и его организации, а процесс интеграции между двумя или более странами – тем более регулируется объективно необходимым в современном обществе комплексом юридических норм и принципов.

Таким образом, мировые интеграционные процессы неизбежно влекут интеграцию правовую, которую с некоторой долей условности действительно можно определить как процесс формирования новой, общемировой системы норм, организующих и обеспечивающих глобальное межгосударственное взаимодействие и взаимопроникновение во всех четырех сферах жизни социума. Характер правовой интеграции определяется, с одной стороны, участием государств в делах мирового сообщества, а с другой – степенью восприятия странами тех или иных правовых ценностей и достижений государств и их семей.

Правовые семьи суверенных государств сближаются как объективно, так и целенаправленно, интегрируясь друг в друга и признавая нормы международного права. Уже со-

здан правовой мир, место глобализации в котором никак нельзя обозначить ролью второго плана и уж тем более – декорациями.

Заключение

На основании положений представленного исследования считаем возможным сформулировать определение правовой глобализации, отметив его блочно-модульный конструктив.

Правовая глобализация – это процесс, объективно порождаемый общей глобализацией, влекущий формирование и общемировое признание гармонизированных и унифицированных правовых принципов, норм, а также правовых теорий, катализирующий взаимовлияние и взаимопроникновение национального права государств добровольно либо вследствие опосредованного последовательного навязывания.

Список литературы

1. Борисов Г.А., Комаров И.М., Кучин О.С., Мархгейм М.В., Нифанов А.Н., Новикова А.Е., Носков В.А., Тонков Е.Е. 2016. Государство созидающее: юридическая модель и современные риски. Сер. Теория и история государства и права. М., 416 с.

2. Тихомиров Ю.А., Пиголкин А.С. 2004. Глобализация и развитие законодательства: Очерки. М., 464 с.

3. Лукашук И.И. 2002. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации. Журнал российского права, 3: 115–128.

4. Лукашук И.И. 2000. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 279 с.

5. М.В. Диас-Мелиан де Ханиш. 2001. Основы и природа правовой интеграции. Правоведение, 6: 173–178.

6. Мархгейм М.В. 2016. Право на протест: конституционный абрис собирательного образа. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 3: 29–31.

7. Новикова А.Е., Анисимов А.П. 2008. Экологические правозащитные риски: проблемы теории и практики. Адвокатская практика, 4: 5–7.

8. Новикова А.Е., Жорник А.М. 2012. Генезис и содержание института политического убежища в Российской Федерации. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 20 (139): 163–169.

9. Новикова А.Е. 2007. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 22 с.

10. Тонков Е.Е., Синенко В.С. 2016-а. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право, 2 (25): 53–75.

11. Тонков Е.Е., Синенко В.С. 2016-б. Комплексные отрасли в системе права и системе законодательства. Журнал российского права, 11 (239): 5–12.

12. Butko L.V., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Pozharova L.A., Tonkov E.E. 2017. Personal Dignity in the European Legal Culture. Journal of History Culture and Art Research, 6 (4): 296–303.

13. Kornyushkina A.Y., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Doronina O.N., Zajcev S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication, 7 (S-APRLSPCL): 352–356.

14. Kuksin I.N., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Tonkov E.E. 2016. Justice as principle: aspects of genesis in social and regulatory systems. The Social Sciences (Pakistan), 11 (10): 2367–2370.

15. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. 2019. Logical classification of legal procedural restrictions. Revista Inclusiones, 6 (S2-5): 395–401.

16. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Nikonova L.I., Stus N.V. 2018. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits. Journal of History Culture and Art Research, 7 (2): 722–728.

References

1. Borisov G.A., Komarov I.M., Kuchin O.S., Markhgeym M.V., Nifanov A.N., Novikova A.E., Noskov V.A., Tonkov E.E. 2016. Gosudarstvo sozidajushhee: juridicheskaja model' i sovremennye riski. [The creative state: the legal model and modern risks]. Ser. Teorija i istorija gosudarstva i prava. M., 416 p.

2. Tihomirov Ju.A., Pigolkin A.S. 2004. Globalizacija i razvitie zakonodatel'stva: Ocherki. [Globalization and development of legislation: Essays]. M., 464 p. (in Russian)

3. Lukashuk I.I. 2002. Vzaimodejstvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v uslovijah globalizacii. [Interaction of international and domestic law in the context of globalization]. Zhurnal rossijskogo prava, 3: 115–128. (in Russian)

4. Lukashuk I.I. 2000. Globalizacija, gosudarstvo, pravo, XXI vek. [Globalization, state, law, the XXI century]. M., 279 p. (in Russian)

5. M.V. Dias-Melian de Hanish. 2001. Osnovy i priroda pravovoj integracii. [Fundamentals and nature of legal integration]. Pravovedenie, 6: 173–178. (in Russian)

6. Markhgeym M.V. 2016. Pravo na protest: konstitucionnyj abris sobiratel'nogo obraza. [The right to protest: the constitutional outline of a collective image]. Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 3: 29–31. (in Russian)

7. Novikova A.E., Anisimov A.P. 2008. Jekologicheskie pravozashhitnye riski: problemy teorii i praktiki. [Environmental human rights risks: problems of theory and practice]. Advokatskaja praktika, 4: 5–7.

8. Novikova A.E., Zhornik A.M. 2012. Genezis i soderzhanie instituta politicheskogo ubezhishha v Rossijskoj Federacii. [Genesis and content of the institution of political asylum in the Russian Federation]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo, 20 (139): 163–169. (in Russian)

9. Novikova A.E. 2007. Institut upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii (istoriko-pravovoj i teoretiko-pravovoj aspekty): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Institute of the Commissioner for human rights in the Russian Federation (historical-legal and theoretical-legal aspects): Autoref. dis. ... Cand. of legal sciences]. SPb., 22 p. (in Russian)

10. Tonkov E.E., Sinenko V.S. 2016. Kompleksnye otrasli prava: plodotvornaja ideja ili otkaz ot formal'noj opredelennosti v pravovoj nauke? [Complex branches of law: a fruitful idea or a rejection of formal certainty in legal science?]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo, 2 (25): 53–75 (in Russian)

11. Tonkov E.E., Sinenko V.S. (2) 2016. Kompleksnye otrasli v sisteme prava i sisteme zakonodatel'stva. [Complex industries in the system of law and legislation]. Zhurnal rossijskogo prava, 11 (239): 5–12. (in Russian)

12. Butko L.V., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Pozharova L.A., Tonkov E.E. 2017. Personal Dignity in the European Legal Culture. Journal of History Culture and Art Research, 6. (4): 296–303.

13. Kornyushkina A.Y., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Doronina O.N., Zajcev S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication, 7 (S-APRLSPCL): 352–356.

14. Kuksin I.N., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Tonkov E.E. 2016. Justice as principle: aspects of genesis in social and regulatory systems. The Social Sciences (Pakistan), 11(10): 2367–2370.

15. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. 2019. Logical classification of legal procedural restrictions. Revista Inclusiones, 6 (S2-5): 395–401.

16. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Novikova A.E., Nikonova L.I., Stus N.V. 2018. Constitutional Justice in Circumstances of Public Authority Limits. Journal of History Culture and Art Research, 7 (2): 722–728.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макогон Борис Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makogon Boris Valer'evich, doctor of law, associate Professor, associate Professor of the Department of constitutional and international law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК: 342.5
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-533-541

О перспективах разграничения полномочий в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации

[1)]Никитин А.А., [2)]Шевченко О. А., [3)]Морозов П.Е.
[1)]Экспертный совет при Комитете Государственной Думы
по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи,
Россия, 103265, Москва, Георгиевский пер., д. 2
E-mail: naagdfsrf@gmail.com
[2), 3)]Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, 123995, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
E-mail: labourlaw@bk.ru, pmorozov72@gmail.com

Аннотация. Реализация в Конституции Российской Федерации инновационной концепции единой системы публичной власти определяет насущную необходимость нового подхода к вопросам разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления по вопросам, связанным с управлением физической культурой и спортом. Существовавший до принятия поправок к Конституции Российской Федерации подход в данной области характеризовался недостаточной эффективностью из-за отсутствия оптимального уровня координации. В связи с этим авторами по результатам анализа законодательства о физической культуре и спорте сделан вывод о том, что концепция единой системы публичной власти, реализованная в Конституции Российской Федерации, способна эффективно справиться с проблемой отсутствия достаточного уровня координации между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Комплексный подход, подразумевающий наличие единой задачи, гораздо более эффективен, нежели подход, характеризующийся наличием различных задач в рамках единой стратегии.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, инновационная конституционная концепция, единая система публичной власти, разграничение полномочий, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы МСУ.

Для цитирования: Никитин А.А., Шевченко О. А., Морозов П.Е. 2020. О перспективах разграничения полномочий в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 533–541. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-533-541

On the prospects for the division of powers in the field of legal regulation of physical culture and sports in the Russian Federation

[1)]Alexander A. Nikitin, [2)]Olga A. Shevchenko, [3)]Pavel E. Morozov
Expert Council of the State Duma Committee for Physical Culture, Sport, Tourism and Youth,
2 Affairs, Georgievsky lane, Moscow, 103265, Russia
e-mail: naagdfsrf@gmail.com
[2), 3)]Kutafin Moscow State Law University,
9 Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow, 123995, Russia
e-mail: labourlaw@bk.ru
e-mail: pmorozov72@gmail.com

Abstract. The implementation in the Constitution of the Russian Federation of the innovative concept of a public authority unified system determines the urgent need for a new approach to the issues of

delineation of powers between state authorities and local authorities on issues related to the management of physical culture and sports. The approach in this area that existed before the adoption of the amendments to the Constitution of the Russian Federation was characterized by insufficient efficiency due to the lack of an optimal level of coordination. The author of the article, based on the results of the analysis, concluded that the concept of a unified system of public authority, implemented in the Constitution of the Russian Federation, is able to effectively deal with the problem of the lack of a sufficient level of coordination between state authorities and local authorities. The integrated approach, which implies the presence of a single task, is much more effective than an approach characterized by the presence of different tasks within a single strategy.

Keywords: physical culture, sports, innovative constitutional concept, a unified system of public authority, delineation of powers, federal government bodies, government bodies of the constituent entities of the Russian Federation, local government bodies.

For citation: Nikitin A.A., Shevchenko O.A., Morozov P.E. 2020. On the prospects for the division of powers in the field of legal regulation of physical culture and sports in the Russian Federation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 533–541 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-533-541

Введение

Реализация в Конституции Российской Федерации инновационной концепции единой системы публичной власти определяет насущную необходимость нового подхода к вопросам разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации.

Содержание проблемы состоит в том, что существовавший до принятия поправок к Конституции Российской Федерации подход в данной области характеризовался недостаточной эффективностью из-за отсутствия оптимального уровня координации между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, когда каждое звено государственной власти и местного самоуправления зачастую самостоятельно решало задачи правового регулирования физической культуры и спорта. Причем эти задачи в целом не были тесно взаимосвязаны друг с другом, а главное – отсутствовал единый, комплексный подход, у федеральных органов были одни полномочия, у региональных – других. Особо выделялись органы местного самоуправления со своей специфической компетенцией, которые не рассматривались как часть общей системы, что приводило к не вполне успешной реализации программ. Естественно, что все эти обстоятельства сказывались на качестве правового регулирования физической культуры и спорта Российской Федерации.

Убеждены, что концепция единой системы публичной власти, реализованная в Конституции Российской Федерации, способна эффективно справиться с данной проблемой, так как комплексный подход, подразумевающий наличие унифицированных целей и задач, гораздо более эффективен, чем подход, при котором каждый орган решает свои задачи, но не в рамках единой стратегии. Полагаем, что именно единая стратегия в сфере разграничения полномочий на базе концепции единой публичной власти – это залог эффективного решения проблем правового регулирования в области спорта и физической культуры.

Системный подход в сфере публичной службы

Внедрение системного подхода в сфере публичной службы имеет две составляющие – теоретико-методологическую и практическую (реформирование Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»), которые тесно друг с другом взаимосвязаны.

Претворение концепции единой системы публичной власти в сфере полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области физической культуры и спорта должно ответить на ряд вопросов:

1. Как должна функционировать новая система?
2. В чем состоят взаимосвязи внутри этой системы?
3. Каким образом новая система будет взаимодействовать с другими существующими системами, например, с физкультурно-спортивными организациями?

Анализ проблемы целесообразно начать с ее теоретической составляющей – понятия системы. В методологии выделяют два подхода к дефиниции «система» – дескриптивный (как множество взаимосвязанных элементов)[1] и конструктивный, подразумевающий наличие определённой цели у этой совокупности взаимосвязанных элементов, для которой создана данная система [Сагатовский, 1976, с. 15].

По нашему мнению, новая система разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [Липатов, Чаннов, 2018] в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации должна относиться именно к конструктивным системам. В этом отношении важно определить ее цель. Представляется, что она будет состоять в эффективной реализации и защите прав субъектов физической культуры и спорта. Существенным обстоятельством также будет являться и то, что конструктивная система также должна быть готова решить любую проблему правового регулирования физической культуры и спорта.

В этой связи хотелось бы заострить внимание на вопросе взаимодействия цели и проблемы. Так, в процессе реализации полномочий в сфере физической культуры и спорта органы государственной власти и местного самоуправления могут столкнуться с какой-то проблемой правового регулирования, например, вызванной пробельностью законодательства. В настоящий момент любая проблема в аспекте Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» решается зачастую изолированно с позиции реализации полномочий того или иного уровня государственной власти, а не комплексно. Это обстоятельство, естественно, снижает эффективность, так как, на наш взгляд, проблема, поставленная на уровне федеральных органов для того, чтобы стать разрешенной, должна включать в себя обязательно и план действий на всех уровнях, и на нижестоящих уровнях управления в том числе.

Рассмотрим другой аспект понятия «система».

Признаком любой конструктивной системы является ее эмерджентность, то есть наличие у новой системы свойств, которые не сводятся к свойствам ее элементов. Иными словами, новая система разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации должна обладать признаками, которые будут отличаться от признаков элементов, ее составляющих (федеральный, региональный и местный уровни государственной власти отдельно).

Проанализируем существующее состояние разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации, и предложим ряд рекомендаций по реформированию этого разграничения с позиции реализации конституционной концепции единой системы публичной власти [Понкин, 2018].

В настоящий момент вопросам разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Россий-

[1] Большой Российский энциклопедический словарь. М. БРЭ. 2003. 1473 с.

ской Федерации и органами местного самоуправления в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации, помимо конституционных положений, посвящены 4 статьи Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» – ст. 6, 8, 9, 9.1.

Если рассматривать закрепление этих полномочий и их виды, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что они не составляют единую систему, то есть по сути существуют изолированно друг от друга, что мы рассматриваем как существенную проблему.

Приведем некоторые конкретные примеры.

Так, например, к полномочиям Российской Федерации в области физической культуры и спорта относится разработка и реализация государственной политики в области физической культуры и спорта, принятие и реализация программ развития физической культуры и спорта в Российской Федерации (статья 6 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»). Вместе с тем в настоящее время данная стратегия не находит свою реализацию на нижестоящих уровнях – субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Действительно, анализ статей 8, 9, 9.1 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» позволяет заключить, что акцент в них приходится исключительно на региональный и местный уровни: реализация государственных региональных программ развития физической культуры и спорта и межмуниципальных программ в области физической культуры и спорта или определение основных задач и направлений развития физической культуры и спорта с учетом местных условий и возможностей, принятие и реализация местных программ развития физической культуры и спорта.

В этом отношении хотелось бы отметить, что по сути все полномочия разбалансированы, так как на каждом уровне достигается своя цель, решаются собственные проблемы. Иными словами, отсутствует комплексный подход. Таким образом, в процессе реализации конституционной концепции единой системы публичной власти в сфере полномочий в области спорта мы рекомендуем акцентировать внимание на таких признаках системы, как эмерджентность и взаимосвязь элементов системы.

Система разграничения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере физической культуры и спорта

Мы предлагаем такой подход, который бы связал полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации в единую систему, которая была бы направлена на достижение общей цели и решение возможных общих проблем.

Самое главное в этом вопросе – одновременные, совместные действия для достижения общей цели на всех уровнях: федеральном, региональном и местном [Чистякова, 2018].

Действительно, в статью 8 и 9 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» целесообразно включить положение, в соответствие с которым полномочия органов власти субъектов Российской Федерации и местных органов власти должны реализовываться, например, в рамках претворения федеральных программ развития физической культуры и спорта в Российской Федерации.

В этой связи немаловажен и такой признак системы, как взаимосвязь ее элементов: действительно, реализация определенной федеральной программы обязательно должна приводить к реализации программ на региональном и местном уровнях для достижения общей цели [Самолысов, 2018].

Отметим и другой аспект проблемы – по существу в ряде программ в сфере спорта также отсутствует системный подход. Так, в паспорте подпрограммы 8 «Развитие футбола в

Российской Федерации» государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 372 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта») вообще отсутствует уровень муниципальных образований, что вряд ли позитивно скажется на достижении цели – создание условий для удовлетворения потребностей населения в занятиях футболом.

Более того, из целевых индикаторов и показателей подпрограммы не вполне ясно, каким образом реализация полномочий федеральных органов и органов власти субъектов Российской Федерации будет способствовать решению задач данной подпрограммы. Можно констатировать в этой связи отсутствие комплексного подхода.

В ряде программ в сфере спорта принцип системности все же соблюдается, что является позитивным обстоятельством. Однако в связи с этим возникают и другие проблемы, так как подобный принцип отсутствует в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Например, Федеральный проект «Спорт – норма жизни» (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 372 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта») определяет на 2020 год следующее: запущена информационно-коммуникационная кампания по формированию в обществе культуры поведения, основанной на индивидуальной мотивации граждан к физическому развитию, включая подготовку к выполнению и выполнение нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО), и стимулированию работодателей к поощрению физической активности персонала. В 352 муниципальных районах созданы центры тестирования Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО), оборудованные малыми спортивными площадками. В 2 субъектах Российской Федерации, не входящих в состав приоритетных территорий, построены физкультурно-оздоровительные комплексы. Получается достаточно парадоксальная ситуация, когда в программе отражаются идеи единой публичной власти, а в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» это отсутствует. Думается, что подобное противоречие можно рассматривать в качестве проблемы. Действительно, программа по сути должна базироваться на нормах закона, а в результате получается, что осуществление полномочий на уровне, например, субъектов и органов местного самоуправления, будет противодействовать ее реализации [Зюрин, Матвеев, 2016].

Рассмотрим вопрос потенциального взаимодействия предлагаемой системы разграничения полномочий с другими системами, которые функционируют в сфере физкультуры и спорта, например, с физкультурно-спортивными организациями [Серпер, Буранок, 2016].

В современных условиях при фактическом отсутствии системы единой публичной власти в сфере физкультуры и спорта само по себе это взаимодействие осуществляется на определенном уровне государственной власти и местного самоуправления. Действительно, например, Олимпийское движение России возглавляется Олимпийским комитетом России – общероссийским общественным объединением, осуществляющим свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации об общественных объединениях.

В свою очередь, создание, деятельность, реорганизация и ликвидация местных и региональных спортивных федераций осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации об общественных объединениях.

Полагаем, что подобное обстоятельство можно рассматривать как некий дисбаланс, так как вопросы деятельности физкультурно-спортивных организаций – это вопросы всей публичной власти без какого-то деления на уровни.

Особо в Конституции Российской Федерации в новой редакции решается вопрос об органах местного самоуправления (муниципальных образованиях), чей правовой статус определяется специальным законом. В этой связи хотелось бы отметить, что муниципальные образования в настоящее время вошли в систему публичной власти, но вместе с тем они не включаются в систему государственных органов. В этом как раз и состоит их специфика, которая также влияет и на правовое регулирование физкультуры и спорта.

Действительно, с одной стороны, они должны реализовывать свои полномочия с взаимоувязкой с полномочиями федеральных органов и органов субъектов Российской Федерации, но, с другой стороны, эти органы обладают известной независимостью в данном вопросе. Рассмотрим эту специфику более детально.

В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» уделяется значительное внимание вопросам физической культуры и спорта, но специфика регулирования состоит в том, что физкультура и спорт рассматриваются исключительно с точки зрения органов местного самоуправления в рамках определенных муниципальных образований.

В принципе, подобный подход в аспекте Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» вполне логичен. Однако реализация конституционной концепции единой публичной власти определяет, что полномочия органов местного самоуправления в сфере физкультуры и спорта должны быть в рамках единого подхода с органами государственной власти. Полагаем, что в этом есть определённая дилемма, решение которой нам видится в признании приоритета полномочий органов государственной власти в сфере физкультуры и спорта [Самсонов, 2016].

В этой связи интерес также представляет и Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Григорьев, 2014; Перькова, 2017], в котором еще в 2015 году были предприняты попытки заложить основы единой системы публичной власти в сфере физкультуры и спорта: к объектам соглашения о государственно-частном партнерстве, объектам соглашения о муниципально-частном партнерстве относятся объекты спорта (статья 7).

Важным обстоятельством в данном отношении является тот факт, что в этой норме не разделяются полномочия государственных органов и органов местного самоуправления.

Мы также исходим из того, что возможная реформа федерального законодательства о физической культуре и спорте в целях реализации концепции единой системы публичной власти [Дегтярев, 2019] обязательно отразится и на законодательстве субъектов Российской Федерации, в большинстве из которых действуют нормативные правовые акты по данной проблематике.

Закон г. Москвы от 15 июля 2009 г. № 27 «О физической культуре и спорте в городе Москве» устанавливает, что обеспечение основных направлений развития физической культуры и спорта в городе Москве осуществляется путем утверждения и реализации государственных программ города Москвы в области физической культуры и спорта. На данный момент это положение соответствует федеральному законодательству, однако внедрение концепции единой системы публичной власти со всей неизбежностью приведет к необходимости реформирования данного закона, так как региональные программы будут рассматриваться в качестве средств, механизмов для достижения цели, определенной федеральной программой.

Интересен подход и в другом региональном правовом акте – к полномочиям Губернатора Московской области в области физической культуры и спорта относится определение основных задач и направлений развития физической культуры и спорта в Московской области [Вулах, 2012]. Полагаем, что после реализации концепции единой си-

стемы публичной власти данное полномочие Губернатора будет рассматриваться уже в аспекте требований органов федеральной власти.

Заключение

Таким образом, анализ законодательства о физической культуре и спорте [Изаак, 2014; Мифтахов, 2016] позволил сделать вывод о том, что конституционная концепция единой системы публичной власти определяет потребность в пересмотре вопросов разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере правового регулирования физической культуры и спорта в Российской Федерации. Реформа необходима для того, чтобы оптимизировать процесс реализации прав граждан в сфере физической культуры и спорта.

Мы понимаем, что данный вопрос не может быть исчерпан лишь одной статьей, требуется целая серия исследований, возможно, и монографического характера.

Список источников

1. Большой Российский энциклопедический словарь. М. БРЭ. 2003. 1473 с.

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

2. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

3. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4350.

4. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 372. «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта». СЗ РФ. 2019. № 14 (часть III). Ст. 1554 (начало).

5. Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

6. Закон г. Москвы от 15 июля 2009 г. № 27 «О физической культуре и спорте в городе Москве». Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2009. № 42.

7. Закон Московской области от 27 декабря 2008 г. № 226/2008-ОЗ «О физической культуре и спорте в Московской области» (принят постановлением Мособлдумы от 25 декабря 2008 г. № 9/65-П). Ежедневные Новости. Подмосковье. 2008. № 285.

Список литературы

1. Вулах М.Г. 2012. Управление физической культурой и спортом на региональном уровне. Вестник Саратовской государственной юридической академии, 6 (89): 231–235.

2. Григорьев В.И., Филиппов С.С. 2014. Перспективы развития физической культуры, спорта и туризма России на основе государственно-частного партнерства. Ученые записки университета Лесгафта, 2 (108): 60–66.

3. Дегтярев М.В. 2019. К вопросу о приоритете административного права в обеспечении антидопинговой политики государства. Административное право и процесс, 9: 60–62.

4. Ефимов Г.А. 2019. Разграничение предметов ведения и полномочий «по горизонтали» как способ реализации конституционного принципа разделения властей. Государственная власть и местное самоуправление, 8: 23–30.

5. Зюрин Э.А., Матвеев А.П. 2016. Анализ организационных форм взаимодействия по управлению процессом внедрения комплекса ГТО. Вестник спортивной науки, 6: 50–53

6. Изаак С.И. 2014. Организационно-управленческие аспекты физической культуры и спорта в Хабаровском Крае. Тенденции сохранения уровня здоровья и двигательной активности юношей и девушек, проживающих в условиях Дальневосточного региона, 1: 10–20

7. Липатов Э.Г., Чаннов С.Е. 2018. Конституционно-правовое регулирование разграничения полномочий в Российской Федерации как способ реализации распределительной политики. Государственная власть и местное самоуправление, 7: 22–27.

8. Мифтахов М.Р. 2016. Анализ эффективности использования спортивных сооружений в Республике Татарстан. Наука и спорт: современные тенденции, 2. 57–64

9. Перькова Е.Ю. 2017. Использование механизма государственно-частного партнерства в спортивной индустрии в РФ. Иннов: электронный научный журнал, 3 (32): 14.

10. Понкин И.В. 2018. Принцип справедливости публичного управления. Под ред. О.А. Кузнецовой и др. Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал, 1: 99–105.

11. Сагатовский В.Н. 1973. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск. Изд-во ТМИ. 431 с.

12. Самолысов П.В. 2018. Анализ научных и правовых подходов к определению принципов государственного контроля. В кн.: Следственная деятельность: настоящее и будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. 288–294.

13. Самсонов И.И. 2016. К вопросу о показателях эффективности развития физической культуры и спорта. Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта, 14 (1): 23–26.

14. Серпер С.А., Буранок О.М. 2016. Фитнес в России: проблемы и перспективы федерального и регионального развития. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки,1: 14–18.

15. Чистякова К.Д. 2018. Разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами в сфере прав и свобод личности на примере России, Германии и Швейцарии. Конституционное и муниципальное право, 9: 23–27.

References

1. Vulakh M.G. 2012. Upravlenie fizicheskoi kulturoi i sportom na regionalnom urovne. [Management of physical culture and sports at the regional level]. Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii, 6 (89): 231–235.

2. Grigoriev V.I., Filippov S.S. 2014. Perspektivi razvitiya fizicheskoi kulturi_ sporta i turizma Rossii na osnove gosudarstvenno_chastnogo partnerstva. [Prospects for the development of physical culture, sports and tourism in Russia on the basis of public-private partnership]. Uchenie zapiski universiteta Lesgafta, 2 (108): 60–66.

3. Degtyarev M.V. 2019. K voprosu o prioritete administrativnogo prava v obespechenii antidopingovoj politiki gosudarstva [On the issue of the priority of administrative law in ensuring the anti-doping policy of the state]. Administrativnoe pravo i process, 9: 60–62.

4. Efimov G.A. 2019. Razgranichenie predmetov vedeniya i polnomochij «po gorizontali» kak sposob realizacii konstitucionnogo principa razdeleniya vlastej [Differentiation of subjects of competence and powers "horizontally" as a way to implement the constitutional principle of separation of powers]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 8: 23–30.

5. Zyurin E.A., Matveev A.P. 2016. Analiz organizacionnih form vzaimodeistviya po upravleniyu processom vnedreniya kompleksa GTO. [Analysis of organizational forms of interaction to manage the implementation of the TRP complex]. Vestnik sportivnoi nauki, 6: 50–53

6. Izaak S.I. 2014. Organizacionno_upravlencheskie aspekti fizicheskoi kulturi i sporta v Habarovskom Krae. [Organizational and managerial aspects of physical culture and sports in the Khabarovsk Territory]. Tendencii sohraneniya urovnya zdorovya i dvigatelnoi aktivnosti yunoshei i devushek_ projivayuschih v usloviyah Dalnevostochnogo regiona, 1: 10–20

7. Lipatov E.G., Channov S.E. 2018. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie razgranicheniya polnomochij v Rossijskoj Federacii kak sposob realizacii raspredelitel'noj politiki [Constitutional and legal regulation of the division of powers in the Russian Federation as a way to implement distribution policy]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 7: 22–27.

8. Miftakhov M.R. 2016. Analiz effektivnosti ispolzovaniya sportivnih soorujenii v Respublike Tatarstan [Analysis of the effectiveness of the use of sports facilities in the Republic of Tatarstan]. Nauka i sport – sovremennie tendencii, 2: 57–64.

9. Perkova E.Yu. 2017. Ispolzovanie mehanizma gosudarstvenno_chastnogo partnerstva v sportivnoi industrii v RF. [Using the mechanism of public-private partnership in the sports industry in the Russian Federation]. Innov: elektronnii nauchnii jurnal, 3 (32): 14.

10. Ponkin I.V. 2018. Princip spravedlivosti publichnogo upravleniya [The principle of justice of public administration]. Ed. O.A. Kuznecovoj et al. Permskij yuridicheskij al'manah. Ezhegodnyj nauchnyj zhurnal, 1: 99–105.

11. Sagatovskij V.N. 1973. Osnovy sistematizacii vseobshchih kategorij [Fundamentals of systematization of General categories]. Tomsk. Izd-vo TMI. 431 p.

12. Samolysov P.V. 2018. Analiz nauchnih i pravovih podhodov k opredeleniyu principov gosudarstvennogo kontrolya. [Analysis of scientific and legal approaches to defining the principles of state control. Investigative activity: present and future]. In: Sledstvennaya deyatelnost_ nastoyaschee i buduschee. [Investigative activity: present and future]. Materials of the International Scientific and Practical Conference, 288–294.

13. Samsonov I.I. 2016. K voprosu o pokazatelyah effektivnosti razvitiya fizicheskoi kulturi i sporta. [To the question of indicators of the effectiveness of the development of physical culture and sports]. Problemi i perspektivi razvitiya fizicheskoi kulturi i sporta, 14 (1): 23–26.

14. Serper S.A., Buranok O.M. 2016. Fitnes v Rossii_ problemi i perspektivi federalnogo i regionalnogo razvitiya. [Fitness in Russia: Problems and Prospects of Federal and Regional Development]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi akademii nauk. Socialnie_ gumanitarnie_ mediko_biologicheskie nauki, 1: 14–18.

15. Chistyakova K.D. 2018. Razgranichenie predmetov vedeniya i polnomochij mezhdu federaciej i ee sub''ektami v sfere prav i svobod lichnosti na primere Rossii, Germanii i SHvejcarii [Differentiation of subjects of competence and powers between the Federation and its subjects in the sphere of individual rights and freedoms on the example of Russia, Germany and Switzerland]. Konstitucionnoe i municipal'noe parvo, 9: 23–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никитин Александр Александрович, ответственный секретарь Экспертного совета при Комитете Государственной Думы по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи, Москва, Россия

Шевченко Ольга Александровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Морозов Павел Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Nikitin, Executive Secretary of the Expert Council of the State Duma Committee for Physical Culture, Sport, Tourism and Youth Affairs, Moscow, Russia

Olga A. Shevchenko, doctor of legal Sciences, associate Professor, Professor of chair of labor law and social security law University named after O. E. Kutafin (MSAL), Moscow, Russia

Pavel E. Morozov, doctor of legal Sciences, associate Professor, Professor of chair of labor law and social security law University named after O. E. Kutafin (MSAL), Moscow, Russia

УДК 342
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-542-549

Категории правозащитного ряда в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию Российской Федерации

Новикова А.Е.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Основные внутренние и внешние направления политики государства отражаются в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, которые в юридической литературе трактуются как политико-правовой акт. В силу того, что послания Президента России не выступали в качестве самостоятельной эмпирической основы правозащитной тематики, автором представлен анализ таких документов на предмет использования в них категорий ключевых категорий: «защита», «гарантии», «обеспечение» в сопоставлении с их адресатами, состоянием и ориентирами реализации. Раскрыта их вариативность, к примеру, в корреляция с субъективными правами определенных категорий лиц, статусов и состояний. Рассмотрены публичные субъекты реализации защиты, гарантирования, обеспечения прав и свобод личности, выявленные в рамках заявленных политико-правовых актов. Приведены итоги легализации поручений Президента Российской Федерации с учетом его посланий. Хронологический период охвачен 2005–2020 гг.

Ключевые слова: защита, гарантии, обеспечение, права человека, ежегодное послание.

Для цитирования: Новикова А.Е. 2020. Категории правозащитного ряда в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 542–549. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-542-549

Categories of the human rights series in the annual messages President to the Federal Assembly Russian Federation

Alevtina E. Novikova
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Abstract. The main internal and external directions of state policy are reflected in the annual messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation, which are interpreted in the legal literature as a political and legal act. Due to the fact that the messages of the President of Russia did not act as an independent empirical basis for human rights issues, the author presents an analysis of such documents for the use of key categories in them – "protection", "guarantees", "provision" in comparison with their addressees, state and implementation guidelines. Their variability is revealed, for example, in correlation with the subjective rights of certain categories of persons, statuses and States. The article considers public subjects of implementation of protection, guarantee, and guarantee of individual rights and freedoms identified in the framework of the declared political and legal acts. The results of legalizing the instructions of the President of the Russian Federation, taking into account his messages, are presented. The chronological period covers 2005–2020.

Keywords: protection, guarantees, security, human rights, annual message.

For citation: Novikova A.E. 2020. Categories of the human rights series in the annual messages President to the Federal Assembly Russian Federation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 542–549 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-542-549

Введение

Президент Российской Федерации в качестве конституционного гаранта прав и свобод личности, ежегодно обращаясь к Федеральному Собранию с посланиями, обоснованно излагает в них правозащитные аспекты. В юридической литературе также встречается трактовка ежегодного послания как политико-правового акта, определяющего стратегию России в области прав человека [Тихон, 2007]. Кроме того, его характеризуют с точки зрения способа легитимации государственной власти [Грищенко, 2011]. Исходя из того, что основные внутренние и внешние направления политики государства отражаются в посланиях, видится перспективным их анализ в связи с оценкой политических, экономических, социальных и правовых явлений в сравнительно-правовом хронологическом ключе.

Применительно к данной работе уточним, что к базовым категориям, раскрывающим правозащитные аспекты, относим защиту, гарантии и обеспечение. Безусловно, каждый из приведенных терминов, выступает самостоятельным юридическим феноменом, наполненным аутентичным содержанием. Однако в своей совокупности, полагаем, они способствуют реализации правозащитной миссии-обязанности Российского государства – защите и гарантиям на основе конституционных установок ст. 2 и ч. 1 ст. 17 соответственно с учетом конституционно-отраслевых интерпретаций [Мархгейм, 2005; Уваров, 2005; Тонков, 2013; Комкова, 2016; Андреев, Салтыков, 2018; Щербина, 2020], а также специальной сознательной актуализации [Макогон, 2014]. Термин «обеспечение» опосредуем доктринальным наполнением. К примеру, К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибулин усматривают обеспечение применительно к субъективным правам и свободам в двух смыслах: «во-первых, как деятельность государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по осуществлению своих функций, компетенции, обязанностей в целях создания оптимальных условий для строгой, неуклонной реализации правовых предписаний и правомерного осуществления прав и свобод; во-вторых, как итог, результат этой деятельности, выражающейся в фактической реализации правовых предписаний, прав и свобод граждан» [Толкачев, Хабибулин, 1991].

Таким образом, в рамках данного исследования автором, на основе текстов ежегодных посланий Президента Федеральному Собранию, осуществлен анализ категорий правозащитного ряда («защита», «гарантии», «обеспечение») в сопоставлении с их адресатами, состоянием и ориентирами реализации. Хронологический период охвачен 2005–2020 гг.

Вариативность использования категорий правозащитного ряда в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию Российской Федерации

В посланиях Президента обнаружен комплексный подход в перечислении искомых категорий правозащитного ряда. Так, в 2005 г. было отмечено, что только в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты. При этом обеспечение прав и свобод человека является критически важным как для развития экономики, так и для общественно-политической жизни России[1].

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 25.04.2005. // Российская газета. 2005, 26 апреля.

В 2008 г. комплексно с позиции основы государственной политики предлагалась идеология, а в ее центре – человек как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности, а жизненный успех зависит от его личной инициативы и самостоятельности, от его способности к новаторству и творческому труду[1]. При этом гарантируемый отечественной Конституцией уровень свободы личности, зрелость демократических институтов и процедур расценены источниками дальнейшего государственного подъема.

Искомые категории последовательно связываются Президентом России с правами определенных категорий лиц, статусов и состояний. В числе таких категорий (статусов) малые народы[2], граждане с небольшими доходами[3] и их защита; военнослужащие и члены их семей в корреляции с прочными социальными гарантиями[4]; люди старшего поколения, пенсионеры в контексте обеспечения им достойной жизни[5], социальных льгот и гарантий для ветеранов[6].

Еще в 2008 г. глава государства обращал внимание на то, что пенсионная система больше не может ориентироваться на абстрактные средние показатели пенсионного обеспечения. Каждому человеку должно быть абсолютно понятно, каким образом он может достичь определенного уровня жизни в пенсионном возрасте. Сколько ему гарантировало государство, сколько он получит от обязательных взносов, которые перечислены его работодателем, а сколько ему нужно откладывать самому[7].

Стабильно участие Президента Российской Федерации в развитии и укреплении института семьи. В 2008 г. отмечалось, что именно Конституция утверждает защиту семьи не только как общепризнанную ценность, но и как юридическое понятие, то есть придает практическую силу и поддерживает всеми ресурсами государства, всем авторитетом Основного закона[8].

Заявленные категории правозащитного ряда употребляются в посланиях Президента в связи с субъективными правами и свободами личности. К примеру, государственные гарантии оказания бесплатной медицинской помощи сопоставлены с системой ОМС, призванной в полной мере их финансово обеспечить. Это касается и общего объема средств, и их доведения до конкретной больницы или поликлиники. При этом пациент должен точно знать, какую помощь ему обязаны оказать бесплатно, а врач – понимать, по каким принципам оплачивается его работа[9].

В 2020 г. субъектам Российской Федерации была дана установка предоставить гарантию трудоустройства будущим выпускникам вузов по медицинским специальностям

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008. // Российская газета. 2008, 6 ноября.

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008. // Российская газета. 2008, 6 ноября.

[3] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 04.12.2014. // Российская газета. 2014, 5 декабря.

[4] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006, 26.04.2007, 22.12.2011 г. // Российская газета. 2006, 11 мая; 2007, 27 апреля; 2011, 23 декабря.

[5] Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006, 26.04.2007, 05.11.2008. // Российская газета. 2006, 11 мая; 2007, 27 апреля; 2008, 6 ноября.

[6] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006. // Российская газета. 2006, 11 мая.

[7] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008. // Российская газета. 2008, 6 ноября.

[8] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008. // Российская газета. 2008, 6 ноября.

[9] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2013. // Российская газета. 2013, 13 декабря.

«лечебное дело» и «педиатрия», чтобы врачи приходили на работу именно туда, где их помощи ждут люди[1].

Обоснованно использование терминов «защита» и «гарантии» в социальной разновидности в качестве приоритета государственной политики[2].

Уточним, что Президент Российской Федерации, употребляя конституционный термин «защита», коррелировал его и с неконституционными понятиями. К примеру, в 2007 г. усилия государства ассоциировались с защитой кровных интересов граждан, а именно, улучшением их жизни, повышением благосостояния и безопасности[3].

Публичные субъекты реализации защиты, гарантирования, обеспечения прав и свобод личности

Глава государства в ежегодных посланиях связывает защиту с определенными субъектами публично-властной природы, обращает внимание на «правовые координаты» [Макогон, 2013] их деятельности. К примеру, для России характерна традиция сильного государства. Поэтому именно государству адресованы основные общественные запросы: обеспечить гарантии гражданских прав и справедливость, снизить уровень насилия и социального неравенства, навести порядок в ЖКХ и так далее[4].

Правоохранительная и судебная системы отмечены в качестве субъектов, обеспечивающих действенную защиту прав и интересов лиц, пострадавших от совершенных преступлений[5].

В своих посланиях Президент касается не только конституционных властных субъектов правозащитной деятельности, но также институтов гражданского общества. Так, по его мнению, Общественная палата Российской Федерации вносит существенный вклад в укрепление законности и защиту прав человека[6].

В рассмотренных политико-правовых актах также сделан акцент на объединенных усилиях государства и институтов гражданского общества. Так, одним из приоритетов в совместной работе государства и общества должна стать поддержка правозащитного движения в лице организаций, деятельность которых будет максимально приближена к интересам и проблемам конкретного человека[7].

Президентом артикулированы и проблемы правозащитного пространства. В 2020 г. подчеркнуто, что предусмотренные законодательством общие для всех граждан права, возможности и гарантии в разных регионах и муниципалитетах обеспечиваются поразному. Это несправедливо по отношению к человеку и несет прямую угрозу нашему обществу и целостности страны[8]. Полагаем, представленное замечание объективно. Более того, расцениваем настоящее положение в качестве правозащитной рискованности, мини-

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020. // http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008. // Российская газета. 2008, 6 ноября.

[3] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 26.04.2007. // Российская газета. 2007, 27 апреля.

[4] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012. // Российская газета. 2012, 13 декабря.

[5] Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008, от 03.12.2015 г. // Российская газета. 2008, 6 ноября; 2015, 4 декабря.

[6] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 26.04.2007. // Российская газета. 2007, 27 апреля.

[7] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2013. // Российская газета. 2013, 13 декабря.

[8] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020. // http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582

мизация которой необходима на законодательном уровне и в ходе дальнейшей научной дискуссии.

Реализация установок ежегодных посланий Президента России

Рассмотрим легализацию поручений Президента Российской Федерации как квинтэссенцию реализации установок ежегодных посланий Президента России.

Многие правозащитные предложения главы государства нашли последовательное отражение в федеральном законодательстве, несомненно, улучшив качество правозащитного пространства. Так, еще в 2005 г. Президент подчеркнул важность быстрого принятия законопроекта об информационной открытости государственных органов, реализация которого позволит гражданам получать больше объективной информации о деятельности государственного аппарата, поможет им защитить свои интересы[1]. В 2008 и 2009 гг. были приняты соответствующие законы[2].

В 2012 г. Президент России связал дополнительную защиту прав граждан с возможностью подавать коллективные иски, иски в интересах неограниченного круга лиц, а также иски от лица общественных организаций[3]. Спустя 7 лет в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации была включена новая глава 22.3 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц»[4].

Исходя из установок Президента о продолжении программ обеспечения граждан жильем, что является одним из ключевых приоритетов[5], начиная с 2010 г. реализуются отдельные мероприятия государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»[6].

Указанная программа постоянно совершенствуется. Об этом свидетельствует Постановление от 15 июля 2020 г. № 1042, в соответствии с которым молодые семьи, участвующие в программе обеспечения доступным жильем, смогут получить выплаты на покупку квартир комфортклассa[7]. Ранее средства разрешалось расходовать только на жильё экономкласса. Кроме того, теперь можно использовать помощь от государства для рефинансирования ипотеки.

---

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 25.04.2005. // Российская газета. 2005, 26 апреля.

[2] Федеральные законы от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. 2008, 26 декабря; 2017, 31 декабря; 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. 2009, 13 февраля; 2017, 31 декабря.

[3] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 // Российская газета. 2012, 13 декабря.

[4] Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019, 22 июля.

[5] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006. // Российская газета. 2006, 11 мая.

[6] Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"» (ред. от 18.01.2020 с изм. от 26.04.2020) // СЗ РФ. 2011. № 5. Ст. 739.

[7] Постановление Правительства РФ от 15.07.2020 № 1042 «О внесении изменений в особенности реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации"» // http://static.government.ru/media/files/kIC5H9dOVdCTlZaJ7ShAaTt35ZdMt35F.pdf (дата обращения 20.07.2020).

В 2011 г. посланием Президента России было зафиксирована необходимость реализации программы модернизации здравоохранения во всех регионах страны[1]. В данной связи в 2014 г.[2] и 2017 г. была обновлена и в настоящее время реализуется государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», направленная на улучшение здоровья населения и показателей деятельности организаций системы здравоохранения на основе постоянной модернизации технологической базы отрасли, развития медицинской науки и образования, улучшения кадрового состава, внедрения информационных технологий и современных стандартов управления[3].

Кроме того, после установок послания Президента России 2020 г. ожидаемы изменения, связанные с усилением роли Конституционного Суда Российской Федерации для повышения качества отечественного законодательства, для надежной защиты интересов граждан[4]. В 2019 г.

Глава государства также отмечал важность защиты людей дополнительными законодательными гарантиями – «ипотечными каникулами» и порядком на рынке микрокредитования[5]. Приведенные ориентиры не заставили себя долго ждать, и с 31 июля 2019 г. граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, могут потребовать приостановления исполнения обязательств или уменьшения размера платежей по ипотечным жилищным кредитам (займам) на льготный срок, не превышающий шести месяцев[6]. Что касается микрокредитования, то 1 октября 2019 г. вступил в силу федеральный закон, внесший существенные изменения в микрофинансовую деятельность и статус микрофинансовых организаций[7].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ежегодные послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации подтверждают свой статус политико-правовых актов, а в части отражения ими основных направлений внутренней и внешней политики обоснованно включают правозащитное содержание. Установлено системное включение в заявленные акты таких терминов правозащитного ряда, как «обеспечение», «гарантии» и «защита». Их вариативность коррелируется как с субъектами реализации, так и субъективными правами определенных категорий лиц, статусов и состояний. Кроме векторной роли установок посланий Президента Российской Федерации в правозащитной сфере, таковые приобретают завершенный вид принимаемых нормативных правовых актов, выступающих уже реальными гарантиями прав и свобод личности. Исходя из этого, полагаем, послания российского Президента целесообразно рассматривать и в качестве краткосрочных

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 22.12.2011. // Российская газета. 2011, 23 декабря.

[2] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения"». Документ утратил силу // СЗ РФ. 2014. № 17. Ст. 2057.

[3] Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения"» (ред. от 27.03.2020) // СЗ РФ. 2018. № 1 (Часть II). Ст. 373; 2020. № 14 (часть I). Ст. 2108.

[4] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 // http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582

[5] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // Российская газета. 2019, 21 февраля.

[6] Федеральный закон от 01.05.2019 № 76-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2200.

[7] Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3435; 2019 (часть V). № 49. Ст. 6953.

оперативных планов, что в полной мере соответствует применяемому в государстве программно-целевому методу управления.

Список литературы

1. Андреев А.А., Салтыков К.Г. 2018. О логическом отношении понятий «защита прав» и «охрана прав». Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 1(42): 5–9.

2. Грищенко Г.А. 2011. Институт посланий Президента Российской Федерации в механизме легитимации государственной власти. Российский юридический журнал. 6: 32–41.

3. Комкова Г.Н. 2016. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 3(39): 31–39. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-3

4. Макогон Б.В. 2014. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 6 (49): 74–80.

5. Макогон Б.В. 2013. Процессуально-правовые координаты деятельности субъектов публичной власти. Белгород, Издательский дом «Белгород», 164 с.

6. Мархгейм М.В. 2005. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов н/Д., Ростиздат, 199 с.

7. Тихон Е.А. 2007. Послания Президента РФ Федеральному Собранию как политико-правовой акт, определяющий стратегию России в области прав человека. Конституционное и муниципальное право, 16: 34–40.

8. Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. 1991. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. Уфа, Уфим. ВШ МВД РСФСР, 168 с.

9. Тонков Е.Е. 2013. Правозащитная функция государства и субъективное право. Пробелы в российском законодательстве, 6: 47–51.

10. Уваров А.А. 2005. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина. Государство и право, 7: 82–84.

11. Щербина А.А. 2020. Понятие прав человека и их защита. Инновации. Наука. Образование, 2 (13): 219–227.

References

1. Andreev A.A., Saltykov K.G. 2018. On the logical relation of the concepts "security of rights" and "protection of rights". Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 1(42): 5–9 (in Russian)

2. Grishchenko G.A. 2011. The institute of the president's of the rf messages in the state power legitimating mechanism. Rossijskij yuridicheskij zhurnal [Russian legal journal]. 6: 32–41 (in Russian)

3. Komkova G.N. 2016. Constitutional guarantees of human rights in russia: the concept and classification. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki, 3(39): 31–39. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-3 (in Russian)

4. Makogon B.V. 2014. Komponent juridicheskoj otvetstvennosti v processual'no-ogranichitel'noj dejatel'nosti publichnyh vlastnyh sub#ektov [Component of legal responsibility in the procedural and restrictive activities of public authorities]. Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 6 (49): 74–80.

5. Makogon B.V. 2013. Procedural and legal entities coordinate activities of public authorities. Belgorod? Publ. Izdatel'skij dom "Belgorod": 164 p. (in Russian)

6. Marhgejm M.V. 2005. Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennoj Rossii: sistemnaya konstitucionnaya model', problemy ee funkcionirovaniya i sovershenstvovaniya [Protection of human and civil rights and freedoms in modern Russia: system constitutional model, problems of its functioning and improvement]. Rostov n/D, Publ. Rostizdat. 199 p.

7. Tihon E.A. 2007. Poslaniya Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu kak politiko-pravovoj akt, opredelyayushchij strategiyu Rossii v oblasti prav cheloveka [Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a political and legal act defining the strategy of Russia in the field of human rights]. Konstitucionnoe i municipal'noe parvo, 16: 34–40.

8. Tolkachev K.B., Habibulin A.G. 1991. Organy vnutrennih del v mekhanizme obespecheniya lichnyh konstitucionnyh prav i svobod grazhdan [Internal Affairs bodies in the mechanism of ensuring personal constitutional rights and freedoms of citizens]. Ufa, Ufim. VSh MVD RSFSR, 168 p.

9. Tonkov E.E. 2013. Function of human rights law and subjective law. Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]. 6: 47–51 (in Russian)

10. Uvarov A.A. 2005. Constitutional guarantees of rights and freedoms of a man and a citizen. Gosudarstvo i parvo [State and law]. 7: 82–84 (in Russian)

11. SHCHerbina A.A. 2020. Ponyatie prav cheloveka i ih zashchita [The concept of human rights and their protection]. Innovacii. Nauka. Obrazovanie, 2 (13): 219–227.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новикова Алевтина Евгеньевна, доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alevtina E. Novikova, associate Professor, candidate of law, associate Professor of the Department of constitutional and international law of the law Institute of the Belgorod state national research University, Belgorod, Russia

УДК 342; 34.04; 34.01
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-550-557

Особенности государственного управления в области киберспорта

Редькина А.И.
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9
E-mail: juriste.ap@gmail.com

Аннотация. Компьютерный спорт (киберспорт) в настоящее время динамично развивается, развиваются и подходы к правовому обеспечению в данной сфере с учетом как специфики самого спорта в целом, так и особенностей данного направления. В силу того, что киберспорт является сравнительно молодым направлением, в настоящее время отсутствуют универсальные подходы к правовому регулированию и государственному управлению в данной области на национальном уровне. Особенности правового обеспечения и государственного управления в сфере киберспорта, хотя и являются предметом научного интереса как российских, так и зарубежных ученых, не исследованы в полной мере. В связи с этим автором рассмотрены некоторые специфические особенности киберспорта как предметно-объектной области государственного управления с учетом представленных в научной литературе позиций, приведены существующие подходы к реализации государственного управления в данной сфере на примере Франции, США, Республики Корея. В результате выделены наиболее применимые модели государственного управления в области киберспорта. Сделан вывод о том, что наиболее целесообразным будет не включение в законодательство о спорте новых специализированных положений, касающихся лишь киберспорта, а совершенствование общего правового регулирования в этой области, в том числе в части защиты интеллектуальных прав.

Ключевые слова: спорт, спортивное право, административное право, государственное управление, компьютерный спорт, киберспорт.

Для цитирования: Редькина А.И. 2020. Особенности государственного управления в области киберспорта. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 550–557. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-550-557

Features of public administration in the field of esports

Alena I. Redkina
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
9 Sadovaya-Kudrinskaya St, Moscow, 123995, Russia
E-mail: juriste.ap@gmail.com

Abstract. Esports is currently developing dynamically, and approaches to legal regulation in this area are also developing, taking into account both the specifics of the sport itself in general and the characteristics of eSports. Due to the fact that eSports is a relatively young area, there are currently no universal approaches to legal regulation and public administration in this sphere at national level. In addition, the peculiarities of legal regulation and public administration in the field of e-sports have not been fully researched in the scientific literature. In this regard, the author examines some of the specific features of eSports as a subject-object area of public administration, taking into account the positions presented in the scientific literature, presents the existing approaches to the implementation of public administration in this area on the example of France, the USA, and the Republic of Korea. As a result, the most applicable models of public administration in the field of eSports have been identified. It was concluded that it would be most appropriate not to include new specialized provisions concerning only eSports in the

sports legislation, but to improve the general legal regulation in this area, including the protection of intellectual rights.

Keywords: sports, sports law, administrative law, public administration, computer sports, eSports.

For citation: Redkina A.I. 2020. Features of public administration in the field of esports. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 550–557 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-550-557

Введение

В 2020 году глобальная экономика киберспорта может принести доходы в размере 1,1 миллиарда долларов, при этом большая их часть (74,8 %) будет получена от спонсорства и реализации интеллектуальных прав, включая права на освещение мероприятий. Мировая аудитория киберспорта достигнет 495 миллионов человек. По мере развития рынка киберспорта будут внедряться и совершенствоваться новые способы получения доходов от проведения соревнований по компьютерному спорту [NewZoo, 2020].

Компьютерный спорт (далее – киберспорт) был включен во Всероссийский реестр видов спорта в 2016 году (Приказом Министерства спорта РФ от 29 апреля 2016 г. № 470 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта, а также в приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 17.06.2010 № 606 "О признании и включении видов спорта, спортивных дисциплин во Всероссийский реестр видов спорта"»).

В соответствии с Правилами вида спорта «компьютерный спорт», утвержденными приказом Министерства спорта Российской Федерации от 22 января 2020 г. № 22, под компьютерным спортом понимается вид соревновательной деятельности и специальной практики подготовки к соревнованиям на основе компьютерных и (или) видеоигр, где игра предоставляет среду взаимодействия объектов управления, обеспечивая равные условия состязаний человека с человеком или команды с командой.

В силу того, что правовое регулирование деятельности, реализуемой в области киберспорта, находится в настоящее время на этапе развития, дальнейшее формирование подходов к правовому обеспечению и публичному управлению в этой области требует надлежащего научного осмысления. Среди исследователей, поднимавших в своих работах проблемы правового регулирования киберспорта в различных его аспектах, можно отметить Е.В. Воскресенскую, А.Н. Лойко [2019], М.В. Демченко, А.Д Шведову [2019], Е.В. Сутырину [2018], Д.Б. Чакар, М. Йигит [Çakar, Yiğit, 2019], Й. Харттунг [Harttung, 2015], Дж. Холден, Р. Роденберг, А. Кабуракис [Holden, Rodenberg, Kaburakis, 2017], К. Холлист [Hollist, 2015], Дж. Мартинелли [Martinelli, 2019], М. Оуэнс [Owens, 2016], С. Вансингель, Э. Велпри, Н. Бесомбс [Vansyngel, Velpry, Besombes, 2018], Э. Уиндхольц [Windholz, 2020], Янг Юэ [Yue, 2018].

Специфика киберспорта, в том числе как вида спорта, а также его существенный экономический потенциал требуют реализации эффективных и выверенных подходов к государственному управлению в данной области.

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей государственного управления в области компьютерного спорта.

Специфика киберспорта как предметно-объектной области государственного управления

Компьютерный спорт в настоящее время является признанным видом спорта не во всех странах, поэтому актуальны еще дискуссии относительно возможности и целесооб-

разности распространения на деятельность в данной сфере общих положений профильного спортивного законодательства. Специфика компьютерного спорта затрудняет применимость к нему в полной мере отдельных институтов спортивного права.

В качестве одного из специфических аспектов киберспорта Йохен Харттунг выделяет вовлеченность в него множества сторон, которые имеют соответствующие экономические интересы, не всегда совместимые [Harttung, 2015]. В частности, на передний план выходят производители видеоигр главным образом с позиции защиты своих интеллектуальных прав, реализация которых является основным источником дохода в индустрии компьютерного спорта. При этом существующая система не всегда дает четкий ответ на вопрос о том, кому именно принадлежат соответствующие права на мероприятие – организатору мероприятия или издателю игры [Martinelli, 2019]. Фактическими руководящими органами проводимых киберспортивных соревнований являются издатели игр [Windholz, 2020].

Одной из особенностей киберспорта является также отсутствие обязательной привязки к конкретному месту проведения соревнований, которая может быть характерна для иных видов спорта [Windholz, 2020]. Кроме того, индустрия киберспорта динамично развивается, со временем некоторые игры теряют популярность, и это происходит быстрее, чем с иными видами спорта [Holden, Rodenberg, Kaburakis, 2017].

Другая особенность киберспорта заключается в его существенной коммерческой ориентированности. Несмотря на то, что многие другие виды спорта в настоящее время в значительной степени подверглись коммерциализации, и организация и проведение соревнований по ним приносят высокие доходы, они не создавались с целью маркетинга и увеличения продаж конкретной продукции, в отличие от киберспорта [Windholz, 2020]. Но хотя индустрия киберспорта «выросла» из видеоигр, в настоящее время она идет по пути развития состязательного и профессионального спорта [Yue, 2018]. К тому же проведение соревнований по киберспорту генерирует существенные возможности для получения доходов от рекламы [Hollist, 2015].

Джон Холден, Райан Роденберг и Анастасиос Кабуракис отмечают измененный формат трансляции киберспортивных мероприятий, отличный от формата освещения мероприятий по иным видам спорта [Holden, Rodenberg, Kaburakis, 2017].

Говоря о взаимодействии компьютерного спорта и иных видов спорта, обладающих более длительной историей существования, исследователи отмечают, что, хотя компьютерный спорт и основан на применении инновационных технологий, он не оказывает, в отличие от применения инноваций в некоторых иных областях, вытесняющего воздействия на другие виды спорта, напротив, предлагает новые возможности для них, привлекая новую аудиторию и предоставляя новые источники доходов [Windholz, 2020].

Организация и проведение мероприятий по компьютерному спорту актуализирует вопрос защиты персональных данных спортсменов. Актуальными для развития государственного управления в области киберспорта являются и вопросы противодействия применению допинга. Поскольку в России киберспорт признан видом спорта, на него распространяются соответствующие антидопинговые нормы.

Говоря о целостности компьютерного спорта, исследователи отмечают необходимость реализации специального международного сотрудничества в данной области с учетом мобильности рынков азартных игр [Holden, Rodenberg, Kaburakis, 2017].

Некоторые подходы к реализации государственного управления в области киберспорта

В силу того, что киберспорт является сравнительно молодым направлением и динамично развивается, в настоящее время отсутствуют широко распространенные универсальные подходы к правовому регулированию и государственному управлению в данной области на национальном уровне.

Можно выделить следующие виды подходов к правовому обеспечению киберспорта:

– отсутствие признания киберспорта в качестве самостоятельного вида спорта, при этом на соответствующую деятельность распространяется общий правовой режим, без учета специфики ее чисто спортивной составляющей (в качестве примера можно привести Францию);

– признание киберспорта в качестве отдельного вида спорта, в силу чего к соответствующей деятельности применяются общие принципы спортивного законодательства без учета его специфики (Россия);

– наличие специализированного правового регулирования в области киберспорта (в качестве примера можно привести опыт Республики Корея).

Рассмотрим далее эти подходы на некоторых примерах.

В Республике Корея сравнительно недавно действует специализированный нормативно-правовой акт в области компьютерного спорта. В соответствии со статьей 1 Закона Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта», целью данного акта является создание инфраструктуры для культуры и индустрии киберспорта, обеспечение расширения возможностей населения для участия в киберспорте в досуговых целях, а также обеспечение устойчивого развития национальной экономики в данной области.

В данном законе закрепляются понятия киберспорта, профессионального киберспорта, массового киберспорта («киберспорта для всех»), киберспортивной индустрии, киберспортивных сооружений, игроков в киберспорт, а также понятие киберспортивной организации (статья 2 Закона Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта»). При этом соответствующие определения являются достаточно формальными и практически не отражают сущностных характеристик указанных категорий.

Закон Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта» направлен главным образом на создание правовой основы для взаимодействия между органами публичной власти различных уровней в целях обеспечения развития киберспорта, причем как профессионального, так и массового.

Статья 4 Закона Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта» устанавливает обязанность национальных и местных органов публичной власти разрабатывать и реализовывать политику, направленную на продвижение киберспорта.

Для целей развития массового киберспорта предусматривается возможность местных органов публичной власти обеспечивать создание необходимой инфраструктуры и проводить мероприятия по компьютерному спорту (статья 5 Закона Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта»).

Для достижения целей данного нормативно-правового акта на национальном уровне разрабатываются документы стратегического планирования на различные периоды, в рамках которых могут затрагиваться, в частности, следующие вопросы:

– основные направления продвижения киберспорта;

– создание инфраструктуры для активизации киберспорта;

– подготовка профессиональных кадровых ресурсов для киберспорта и обеспечение защиты их прав и интересов;

– продвижение международных мероприятий по компьютерному спорту;

– обеспечение финансирования продвижения киберспорта;

– содействие научной деятельности в области киберспорта и создание необходимой инфраструктуры (согласно статье 6 Закона Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта»).

Кроме того, в целях разработки и реализации государственной политики в области киберспорта органы публичной власти отслеживают фактическое состояние отрасли киберспорта (статья 7 Закона Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта»).

В соответствии со статьей 8 Закона Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта» национальные и местные органы публичной власти могут осуществлять финансирование киберспорта за счет средств бюджетов, в частности, в целях повышения конкурентоспособности национального киберспорта или строительства соответствующей инфраструктуры.

Данный нормативно-правовой акт также закрепляет основы взаимодействия органов публичной власти с организациями частного сектора в данной сфере.

Во Франции компьютерный спорт не подпадает под действие Спортивного кодекса Франции, однако некоторые специализированные положения содержатся в Кодексе внутренней безопасности Франции, в структуру законодательной и регламентарной частей которого были включены соответствующие главы.

В соответствии со статьей L321-8 Кодекса внутренней безопасности Франции в соревновании по видеоиграм состязаются по меньшей мере два игрока или команды за счет или победу. Статья L321-9 устанавливает условия, касающиеся финансовых аспектов организации таких соревнований (в частности, предусматривается, что размеры денежных сборов, взимаемых с участников, не должны превышать определенного предела, устанавливаемого Государственным советом) в целях превенции организации незаконных азартных игр. Организатор такого мероприятия обязан предварительно сообщать о его проведении органам публичной власти.

Также статьей L321-10 Кодекса внутренней безопасности Франции отдельно регламентируется участие несовершеннолетних в киберспортивных мероприятиях.

Среди государств, законодательства которых содержат нормы, касающиеся непосредственно компьютерного спорта, можно выделить также США (на примере штата Мэриленд). Положения, касающиеся организации соревнований по киберспорту, содержатся в Уголовном кодексе штата Мэриленд, в статье 12-114. Согласно данной статье под киберспортивным соревнованием понимается соревнование с использованием видеоигр, в том числе шутеров от первого лица, стратегий в реальном времени и многопользовательских боевых онлайн-арен, в котором игроки соревнуются друг с другом и ключевым элементом, определяющим результаты, является относительное мастерство игроков. Организатор мероприятия вправе устанавливать призы, в том числе денежные, для победителей такого соревнования.

По мнению Эрика Уиндхольца, подход к публичному управлению в области киберспорта должен в определенной мере отличаться от подхода, реализуемого в отношении иных видов спорта, в силу специфических характеристик общественных отношений в области киберспорта как объекта государственного управления [Windholz, 2020].

Янг Юэ указывает на необходимость реализации подхода, учитывающего высокую степень профессионализации киберспорта, который позволит решить проблемы, касающиеся социальной защиты спортсменов, которые вынуждены заканчивать свою карьеру сравнительно рано [Yue, 2018].

Как указывают Джон Холден, Райан Роденберг и Анастасиос Кабуракис, регулирование сферы киберспорта требует реализации комплексного подхода [Holden, Rodenberg, Kaburakis, 2017], обусловленного тем, что затрагиваются в равной мере такие области, как спорт (в частности, с учетом его автономности), предпринимательская деятельность и технологические инновации [Windholz, 2020].

Компьютерный спорт в гораздо большей степени (по сравнению с иными видами спорта) отражает влияние процессов глобализации на спортивную деятельность, что также может сказываться на специфике государственного управления в этой области.

Заключение

В заключение отметим, что развитие законодательства в сфере спорта и совершенствование подходов к государственному управлению в этой области в целом должно осуществляться с учетом новых вызовов, в том числе обусловленных развитием технологий. Поэтому, возможно, наиболее целесообразным в контексте надлежащего правового обеспечения компьютерного спорта будет не включение в законодательство о спорте новых специализированных положений, касающихся лишь данного вида спорта, а совершенствование общего правового регулирования в этой области, в том числе в части защиты интеллектуальных прав в сфере спорта.

Список источников

1. Закон Республики Корея от 2012 года (в редакции от 2016 года) «О продвижении киберспорта» [이스포츠(전자스포츠) 진흥에 관한 법률]. Available at: http://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EC%9D%B4%EC%8A%A4%ED%8F%AC%EC%B8%A0%28%EC%A0%84%EC%9E%90%EC%8A%A4%ED%8F%AC%EC%B8%A0%29%EC%A7%84%ED%9D%A5%EC%97%90%EA%B4%80%ED%95%9C%EB%B2%95%EB%A5%A0/(13971) (accessed 28 July 2020).

2. Кодекс внутренней безопасности Франции [Code de la sécurité intérieure (France)]. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=21B34A09CD738A14976277195E4C9BE5.tplgfr34s_2?cidTexte=LEGITEXT000025503132&dateTexte=20200729 (accessed 28 July 2020).

3. Спортивный кодекс Франции [Code du sport (France)]. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=D31EB86DFFC5598ED9A5B45324057492.tplgfr34s_2?cidTexte=LEGITEXT000006071318&dateTexte=20200729 (accessed 28 July 2020).

4. Уголовный кодекс штата Мэриленд [Maryland Criminal Law (Annotated Code of Maryland)]. Available at: https://advance.lexis.com/ (accessed 28 July 2020).

Список литературы

1. Воскресенская Е.В., Лойко А.Н. 2019. Правовое регулирование киберспорта (компьютерного спорта) в Российской Федерации. Colloquium- journal, 13 (37): 176– 178.

2. Демченко М.В., Шведова А.Д. 2019. Правовое регулирование киберспорта в России и за рубежом. Инноватика и экспертиза: научные труды, 2 (27): 88– 93.

3. Сутырина Е.В. 2018. Правовое регулирование деятельности киберспортивной организации (клуба). Universum: экономика и юриспруденция, 1 (46): 10–13.

4. Çakar D.B., Yiğit M.H. 2019. eSports eSports Regulations and Problematics. The Journal of Eurasia Sport Sciences & Medicine, 1 (3): 123–137.

5. Harttung J. 2015. The issue of «deep control» in professional esports – a critical analysis of intellectual property structures in electronic gaming. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Master of Laws. Toronto, 60. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/9622/3d754a68bac15cd6055fdc3e37c1c8ac3bcf.pdf (accessed 28 July 2020).

6. Holden J.T., Rodenberg R.M., Kaburakis A. 2017. Esports Corruption: Gambling, Doping, and Global Governance. Maryland Journal of International Law, 32: 236–273. Available

at: https://digitalcommons.law.umaryland.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1663&context=mjil (accessed 28 July 2020).

7. Hollist K.E. 2015. Time to be grown– ups about video gaming: the rising esports industry and the need for regulation. Arizona Law Review, 57: 823–847. Available at: https://arizonalawreview.org/pdf/57-3/57arizlrev823.pdf (accessed 28 July 2020).

8. Martinelli J. 2019. The Challenges of Implementing a Governing Body for Regulating ESports. University of Miami International and Comparative Law Review, 26 (2): 499–424. Available at: https://repository.law.miami.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1329&context=umiclr (accessed 28 July 2020).

9. NewZoo. 2020. 2020 Global Esports Market Report. Available at: https://strivesponsorship.com/wp-content/uploads/2020/03/Global-Esports-Market-Report-2020.pdf (accessed 28 July 2020).

10. Owens M.D. 2016. What's in a Name? eSports, Betting, and Gaming Law. Gaming law review and economics, 20 (7): 567– 570.

11. Vansyngel S., Velpry A., Besombes N. 2018. French esports institutionalization. In: Proceedings of the 2nd International GamiFIN Conference (Pori, Finland, May 21–23, 2018). Pori: 123–130.

12. Windholz E.L. 2020. Governing Esports: Public Policy, Regulation and the Law (2020). Sports Law eJournal, 1 (1): 1–37.

13. Yue Y. 2018. Research on eSports and eSports Industry in China. Available at: https://library.olympic.org/Default/doc/SYRACUSE/174917/research-on-esports-and-esports-industry-in-china-yang-yue?_lg=en-GB (accessed 28 July 2020).

References

1. Voskresenskaya E.V., Lojko A.N. 2019. Pravovoe regulirovanie kibersporta (komp'yuternogo sporta) v Rossijskoj Federacii [Legal regulation of cybersport (computer sports) in the Russian Federation.]. Colloquium-journal, 13 (37): 176–178.

2. Demchenko M.V., SHvedova A.D. 2019. Pravovoe regulirovanie kibersporta v Rossii i za rubezhom [Legal regulation of esports in Russia and abroad]. Innovatika i ekspertiza: nauchnye trudy, 2 (27): 88–93.

3. Sutyrina E.V. 2018. Pravovoe regulirovanie deyatelnosti kibersportivnoj organizacii (kluba) [Legal regulation of the activities of an eSports organization (club)]. Universum: ekonomika i yurisprudenciya, 1 (46): 10–13.

4. Çakar D.B., Yiğit M.H. 2019. eSports eSports Regulations and Problematics. The Journal of Eurasia Sport Sciences & Medicine, 1 (3): 123–137.

5. Harttung J. 2015. The issue of «deep control» in professional esports – a critical analysis of intellectual property structures in electronic gaming. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Master of Laws. Toronto, 60. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/9622/3d754a68bac15cd6055fdc3e37c1c8ac3bcf.pdf (accessed 28 July 2020).

6. Holden J.T., Rodenberg R.M., Kaburakis A. 2017. Esports Corruption: Gambling, Doping, and Global Governance. Maryland Journal of International Law, 32: 236–273. Available at: https://digitalcommons.law.umaryland.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1663&context=mjil (accessed 28 July 2020).

7. Hollist K.E. 2015. Time to be grown– ups about video gaming: the rising esports industry and the need for regulation. Arizona Law Review, 57: 823–847. Available at: https://arizonalawreview.org/pdf/57– 3/57arizlrev823.pdf (accessed 28 July 2020).

8. Martinelli J. 2019. The Challenges of Implementing a Governing Body for Regulating ESports. University of Miami International and Comparative Law Review, 26 (2): 499–424.

Available at: https://repository.law.miami.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1329&context=umiclr (accessed 28 July 2020).

9. NewZoo. 2020. 2020 Global Esports Market Report. Available at: https://strivesponsorship.com/wp–content/uploads/2020/03/Global-Esports-Market-Report-2020.pdf (accessed 28 July 2020).

10. Owens M.D. 2016. What's in a Name? eSports, Betting, and Gaming Law. Gaming law review and economics, 20 (7): 567–570.

11. Vansyngel S., Velpry A., Besombes N. 2018. French esports institutionalization. In: Proceedings of the 2nd International GamiFIN Conference (Pori, Finland, May 21–23, 2018). Pori: 123–130.

12. Windholz E.L. 2020. Governing Esports: Public Policy, Regulation and the Law (2020). Sports Law eJournal, 1 (1): 1–37.

13. Yue Y. 2018. Research on eSports and eSports Industry in China. Available at: https://library.olympic.org/Default/doc/SYRACUSE/174917/research-on-esports-and-esports-industry-in-china-yang-yue?_lg=en– GB (accessed 28 July 2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Редькина Алена Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры спортивного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena I. Redkina, PhD (Law), Assistant Professor of Sports Law Department of the Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

УДК 342.981
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-558-564

Гарантирование избирательного права: российский законодательный опыт

Троян В.А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: troyan@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительно-правового исследования законодательных актов различного периода развития российского государства в связи с выявлением в них норм, гарантирующих избирательное право. Уставлено, что с 1978 г. по настоящее время длится фрагментарно-специальный законодательный этап формализации гарантий субъективного избирательного права, который автор связал с тем, что в нормативных правовых актах в форме законов, посвященных выборам различного уровня, в корреляции с избирательным правом использован термин «гарантии». С принятием в 1997 г. федерального закона № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» начался рамочно-специальный законодательный этап формализации гарантий субъективного избирательного права в России, связанный с наличием особого документа универсально консолидировавшего искомые гарантии. Правовые нормы отмеченных периодов являются частью конституционно-правовой системы гарантирования субъективного избирательного права в России.

Ключевые слова: права человека, гарантии, субъективное избирательное право, гарантии избирательного права, закон, выборы, референдум.

Для цитирования: Троян В.А. 2020. Гарантирование избирательного права: российский законодательный опыт. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 558–564. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-558-564

Guaranteeing the right to vote: Russian legislative experience

Vladimir A. Troyan
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: troyan@bsu.edu.ru

Abstract. The article presents the results of a comparative legal study of legislative acts of various periods of development of the Russian state in connection with the identification of norms in them that guarantee the right to vote. It is stated that from 1978 to the present time there has been a fragmentary special legislative stage of formalization of guarantees of subjective electoral rights, which the author linked to the fact that the term «guarantees» is used in normative legal acts in the form of laws on elections of various levels, in correlation with the electoral law. With the adoption in 1997 of Federal law № 124-FZ «On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation», a framework-specific legislative stage of formalization of guarantees of subjective electoral rights in Russia began, associated with the presence of a special document that universally consolidated the sought guarantees. The legal norms of these periods are part of the constitutional and legal system for guaranteeing subjective suffrage in Russia.

Keywords: human rights, the guarantees of the subjective suffrage, guarantees of the electoral rights, the law, elections, referendum.

For citation: Troyan V.A. 2020. The methodology of science and applied analytics: the parameter of completeness of coverage and completeness of accounting for the determining factors in the study. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 558–564 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-558-564

Введение

Проблема юридических гарантий неизменно находится в фокусе научного внимания общетеоретического уровня [Лошкарев, 2009; Вискулова, 2013] и отдельных отраслей права [Агишев, 2014; Чихладзе, Осавелюк, 2018].

В рамках конституционно-правовой науки юридические гарантии, полагаем, обоснованно выступают элементами научных теорий правового статуса личности [Нудненко, Тхабисимова, 2016; Федотова, 2017], деятельности государственных органов в аспекте обеспечения субъективных прав [Новикова, 2007; Трещева, Балаян, 2019], их реализации [Kornyushkina et al., 2017; Чуклин, 2016]. Следуя данному подходу, в настоящей работе исследованы законы, гарантирующие избирательное право граждан в различные периоды развития российского государства.

Фрагментарно-специальный законодательный этап формализации гарантий субъективного избирательного права

Итак, с 1978 г. по настоящее время – фрагментарно-специальный законодательный этап формализации гарантий субъективного избирательного права. Его мы связываем с тем, что в нормативных правовых актах в форме законов, посвященных выборам различного уровня, в купе с избирательным правом начали использовать термин «гарантии».

Принятые, начиная с советского периода развития России, законы, были посвящены выборам Верховного Совета РСФСР[1], местных советов народных депутатов РСФСР[2], районных (городских) народных судов РСФСР[3], народных депутатов местных советов народных депутатов РСФСР[4], Президента[5], депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации[6] (перечисление соответствует хронологии появле-

[1] Закон РСФСР от 08.08.1978 «О выборах в Верховный Совет РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 32. Ст. 845.

[2] Закон РСФСР от 03.08.1979 г. «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1979. № 32. Ст. 784.

[3] Закон РСФСР от 08.07.1981 «О выборах районных (городских) народных судов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1981. № 28. Ст. 977.

[4] Закон РСФСР от 27.10.1989 «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1306.

[5] См.: Закон РСФСР от 24.04.1991 г. № 1096-1 «О Выборах Президента РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 17. Ст. 510; федеральные законы от 17.05.1995 № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Российская газета. 1995, 23 мая; от 31.12.1999 № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 1 (ч. II). Ст. 11; от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (ред. от 23.05.2020 г.) // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171; 2020. № 21. Ст. 3232.

[6] См.: федеральные законы от 21.06.1995 г. № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 1995, 28 июня; от 24.06.1999 № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3178; от 20.12.2002 № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 51. Ст. 4982; от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 21. Ст. 1919; от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах

ния правовых актов). Гарантии в приведенных документах формулировались в идентичном смысловом значении, как правило, в самостоятельных главах или статьях и касались:

– свободного и всестороннего обсуждения гражданами РСФСР и общественными организациями политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также права агитации на собраниях, в печати, по телевидению, радио (ст. 10 Закона РСФСР от 8 августа 1978 г., ст. 10 Закона РСФСР от 3 августа 1979 г., ст. 12 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г., ст. 42 Закона РСФСР от 27 октября 1989 г.);

– права каждого гражданина участвовать в предвыборной агитации (ст. 43 Закона РСФСР от 8 августа 1978 г., ст. 42 Закона РСФСР от 3 августа 1979 г., ст. 42 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г., ст. 42 Закона РСФСР от 27 октября 1989 г., ст. 4 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1);

– права на предвыборную агитацию с равными условиями доступа к государственным средствам массовой информации (ст. 8 Федерального закона от 21 июня 1995 № 90-ФЗ, ст. 7 Федерального закона от 17 мая 1995 № 76-ФЗ, ст. 8 Федерального закона от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ, ст. 8 Федерального закона от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ, ст. 8 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ, ст. 10 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ, ст. 9 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ);

– деятельности кандидата, включая его

неприкосновенность (ст. 47 Закона РСФСР от 8 августа 1978 г., ст. 9 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1, ч. 7 ст. 49 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ, ч. 6 ст. 41 Федерального закона от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ, ч. 7 ст. 50 Федерального закона от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ, ч. 6 ст. 42 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ, ч. 3 ст. 47 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ, ч. 3 ст. 54 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ);

право выступать на собраниях и митингах, пользоваться средствами массовой информации (ст. 44 Закона РСФСР от 8 августа 1978 г., ст. 43 Закона РСФСР от 3 августа 1979 г., ст. 43 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г.);

право участвовать в предвыборной кампании, выступая на собраниях, совещаниях, заседаниях, в печати, по телевидению, радио (ст. 39) с предвыборной программой (ст. 40) с привлечением помощи доверенных лиц (ст.ст. 41 Закона РСФСР от 27 октября 1989 г., ст. 9 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1);

освобождение от производственных или служебных обязанностей для участия в предвыборных мероприятиях (ст.ст. 45 Закона РСФСР от 8 августа 1978 г., ст. 44 Закона РСФСР от 3 августа 1979 г., ст. 44 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г., ст. 9 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1, ч. 1 ст. 49 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ, ч. 1 ст. 41 Федерального закона от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ, ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ, ч. 1 ст. Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ, ч. 1 ст. 47 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ ч. 1 ст. 54 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ);

право на бесплатный проезд (ст. 46 Закона РСФСР от 8 августа 1978 г., ст. 9 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1, чч. 2-5 ст. 49 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ, чч. 2-4 ст. 41 Федерального закона от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ, чч. 2-5 ст. 50 Федерального закона от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ);

обеспечение равными с другими зарегистрированными кандидатами возможностями материально-технического и финансового обеспечения избирательной кампании (ст. 9 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1);

депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 23.05.2020) // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740; 2020. № 21. Ст. 3233.

невозможность увольнения с работы, а также переведения на другую работу или должность без согласия (ст. 9 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1, ч. 6 ст. 49 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ, ч. 5 ст. 41 Федерального закона от 31 декабря 1999 г № 228-ФЗ, ч. 6 ст. 50 Федерального закона от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ, ч. 5 ст. 42 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ, ч. 2 ст. 47 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ, ч. 2 ст. 54 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ);

право на получение в соответствующей избирательной комиссии субъекта Российской Федерации списка избирательных участков с указанием их границ, адресов и телефонов территориальных и участковых избирательных комиссий, адресов помещений для голосования (ч. 8 ст. 49 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ, ч. 7 ст. 41 Федерального закона от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ, ч. 8 ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ, ч. 7 ст. 42 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ);

утрату прав и освобождение от обязанностей, связанных со статусом зарегистрированного кандидата, со дня официального опубликования общих результатов выборов (ч. 8 ст. 41 Федерального закона от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ, ч. 8 ст. 42 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ);

снятие кандидатуры в любое время до выборов (ст. 9 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1).

Дополнительно к перечисленным в ст. 37 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ были предусмотрены гарантии реализации пассивного избирательного права граждан, не являющихся членами политических партий.

Интересно, что ранее действовавший федеральный конституционный закон от 10 октября 1995 г. «О референдуме Российской Федерации» вообще не содержал термин «гарантии»[1] в отличие от аналогичного действующего акта[2]. В его преамбуле дважды употребляется термин «гарантии»: в связи с государственным гарантированием свободного волеизъявления граждан Российской Федерации на референдуме Российской Федерации, защиты демократических принципов и норм права, определяющих право граждан на участие в референдуме.

В ч. 3 ст. 11 указанного федерального конституционного закона формализованы государственные гарантии проведения агитации по вопросам референдума.

С наступлением законодательного этапа гарантирования субъективного избирательного права, тем не менее, сохраняют свою гарантирующую роль и подзаконные нормативные правовые акты, конкретизирующие законодательные[3].

[1] Федеральный конституционный закон от 10 октября 1995 г. № 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (ред. от 28.06.2004 г.) // СЗ РФ. 1995. № 42. Ст. 3921.

[2] Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (ред. от 18.06.2017 г.) // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; 2017. № 25. Ст. 3589.

[3] См.: Постановления ЦИК России от 12.01.2018 № 126/1059-7 «О Методических рекомендациях по обеспечению реализации избирательных прав военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов при проведении выборов Президента Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2018. № 2; от 20.06.2018 № 164/1338-7 «О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации» (ред. от 19.06.2019) // Вестник ЦИК России. 2018. № 12; 2019. № 5; от 24.05.2017 № 83/720-7 «Об обеспечении избирательных прав кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения, при приеме окружными избирательными комиссиями документов для выдвижения, регистрации, а также иных избирательных документов при проведении дополнительных выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатным избирательным округам» // Вестник ЦИК России. 2017. № 5 и др.

Рамочно-специальный законодательный этап формализации гарантий субъективного избирательного права

С принятием в 1997 г. федерального закона № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», полагаем, начался рамочно-специальный законодательный этап формализации гарантий субъективного избирательного права в России[1]. Преамбула указанного акта зафиксировала, что государством гарантируются свободное волеизъявление граждан на выборах и референдуме, защита демократических принципов и норм избирательного права и права на участие в референдуме.

В данном федеральном законе легализована дефиниция гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме в качестве правового, организационного, информационного и иного обеспечения избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (ст. 2); определены пределы действия федерального закона (ст. 1); установлены гарантии избирательных прав граждан на проведение выборов при отсутствии закона субъекта Российской Федерации о выборах (ст. 11), гарантии деятельности зарегистрированных кандидатов (ст. 35), гарантии избирательных прав граждан на проведение выборов при отсутствии закона субъекта Российской Федерации о выборах (ст. 44).

Несмотря на то, что федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ, исходя из наименования, явился первым специальным законодательным актом, консолидировавшим гарантии субъективного избирательного права, лишь некоторые его статьи непосредственно используют термин «гарантии». Хотя не отрицаем, что в целом закон им и посвящен. Однако считаем композиционно и содержательно более удачным Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[2]. Практически каждая из его глав, посвященных отдельным стадиям или аспектам избирательного процесса, изложена с акцентом гарантирования. Отметим, что такой законодательный подход соответствует и ранее избранному нами доктринальному подходу, применительно к конституционным нормам, а также нормам подзаконных актов советского периода [Троян, 2020].

В пользу перехода к новому этапу законодательного гарантирования избирательного права также свидетельствует тот факт, что в специально-фрагментарных федеральных законах давалась бланкетная норма на федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: в федеральных законах от 24 июня 1999 г. № 121-ФЗ 12 раз, от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ – 10, от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ – 27; от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ – 54; от 18 мая 2005 г. – 44; от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ – 63 раза.

Заключение

Подводя итоги осуществленного исследования с учетом ранее полученных результатов анализа конституционных и иных актов советского и современного периодов развития российского государства, полагаем предложить авторский подход к систематизации конституционно-правового гарантирования избирательного права, состоящей из различных блоков правовых норм в их хронологическом развитии.

---

[1] Федеральный закон от 19.09.1997 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 38. Ст. 4339.

[2] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 23.05.2020) // Российская газета. 2002, 15 июня; 2020, 25 мая.

Такими блоками норм выступают следующие:

– конституционно-интерпретационные (с 1918 г. по настоящее время) доктринально обоснованы, формализованы в российских конституциях установления, обеспечивающие реализацию искомого права на различных стадиях избирательного процесса;

– подзаконно-интерпретационные (с 1938 по 1977 гг.) доктринально обоснованы, формализованы в самостоятельных особых инструкциях и положениях о выборах различных уровней, а также иных формах подзаконных нормативных правовых актов гарантирующие избирательное право установления;

– фрагментарно-специальные законодательные (с 1978 г. по настоящее время) формализованы в законодательных нормативных правовых актах, посвященных референдуму и выборам различных уровней в корреляции с субъективным избирательным правом и его гарантиями;

– рамочно-специальные законодательные (с 1997 г. по настоящее время) формализованы в особом, специально предназначенном для гарантирования избирательных прав граждан федеральном законе («Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Современный этап гарантирования избирательного права характеризуется интегративностью представленных блоков, за исключением того, что в настоящее время подзаконные акты конкретизируют конституционные и законодательные положения, но не являются единственными в дополнение к конституционным, как это было с 1925 по 1977 гг.

Список литературы

1. Агишев Р.А. 2014. Конституционные основы и гарантии права человека и гражданина на объединение в Российской Федерации. Ленинградский юридический журнал, 3: 37–46.

2. Вискулова В.В. 2013. О некоторых вопросах теории гарантий избирательных прав граждан. Актуальные проблемы российского права. 4: 411–423.

3. Лошкарев А.В. 2009. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 25 с.

4. Новикова А.Е. 2007. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 22 с.

5. Нудненко Л.А., Тхабисимова Л.А. 2016. К вопросу о правовом статусе и гарантиях деятельности зарегистрированного кандидата. Государственная власть и местное самоуправление, 11: 34–39.

6. Трещева О.Ю., Балаян Э.Ю. 2019. Конституционные гарантии осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами местного самоуправления. Государственная власть и местное самоуправление, 10: 40–45.

7. Троян В.А. 2020. Генезис конституционного гарантирования избирательного права в России: советский период. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 7(122): 33–37.

8. Федотова Ю.Г. 2017. Проблемы юридических гарантий правового статуса граждан, участвующих в обеспечении национальной безопасности. Государственная власть и местное самоуправление, 8: 3–7.

9. Чихладзе Л.Т., Осавелюк А.М. 2018. Конституция России и проблема гарантий прав и свобод человека. Lex russica, 11: 63–68.

10. Чуклин А.В. 2016. Принципы установления субъектами Российской Федерации дополнительных гарантий реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Конституционное и муниципальное право, 11: 50–53.

11. Kornyushkina, A.Y., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Doronina, O.N., Zajcev, S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication. V. 7. S-APRLSPCL: 352–356.

References

1. Agishev R.A. 2014. Konstitucionnye osnovy i garantii prava cheloveka i grazhdanina na ob"edinenie v Rossijskoj Federacii [Constitutional bases and guarantees of the right of a person and citizen to unite in the Russian Federation]. Leningradskij yuridicheskij zhurnal, 3: 37–46.

2. Viskulova V.V. 2013. O nekotoryh voprosah teorii garantij izbiratel'nyh prav grazhdan [On some issues of the theory of guarantees of citizens ' electoral rights]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 4: 411–423.

3. Loshkarev A.V. 2009. Pravovye garantii: teoreticheskie problemy opredeleniya ponyatiya i klassifikacii [Legal guarantees: theoretical problems of definition and classification: author's abstract]: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 25 p.

4. Novikova A.E. 2007. Institut upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii (istoriko-pravovoj i teoretiko-pravovoj aspekty) [Institute of the Commissioner for human rights in the Russian Federation (historical-legal and theoretical-legal aspects)]: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb, 22 p.

5. Nudnenko L.A., Thabisimova L.A. 2016. K voprosu o pravovom statuse i garantiyah deyatel'nosti zaregistrirovannogo kandidata [To the question of the legal status and guarantees of the registered candidate]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 11: 34–39.

6. Treshcheva O.YU., Balayan E.YU. 2019. Konstitucionnye garantii osushchestvleniya, obespecheniya i zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina organami mestnogo samoupravleniya [Constitutional guarantees for the exercise, maintenance and protection of human and civil rights and freedoms by local self-government bodies]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 10: 40–45.

7. Troyan V.A. 2020. Genezis konstitucionnogo garantirovaniya izbiratel'nogo prava v Rossii: sovetskij period [Genesis of the constitutional guarantee of the right to vote in Russia: Soviet period]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 7(122): 33–37.

8. Fedotova YU.G. 2017. Problemy yuridicheskih garantij pravovogo statusa grazhdan, uchastvuyushchih v obespechenii nacional'noj bezopasnosti [Problems of legal guarantees of the legal status of citizens involved in ensuring national security]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 8: 3–7.

9. CHihladze L.T., Osavelyuk A.M. 2018. Konstituciya Rossii i problema garantij prav i svobod cheloveka [The Russian Constitution and the problem of guarantees of human rights and freedoms]. Lex russica, 11: 63–68.

10. CHuklin A.V. 2016. Principy ustanovleniya sub"ektami Rossijskoj Federacii dopolnitel'nyh garantij realizacii konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Principles of establishing additional guarantees by the subjects of the Russian Federation for the exercise of constitutional rights and freedoms of man and citizen]. Konstitucionnoe i municipal'noe parvo, 11: 50–53.

11. Kornyushkina, A.Y., Markhgeym, M.V., Novikova, A.E., Doronina, O.N., Zajcev, S.Y. 2017. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states. Turkish online journal of design art and communication. V. 7. S-APRLSPCL: 352–356.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Троян Владимир Анатольевич, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Troyan, post-graduate student of the Department of constitutional and international law of the law Institute of the Belgorod state national research University, Belgorod, Russia

УДК 34.01
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-565-571

Отличие приказа от иных правовых актов органов исполнительной власти

Чернышов А.В.
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, дом 1
E-mail: d.grachev@lenta.ru

Аннотация. Необходимо детальное разграничение правовых актов органов исполнительной власти, в обязанности которых входит издание приказов, постановлений, правил, инструкций и положений, а также распоряжений, так как каждому из актов свойственны свои признаки и основания для их принятия. Поскольку отсутствуют комплексные исследования данного вопроса, автором представлен анализ различных форм правовых актов органов исполнительной власти, среди которых постановления, распоряжения, правила, инструкции и положения. Выявлены характерные черты каждой из форм правовых актов. Так, специфика постановления проявляется в коллегиальном характере его принятия; правила и инструкции издаются в целях разъяснения реализации норм вышестоящего документа в части выполнения определенных действий, операции; принятие положений проводится в целях детальной регламентации правового статуса организаций и предприятий. Установлено, что приказ и распоряжение, в отличие от иных видов актов, являются достаточно похожими категориями, однако различия все-таки имеются: иерархичность и служебный характер приказа. Сделан вывод о необходимости разработки понятийного аппарата рассматриваемых актов и требований к их принятию.

Ключевые слова: правовые акты, постановление, приказ, распоряжение, правила, инструкция, положение, органы исполнительной власти.

Для цитирования: Чернышов А.В. 2020. Отличие приказа от иных правовых актов органов исполнительной власти. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 565–571. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-565-571

Difference of order from other legal acts executive authorities

Andrey V. Chernyshov
Saratov State Law Academy
1 Volskaya St, 410056, Saratov, Russia
E-mail: d.grachev@lenta.ru

Abstract. It is necessary to make a detailed distinction between the legal acts of the Executive authorities that are responsible for issuing orders, regulations, rules, instructions and regulations, as well as orders, since each of the acts has its own characteristics and grounds for their adoption. Since there are no comprehensive studies of this issue, the author presents an analysis of various forms of legal acts of Executive authorities, including resolutions, orders, rules, instructions and regulations. The characteristic features of each of the forms of legal acts are revealed. So, the specifics of the resolution is evident in the collegial nature of decision; the rules and regulations are issued to clarify the implementation of the superior instrument, perform a specific action, operation; the acceptance of the terms is held to detailed regulation of legal status of organizations and enterprises. It is established that the order and the order, unlike other types of acts, are quite similar categories, but there are still differences: the hierarchy and the

official nature of the order. It is concluded that it is necessary to develop the conceptual apparatus of the acts under consideration and the requirements for their adoption.

Key words: legal acts, resolutions, orders, orders, rules, instructions, regulations, Executive authorities.

For citation: Chernyshov A.V. 2020. Difference of order from other legal acts executive authorities. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 565–571 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-565-571

Введение

Органы исполнительной власти, выполняющие функции по государственному управлению страной, наделены достаточно широкими полномочиями в сфере управления государственными делами. Одной из форм проявления их деятельности выступает разработка и издание правовых актов, которые представляют собой наиболее объемный и разнообразный вид нормативных правовых актов.

На законодательном уровне закреплено, что правовые акты издаются в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений[1]. Однако в нем отсутствуют понятия указанных дефиниций, не выделены их характерные особенности, что ведет к многозначности толкования и применения. Вместе с тем указанные виды актов не равнозначны друг другу, они имеют ряд отличительных признаков, которые выражаются не только в своем содержании, но и на практике использования.

В рамках теории права, как и других отраслей, нет комплексных исследований по рассматриваемой теме. Ряд работ посвящены лишь отдельным вопросам, связанными с приказами и иными правовыми актами органов исполнительной власти. В этой связи в качестве цели нашего исследования выступает систематизация имеющихся знаний в отношении приказа и иных правовых актов органов исполнительной власти, а также выявление их характерных особенностей.

Итак, рассмотрим каждый из них.

Приказ в системе правовых актов

Особое значение среди правовых актов управления уделяется приказу. Являясь одной из форм выражения воли должностных лиц, он представляет собой первостепенный инструмент решения ежедневно возникающих вопросов в государственном управлении. По своей сути приказ представляет собой распорядительный акт, который издается исполнительными органами власти по распоряжению вышестоящего руководства или по личной инициативе для устранения неурегулированных вопросов в сфере государственного управления [Ваньков, 2018; Талаев, 2019].

В справочной литературе приказ определяется как официальное распоряжение, предписание органа власти; акт руководителя органа государственного управления, государственного учреждения, содержащий обязательные для определенного круга лиц установки [Кузнецов, 1998].

Дефиниция «приказ» закреплена и в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, где под ним понимают распоряжение командира (начальника), обращенное к подчиненным и требующее обязательного выполнения определенных действий, соблюдения тех или иных правил или устанавливающее какой-либо порядок, по-

[1] Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (ред. от 12.10.2019). Российская газета. 1997, 21 августа; СЗ РФ. 2019. № 42 (часть III). Ст. 5912.

ложение[1]. Кроме того, в документе установлено, что приказы издаются на правах единоначалия командиром и могут выражаться в письменной и устной форме, где письменный приказ приравнивается к нормативному акту.

Специфической чертой приказа выступает то, что большая часть приказов федеральных органов исполнительной власти содержит в себе и нормативные, и индивидуальные предписания [Вдовин, Гибадуллина, 2018]. В доктрине их обозначают смешанными правовыми актами, которые издаются при необходимости одновременного использования нескольких актов, в которых есть нормы, упорядочивающие однородный вид общественных. В качестве примера приведем приказ Минфина России от 9 августа 2005 г. № 102н, закрепляющий нормы в отношении правового положения комиссии – нормативный характер, а также нормы в отношении лиц, назначаемых на должность ее председателя – индивидуальный характер[2].

Стоит отметить, что исследованию приказа, его места в системе правовых актов, посвящено немало работ [Бошно, Пытикова, 2005; Строкова, 2007; Артамонова, Намм, 2017], анализ которых позволил нам выделить следующие специфические особенности приказа: отражает волю управомоченного органа, единолично принимающего решение о его принятии; может выражаться в письменной и устной форме; закрепляет правила, обязательные к соблюдению конкретными субъектами; является подзаконным актом; издается только с учетом установленных полномочий и в соответствии с компетенцией органа управления; принимается в целях упорядочивания отношений, находящихся вне правовой сферы.

Таким образом, приказ является нормативным актом и издается в том случае, когда появляется необходимость решения неурегулированных действующим законодательством вопросов, т.е. происходит конкретизация нормативных правовых актов, изданных вышестоящими органами государственной власти (определяется порядок совершения определенных действий (процедур), срок исполнения определенных действий и т.д.).

Характерные особенности постановления, правил, инструкций и положений

На сегодняшний день постановление как вид правовых актов органов исполнительной власти практически не встречаются. Объяснение этому можно найти, учитывая саму природу понятия «постановление», под которым понимается коллективное решение, резолюция [Кузнецов, 1998]. Согласимся с мнением В.Ф. Ломакиной, которая указывает, что постановления в большей степени свойственны актам, принимаемым Правительством РФ [Ломакина, 2017]. Действительно, Правительство Российской Федерации представляет собой коллегиальный орган, где решения принимаются с участием каждого из его членов[3], тогда как органы исполнительной власти издают правовые акты на основании одностороннего властного волеизъявления [Смирнова, 2005]. Кроме того, в структуру исполнительных органов государственной власти входят и органы субъектов, в которых односторонний характер выражается в следующем: во-первых, решение вопроса о возникновении предполагаемых правоотношений стоит за волей одного субъекта – органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации; во-вторых – для их принятия и отмены не требуется согласия тех, на кого они распространяют свое действие.

[1] Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (ред. от 21.02.2019). СЗ РФ. 2007. № 47 (1 ч.). Ст. 5749; СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 761.

[2] Приказ Минфина РФ от 09.08.2005 № 102н «О создании Межведомственной комиссии по координации взаимодействия Минфина России и ФНС России в налоговой сфере» (с изм. от 17.07.2006). Экономика и жизнь. 2005. № 37.

[3] Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ред. от 28.12.2016). СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712; 2017. № 1 (Часть I). Ст. 3.

Исходя из сказанного, отличительным признаком постановления от приказа, впрочем, как и от других правовых актов, является его коллегиальный характер, тогда как остальные документы принимаются единолично.

Следующими правовыми актами являются правила и инструкции. Правила представляют собой подзаконные правовые акты, «устанавливающее определенный порядок» [Кузнецов, 1998]. Так, МЧС Российской Федерации утверждаются правила пожарной охраны предприятий, отражающие последовательность и содержание действий субъектов[1]. Среди действующих правовых актов можно встретить и документы под названием «Порядок», который является синонимом правил, в этой связи часть таких документов представлены следующим образом[2].

Правила (порядок) как форма акта распространены достаточно широко. Однако в своем большинстве они утверждаются другими актами: постановлениями[3], приказами[4], распоряжениями[5]. В качестве самостоятельного документа их встретить практические невозможно (в основном они утратили силу).

Инструкция по своему назначению описывает поведение субъектов по поводу предметов материального мира: например, инструкция о порядке и способах выполнения какой-либо работы, пользования машиной, прибором и т.п. [Кузнецов, 1998].

Как и правила, инструкции в большинстве своем идут в сочетании с другими актами – утверждаются приказами[6], что уже прочно вошло в процесс правотворчества. Однако можно привести примеры и самодостаточных инструкций[7].

Таким образом, правила и инструкции – это разновидности правового акта, издаваемые в целях разъяснения реализации норм вышестоящего документа в части выполнения определенных действий, операции.

Следующим правовым актом выступает положение, которое применяется в целях детальной регламентации правового статуса, организации, порядка деятельности определенных государственных органов, организаций и учреждений или системы однородных органов, учреждений, организаций [Кузнецов, 1998]. В основе положений стоит решение узкоспециальных вопросов[8]. Чаще положения утверждаются приказами[9].

Таким образом, отличие приказа от правил, инструкций и положений не вызывает сомнений. Проведенный анализ правотворческой практики в части их использования поз-

---

[1] Приказ МЧС России от 03.07.2015 № 341 «Об утверждении свода правил «Пожарная охрана предприятий. Общие требования» (вместе с «СП 232.1311500.2015. Свод правил...»). СПС «Консультант Плюс».

[2] Приказ МЧС России от 12.03.2018 № 99 «Об утверждении Порядка регистрации аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований». СПС «Консультант Плюс».

[3] Постановление Минтруда РФ от 21.07.1997 № 41 «Об утверждении Положения о порядке оказания гражданам содействия в трудоустройстве в другой местности». СПС «Консультант Плюс».

[4] Приказ Минспорта России от 23.03.2020 № 237 «Об утверждении правил вида спорта «американский футбол». СПС «Консультант Плюс».

[5] Распоряжение Госкомимущества РФ от 30.12.1994 № 2937-р «Об установлении порядка приватизации пакетов акций, находящихся в собственности РФ, предприятий, включенных в состав Федеральной контрактной системы». СПС «Консультан Плюс».

[6] Приказ Минобрнауки России от 26.06.2019 № 439 «Об утверждении Инструкции о мерах пожарной безопасности в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации». СПС «Консультант Плюс».

[7] Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» (ред. от 24.12.2018). СПС «Консультант Плюс».

[8] Положение Банка России от 22.09.2017 № 602-П (ред. от 23.03.2020) «О правилах подготовки нормативных актов Банка России». Вестник Банка России. 2017. № 84; 2020. № 25.

[9] Приказ Казначейства России от 22.01.2013 № 5 «Об утверждении Типового положения о юридическом отделе территориального органа Федерального казначейства» (ред. от 18.12.2019). СПС «Консультант Плюс».

воляет сделать вывод о неверном понимании формы этих документа как несамостоятельной, производной правовой конструкции, которые в большинстве своем утверждаются иными формами (приказами, распоряжениями). Сказанное свидетельствует об избыточности двух форм.

Разграничение приказа и распоряжения как однородных категорий

Иначе обстоят дела с разграничением приказа и распоряжения. Сложность состоит в том, что данные категории достаточно часто рассматриваются как синонимы. Подобные позиции отражаются как в справочной литературе [Ожегов, 2008], так и в ряде правовых документов[1] и научных исследованиях [Соломоненко, 1999]. В.Я. Григенча придерживается мнения, что достаточно установления дефиниции «приказ», закрепив в соответствующем постановлении за ним определение и иных актов управления [Григенч, 1997].

В научных трудах распоряжение характеризуется как вид подзаконного акта управления, который издается с учетом компетенции органа власти или управления, обязателен для субъектов, в отношении которых принято [Ломакина, 2015]. Исходя из определения в качестве его признаков можно выделить подзаконный характер; издается в рамках компетенции органом государственной власти; его предписания обязательны для исполнения; принимается для упорядочивания определенной сферы общественных отношений.

Таким образом, приказ и распоряжение являются достаточно похожими формами правовых актов, вместе с тем считаем важным выделить и их отличительные черты. В частности, разграничение категорий «приказ» и «распоряжение» можно выделить исходя из анализа правовых документов Министерства внутренних дел РФ, где закреплено, что приказ издается по наиболее важным вопросам функционирования органов внутренних дел Российской Федерации, включая определение их задач и функций, правовое регулирование различных направлений оперативно-служебной деятельности, прохождения службы в органах внутренних дел[2]. Тогда как распоряжения – документ, издаваемый по вопросам оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, который имеет организационно-распорядительный характер[3]. Сказанное свидетельствует о содержательном различии приказа и распоряжения, где приказ отражает регулирование наиболее важных вопросов.

Отличительными признаками приказа и распоряжения выступают иерархичность – издание приказа является характерной особенностью рабочих правоотношений между руководителем и его сотрудником; и служебность – приказ должен быть отдан по службе и в рамках служебных полномочий [Девятко, 2004], тогда как распоряжение может быть отдано и без учета указанных признаков.

Например, приказ и распоряжение сотрудника полиции будут являться обязательными для исполнения любым гражданином. Однако в отличие от полицейского, если гражданин не является сотрудником органов внутренних дел, то он не находится в слу-

[1] Приказ Ространснадзора от 29.03.2019 № ВБ-261фс «Об утверждении Регламента Федеральной службы по надзору в сфере транспорта». СПС «Консультант Плюс».

[2] Приказ МВД России от 27.06.2003 № 484«Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» (ред. от 18.02.2019). СПС «Консультант Плюс».

[3] Приказ МВД России от 20.06.2012 № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в ОВД РФ Министерства внутренних дел Российской Федерации». СПС «Консультант Плюс».

жебном или профессиональном подчинении у полицейского, тогда как сотрудник является подчиненным лицом своему начальнику и должен выполнять его приказы.

Таким образом, приказ и распоряжение, хотя и однородные, но не тождественные между собой понятия.

Заключение

Считаем, что нынешняя ситуация, связанная с отсутствием конкретных, законодательно установленных понятий, признаков каждой из форм правовых актов – приказа, постановления, правил, инструкций, положений и распоряжений, ведет к возникновению множества вопросов в части их применения – неоднозначному толкованию сущности и форм официально-документального выражения правовых актов, проблемам отграничения их от других официальных документов, что в итоге отрицательно воздействует на весь механизм управления. Справедливо отмечено, что важно направить усилия для создания и регламентации общих требований в отношении каждой из разновидностей правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Подобные требования должны отражать в первую очередь содержание, во-вторых – форму, и в-третьих – процедуру принятия актов. Кроме того, необходимо отойти от действующей практики по использованию двойной формы нормативного правового акта (когда правила, инструкции утверждаются приказами) и дать разъяснения по всем формам актов.

Список источников

1. Кузнецова С.А. 1998. Большой толковый словарь русского языка. Первое издание. СПб: Норинт, 1534 с.

2. Ожегов С.И. 2008. Словарь русского языка. Москва: Локид-Пресс: 910 с.

Список литературы

1. Артамонова С.Н., Намм Г.А. 2017. К вопросу о соотношении понятий «приказ» и «распоряжение» в институтах государственной гражданской службы и военной службы и их месте в системе правовых актов Российской Федерации. Вестник военного права, 2: 56–61.

2. Бошно С.В., Пытикова Т.А. 2005. Приказ: нормативный или правоприменительный акт? Юрист. 10: 10–12.

3. Ваньков А.В., Сумачев А.В. 2018. Правовой акт: понятие и общая характеристика. Вестник Уральского финансово-юридического института. 3: 3–6.

4. Вдовин М.А., Гибадуллина К.А. 2018. Индивидуальные правовые акты: понятие, признаки и требования. Аллея науки. 5(2): 801–803.

5. Григенча В.Я. 1997. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа: Автореф. дис…. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 24 с.

6. Девятко А.Ю. 2004. Исполнение приказа или распоряжения военнослужащим как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Автореф. дис…. канд. юрид. наук. М., 26 с.

7. Ломакина В.Ф. 2015. Правовая природа актов государственного управления. Труды Института государства и права Российской академии наук, 4: 36–55.

8. Ломакина В.Ф. 2017. Административные правовые акты в механизме государственного управления. В кн.: Формы и методы государственного управления в современных условиях развития. М., Прометей: 393 с.

9. Смирнова А.А. 2005. Юридическая природа нормативно правовых актов исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Право и политика. 9: 84–89.

10. Соломоненко И.Г. 1999. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение (в деятельности органов внутренних дел): Автореф. дис…. канд. юрид. наук. М., 24 с.

11. Строкова О.Г. 2007. Приказ как особая разновидность правового акта: вопросы теории и практики: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 25 с.

12. Талаев И.В. 2019. Понятие «приказ» в законодательстве и уголовно-правовой доктрине России. Российское правосудие. 12: 90–94.

References

1. Artamonova S.N., Namm G.A. 2017. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «prikaz» i «rasporyazhenie» v institutah gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby i voennoj sluzhby i ih meste v sisteme pravovyh aktov Rossijskoj Federacii [On the question of the relationship between the concepts of "order" and" order " in the institutions of state civil service and military service and their place in the system of legal acts of the Russian Federation]. Vestnik voennogo prava, 2: 56–61.

2. Boshno S.V., Pytikova T.A. 2005. Prikaz: normativnyj ili pravoprimenitel'nyj akt? [Order: regulatory or law enforcement act] YUrist, 10: 10–12.

3. Van'kov A.V., Sumachev A.V. 2018. Pravovoj akt: ponyatie i obshchaya harakteristika [Legal act: concept and General characteristics]. Vestnik Ural'skogo finansovo-yuridicheskogo instituta, 3: 3–6.

4. Vdovin M.A., Gibadullina K.A. 2018. Individual'nye pravovye akty: ponyatie, priznaki i trebovaniya [Individual legal acts: concept, features and requirements]. Alleya nauki, 5(2): 801–803.

5. Grigencha V.YA. 1997. Ugolovno-pravovye problemy ispolneniya prikaza [Criminal-legal problems of execution of an orde]: Avtoref. dis…. kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 24 p.

6. Devyatko A.YU. 2004. Ispolnenie prikaza ili rasporyazheniya voennosluzhashchim kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya [Execution of an order or instruction by a military man as a circumstance that precludes criminality of an act]: Avtoref. dis…. kand. yurid. nauk. M., 26 p.

7. Lomakina V.F. 2015. Pravovaya priroda aktov gosudarstvennogo upravleniya [Legal nature of public administration acts]. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk, 4: 36–55.

8. Lomakina V.F. 2017. Administrativnye pravovye akty v mekhanizme gosudarstvennogo upravleniya [Administrative legal acts in the mechanism of public administration]. In: Formy i metody gosudarstvennogo upravleniya v sovremennyh usloviyah razvitiya [Forms and methods of public administration in modern conditions of development]. M., Pabl. Prometej: 393 p.

9. Smirnova A.A. 2005. YUridicheskaya priroda normativno pravovyh aktov ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii [Legal nature of normative legal acts of Executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation]. Pravo i politika, 9: 84–89.

10. Solomonenko I.G. 1999. Ispolnenie prikaza i ego ugolovno-pravovoe znachenie (v deyatel'nosti organov vnutrennih del) [Execution of the order and its criminal-legal significance (in the activities of internal Affairs bodies)]: Avtoref. dis…. kand. yurid. nauk. M., 24 p.

11. Strokova O.G. 2007. Prikaz kak osobaya raznovidnost' pravovogo akta: voprosy teorii i praktiki [An order as a special type of legal act: questions of theory and practice: author's abstract]: Avtoref. diss. … kand. yurid. nauk. Saratov. 25 p.

12. Talaev I.V. 2019. Ponyatie «prikaz» v zakonodatel'stve i ugolovno-pravovoj doktrine Rossii [The concept of "order" in the legislation and criminal law doctrine of Russia]. Rossijskoe pravosudie, 12: 90–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышев Андрей Викторович, соискатель кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Chernyshev, candidate of the Department of State Theory and Law of FSBOU VO "Saratov State Law Academy," Saratov, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

THESIS

УДК 801.733
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-572-578

Изменение понятия личности в русском общественном сознании началаXX в. (на материале романа Ю. Олеши «Зависть»)

Воевода Д.В.
Русская Христианская Гуманитарная Академия,
Россия, 191011, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15.
E-mail: Daria_viktorovna1990@mail.ru

Аннотация. Октябрьская революция в России привела к коренной ломке прежних общественных установлений: история стремительно движется вперед, происходят необратимые социальные и политические изменения, в этих условиях меняется и сам человек. Интеллигент оказывается оторванным от полноценной жизни, он боится мыслить и творить по порыву души, а всю поддержку и лавры получает деятельная личность, уподобляемая машине. Но все же человек остается человеком, а каждый индивид в любой период истории играет особую, никем не заменимую роль. Юрий Олеша раскрывает свое понимание личности на примере героев неоднозначного романа начала XX в. «Зависть».

Ключевые слова: личность, индивид, человек, интеллигент, изменение личности, сознание.

Для цитирования: Воевода Д.В. 2020. Изменение понятия личности в русском общественном сознании началаXX в. (на материале романа Ю. Олеши «Зависть»). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 572–578. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-572-578

Change in the concept of personality in the Russian social consciousness at the beginning of the XX century (based on the novel "Envy" by Yu. Olesha)

Daria V. Voevoda
Russian Christian Academy for Humanities,
15 Fontanka river embankment, Sankt-Peterburg, 191011, Russia.
E-mail: Daria_viktorovna1990@mail.ru

Abstract. In the article the author writes about a change of a person in a new historical space in the XX century after the October Revolution based on the novel "Envy" by Yury Olesha. The novel displays how a new ideal of personality is formed, as a machine. An intelligent, as a representative of the past, does not fit the new reality any more. The intelligent is afraid to think and create, he is divorced from a full life. The change of a person occurs according to the plan. The plan aims to make the subject better than the past generation's human. If a person is treated as a material, like a thing, then the person should not have any feelings. However, Yury Olesha writes it is not so, a man remains a man both in capitalist and in socialist societies. Yury Olesha also reveals his understanding of the person with the example of the heroes in his novel. He does not only narrate events, but also plunges into the inner world of one of the heroes. Thereby the integrity of the person’s perception and all its surrounding world is achieved.

Keywords: Personality, individual, person, intelligent, change of personality, consciousness.

For citation: Voevoda D.V. 2020. Change in the concept of personality in the Russian social consciousness at the beginning of the XX century (based on the novel "Envy" by Yu. Olesha). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 572–578 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-572-578

Новый мир развивается быстро и стремительно. Кажется, что рубеж эпох – это обязательно время перемен, время появления нового человека, основательно отличающегося от человека прошлого. Начало XX века – один из самых сложных периодов в истории России. После революции общество берется строить новый мир, который должен принципиально отличаться от старого. Этот новый мир вводит свои идеалы и стандарты. В культуре превалируют образы рабочего и колхозницы, высокое значение в обществе приобретают такие слова, как «индустриализация», «машина», «техника», «наука», «труд», «равенство» и др. Формируется особый тип личности – человек нового мира, будущего. Конечно, он выступает противоположностью и намеренно противопоставляется личности прошлого, в частности, интеллигенту. Новый субъект должен обладать другими характеристиками, совершенно не свойственными прежнему человеку, жившему в дореволюционной России. Эта тема новой личности, человека в революции, широко представлена в произведениях писателей русской литературы XX в. Чтобы упомянуть лишь самые громкие имена, стоит назвать роман М.А. Булгакова «Белая гвардия», роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», повесть А.Н. Толстого «Гадюка», повесть Б.А. Лавренева «Сорок первый». Все эти и многие другие произведения выдающихся русских авторов посвящены эпохе гражданской войны, которая круто переломила судьбы целых поколений и классовых сословий, в том числе и интеллигенции. В это время неизбежно ощущение катастрофы, и падение старого мира неминуемо приводит к появлению личности нового типа.

Писатель-сатирик, драматург и поэт Юрий Олеша пишет о человеке в новом мире, и проблема судьбы интеллигента в советском государстве является для него не просто абстрактным представлением, но личной насущной задачей. Сам Юрий Карлович был родом из семьи обедневших польских дворян, его «мировоззрение начало складываться в дореволюционные годы» [Белинков, 1997, с. 30]. Поэтому, когда ему пришлось жить и работать в советский период, то далеко не всегда получалось соответствовать цензурным рамкам нового индустриального мира, не всегда удавалось быть понятым советским правительством. Нестандартный автор как никто другой чувствовал проблемы своего времени и старался донести их до читателя в своих сочинениях.

Юрий Олеша видит, что новый мир в буквальном смысле переделывает личность, что в зарождающемся государстве персона воспринимается как сырье для строительства будущего общества. «Да здравствует реконструкция человеческого материала, всеобщая инженерия нового мира» [Олеша, 1956, с. 251], – пишет он с иронией в рассказе «Человеческий материал» в 1928 г. Реконструкция индивида, которая проходит по определенному плану, предпринимается для того, чтобы нынешний субъект стал лучше представителя предшествующего поколения. Если человек – это материал, наподобие вещи, то ему не должны быть свойственны какие-либо чувства, но Юрий Олеша уверен, что это не так, что человек остается человеком и в капиталистическом обществе, и в социалистическом. Перед советским обществом встал вопрос выбора идеалов нового человечества (принципов духовности, гуманности), определяющий среди прочего и характер его взаимоотношений с человеком уходящей эпохи, с интеллигентом. При таком столкновение прежнего мира и будущего предельно заостряется проблема наличия чувств у новой личности. В своем романе Юрий Олеша как раз сводит вместе два эти типа личности – человека ново-

го времени и прошлого. На примере этого произведения я постараюсь показать, какие изменения в начале XX в. в России претерпевает само понятие личности.

Персонажи, выведенные в романе, четко разделены на два противоборствующих лагеря, образующих каждый свою систему: личности старого времени и нового. Современный философ и филолог И.П. Смирнов характеризует взаимоотношения этих систем как «столкновение социокультурных парадигм, неодинаковых по своей ценности для будущего» [Смирнов, 2012]. Исследователь Бурдин В.И. называет возникающий между ними конфликт «борьбой различных концепций личности» [Бурдин, 1968, с. 12]. Нужно добавить, что в романе еще присутствует безликая толпа, которая с интересом наблюдает за «персонажами». Толпе любопытен финальный результат их действий, она неожиданно появляется в некоторых эпизодах романа, следит за взаимоотношениями личности прошлого и персоны нового времени, не акцентирует внимание на индивидуальности прошлого и радостно встречает нового человека.

Личность прошлого в тексте представлена такими персонажами, как Николай Кавалеров, Иван Бабичев, Анечка, личность нового времени – такими, как Андрей Бабичев, Володя Макаров, Валя. В этом произведении все образы выписаны ярко и выразительно. Личности будущего свойственны черты в основном положительные: подобный человек пышет здоровьем, сытостью, трудолюбием, чистотой, здравомыслием, так и видится на лицах этих героев здоровый румянец. Например, персонаж по имени Андрей Бабичев в начале романа изображается в манере Владимира Маяковского (видимо, чтобы у читателя в дальнейшем сохранялась ассоциация с активистом XX в.) – колкие, цепкие слова и фразы создают представление о человеке деятельном, индустриальном и мощном, о настоящем мужчине. По роду деятельности он строитель пищевого цеха, изготовитель конфет и колбасы, потому и наделяется прозвищем «колбасник». Его протеже, Володя Макаров нарисован как народный любимец, подающий большие надежды в футболе, заядлый спортсмен, ориентирующийся на победу команды, а не на красоту индивидуальной игры (в отличие от его противников – немцев). Валя – еще чистый ребенок, но в недалеком будущем красивая женщина и жена Володи. Вех этих представителей нового мира объединяет общее дело, направленное на благо всего народа – строительство предприятия «Четвертак». Андрей Бабичев возглавляет строительство, Володя и Валя мечтают пожениться в день его открытия.

Личности уходящего времени в романе показаны как пережиток прошлого: больные, нищие, подверженные предрассудкам, выжившие из ума, казалось бы, совершенно ненужные в будущем. Новая личность пытается спасти человека прошлого, найти ему применение в современном обществе, но мировоззрения их слишком разные и дореволюционный вид обречен на вымирание, «догнивая» в своих трущобах. Его представитель не понимает целей нового субъекта и не способен достичь таких же успехов. Постоянные искания и метания порождают в душе подобной персоны зависть, чувство досады, которое внешнее благополучие личности нового времени лишь усиливает. Личность уходящей эпохи не может полноценно реализовать себя в новом мире, не в последнюю очередь потому, что такой индивид заранее воспринимает существующую действительность негативно, считает ее неправильной и губительной для всего человечества. Он боится, что в настающие времена не остается больше места семье, любви, жалости, гордости, ревности, что почти все чувства, из которых прежде состояла душа человека, становятся излишни. Хватающийся за прошлое персонаж считает, что «эра социализма создаст взамен прежних чувствований новую серию состояний человеческой души» [Олеша, 1956: 86], но новые чувства не создаются: все так же существует любовь между Валей и Володей, попрежнему возникает чувство жалости, которое Андрей Бабичев испытывает к бездомному Николаю Кавалерову. Человек остался человеком. Личность уходящего времени ощущает страх перед машиной, опасается быть порабощённой ею или даже убитой. Личность новой эпохи с радостью принимает все новые изобретения и ничего не боится. Прежний ин-

теллигент считает себя значительнее еще только формирующейся индивидуальности, чувствует, что не вмещается в рамки нового мира.

Интересно, что в романе можно выделить ключевую фигуру, которую автор наделяет собственными качествами, воспоминаниями и жизненным опытом (главную тайну романа Олеша выдал в речи на Первом съезде советских писателей в 1934 г. [Сухих, 2013, с. 210]) – это Николай Кавалеров. Вся первая глава написана от его имени, и, переходя ко второй главе, по ходу развития сюжета читатель мысленно делает акцент именно на его персоне. Кажется, этот ход автором был избран неслучайно, ведь без погружения во внутренний мир одного из героев роман был бы не полон. Целостности восприятия личности и всего ее окружающего трудно достичь без показа душевного мира, без ощущений индивида, его мыслей, чувств, желаний. «Все попытки внешнего познания мира, – как утверждал Бердяев, – без погружения в глубь человека, давали лишь знание поверхностных вещей. Если идти от человека вовне, то никогда нельзя дойти до смысла вещей, ибо разгадка скрыта в самом человеке» [Бердяев, 2015, с. 254].

Николая Кавалерова оскорбляет равнодушие колбасника. Николай осознает, в какой век он живет, и отдает себе отчет, что его молодость «совпала с молодостью века» [Олеша, 1956, с. 39]. Он мечтает родиться в Европе, так как именно там, по его мнению, одаренный человек может достигнуть славы, если сделает что-нибудь замечательное. Николай Кавалеров рассуждает, что «в нашей стране дороги славы заграждены шлагбаумами… Одаренный человек должен потускнеть, либо решиться на то, чтобы с большим скандалом поднять шлагбаум» [там же]. Он хочет показать силу своей личности, жаждет славы. Но «теперь мне сказали: не то, что твоя, – самая замечательная личность – ничто» [там же]. И Николай Кавалеров постепенно привыкает к этой мысли, хотя знает, что против этого можно и нужно спорить. Он испытывает зависть к людям, которые чего-то добились в новом веке. В будущем от человека требуется полезность, целеустремленность, реалистичный подход к событиям и вещам. Кавалерову это нестерпимо чуждо, для него личность сама по себе, по факту своего существования в мире, является высшей ценностью; воспринимать личность как вещь он не намерен. Назло «новому миру» Кавалеров хочет сотворить что-то нелепое, выказав тем самым бунт, протест по отношению ко всей этой реалистичности и полезности, и если удастся, сделать что-нибудь гениальное и необычное. Он стремиться лично «распоряжаться сам собой» [там же], видимо потому, что новая эпоха, не взирая на личности, делает их винтиками в огромной системе будущего общества.

Иван Бабичев характеризует Николая Кавалерова исходя из его фамилии как человека «высокопарного и низкопробного» [Олеша, 1956, с. 89]. Есть что-то в этой характеристике правдивого и существенного. Не просто так автор нарекает главного героя произведения подобной фамилией. Николай ведет себя словно кавалер – вроде и высокий, статный, но все же мелкий и несерьезный. В наступившие времена кавалеры, молодые успешные претенденты на руку и сердце дамы, уже другие – они не мечтают, а планируют и действуют: занимаются спортом, совершенствуются, не сидят без дела. Иван Бабичев оказался проницательным в отношении персоны Николая. Кавалеров и сам чувствует свою незначительность: постаревший и никому не нужный, мечтающим быть значимым.

Николаю Кавалерову 27 лет, он часто вспоминает отца в этом возрасте и с ужасом ассоциирует себя с ним. Самооценка у Николая Кавалерова низкая, себя он считает человеком несчастным. Живет бедно, иногда голодно, имея далеко не самые лучшие жилищные и имущественные условия. Поэтому новый и уютный диван Андрея Петровича Бабичева, на котором он мог спать целый месяц, наслаждаясь «упругими и девственными» [Олеша, 1956, с. 40] пружинами и постельным бельем с пуговками из твердой накрахмаленной материи, кажутся ему невероятным счастьем и напоминают детство. Да, видно, что Николай родом из благополучных дворянских семей. Но на тот момент, в 20-е гг. XX в., Николай Кавалеров болезненно ощущает ничтожность своего существования: ни-

чего он не добился в жизни, даже ничего хорошего не имеет, кроме этого чужого дивана, да еще купленного им когда-то на рынке теплого синего одеяла.

Он осознает свою зависть и злобу к человеку новой эры и, можно сказать, к самой эпохе, в которую вынужден жить. Он пытается достучаться до представителя нового времени – Андрея Бабичева, показать ему свою значимость, продемонстрировать глубину и ценность своего «я», но безуспешно. Эта неудача его коробит и унижает. «А я, Николай Кавалеров, при нем (при Андрее Петровиче Бабичеве) шут» [Олеша, 1956, с. 28]. «Я ощущаю приятность от того, что, принимая косвенное участие в судьбе хлебопродукта Бабичева, я испытываю административный восторг. Но ведь роль моя ничтожна. Холуйская роль. В чем же дело? Я уважаю его? Боюсь его? – нет. Я считаю, что я не хуже, чем он. Я не обыватель. Я докажу это» [Олеша, 1956, с. 32]. Казалось бы, зачем ему это доказывать? Живи себе и живи, спи дальше на удобном диване в чистоте и уюте. Но все его нутро сопротивляется такому приспособленческому существованию. Николай Кавалеров хочет, чтобы его любили и уважали, и не меньше, чем уважают в обществе Андрея Петровича Бабичева. Но в наступившие времена никто просто так слушать и почитать не будет, ценят человека за его действия во благо общества. Андрея Бабичева ценят за работу, постоянную занятость ради народа. Николай Кавалеров же ничем существенным в жизни не занимается, и не слишком старается найти себе применение «как человек, прикрепленный к «дивану» [Игнатова, 2006, с. 12]. Андрей Бабичев создал качественный в экономическом и вкусовом отношении продукт для людей, в данном случае, колбасу. А вольный и гордый Николай Кавалеров сопротивляется тенденциям новой эпохи и не хочет, чтобы какая-то вещь руководила его личностью, его волей: «Кусок паршивой колбасы управляет моими движениями, моей волей. Я не хочу!» [Олеша, 1956, с. 49]. Хотя Николай представлен в романе как бездельник, ничего не добившийся в жизни, но это бездельник, мнивший себя чем-то великим и нужным.

Другая бездеятельная и бесполезная для нового общества личность – Иван Петрович Бабичев. Он – старший брат Андрея Бабичева, неудавшийся механик, выдумщик и пьяница, отец прекрасной девушки Вали. В романе Иван везде появляется с подушкой. Старая огромная перьевая подушка желтого цвета выступает своего рода символом прошлого. И Валя когда-то спала на этой подушке, и до Вали ей пользовалось много других людей. Подушку Иван Бабичев ассоциирует с историческими корнями, демонстрируя ее как «артефакт», так он просит «новую личность» вернуться назад, к былым временам, в противном случае грозиться уничтожить все вокруг при помощи несуществующей страшной машины Офелии. А Анечка – стряпуха, вдова, женщина, – коротает свой век и ни на что не жалуется. Она тоже относится к категории людей уходящей эпохи: на жизнь зарабатывает тем, что кормит артель парикмахеров и совершенно не придает значения тому, что тут же, в грязном коридоре, где она устроила кухню, питаются и дворовые кошки, в отличие от человека новой эпохи – Андрея Бабичева, который преследует конкретную цель – сыто накормить людей с наименьшими затратами, и тем самым оказывается выгоден советскому государству. Но, если Николай Кавалеров и Иван Баличев являются интеллигентами, то Анечка принадлежит к более низким слоям прежнего общества, чем тоже раздражает главного героя. В то же время Андрей Бабичев – брат Ивана Бабичева, которого также можно отнести к интеллигентному сословию, преодолел в себе это и превратился в личность индустриального мира.

В новом советском будущем нет места интеллигенту – человеку прошлой эпохи. Андрей Бабичев равнодушен к Николаю Кавалерову, который для него – пустое место: в любой момент колбасник может выставить Кавалерова за дверь, как только вернется на свой диванчик футболист. Футболист же, Володя Макаров, молодой незаменимый игрок, спортсмен, хотя и подает высокие надежды в своем деле, тоже не обделен плохими качествами. Если в Бабичеве еще осталась капля сострадания к ближнему, то Володя Макаров уже яростно презирает подобные сантименты и относится к спасению бездомного и нуждающегося человека крайне негативно. Футболист не почитает своих родителей, не любит

свою Родину. Город, где он родился и где живет его родной отец, кажется ему скучным и никчемным. По сути, Андрей Бабичев – его новый отец, сам же Андрей не против такого родства, он с удовольствием считает Макарова своим сыном и с нетерпением ждет его возвращения. А между тем футболист оказывает на колбасника невероятно большое влияние: во многом из-за него Андрей не обращает внимания на Николая Кавалерова, не разрешает общаться Вале со своим отцом, гонит того прочь, будто забывает, что Иван его родной брат. Андрей видит в Макарове «эталон» будущего человека и во всем с ним соглашается. Не исключено, что именно влияние Макарова и сильное желание быть отцом передового советского человека гонит Андрея Бабичева из интеллигентного мира уходящей эпохи.

Андрей Бабичев, как и любой другой человек новой эры, по-другому стал воспринимать духовные достижения, наделяя непривычным значением разные метафизические категории. Например, время для новой эпохи – понятие техническое [Олеша, 1956, с. 97], а для старой – это прежде всего чувство. Новый человек презирает древние, прославленные поэтами и самой музой истории чувства. Чувства – это несерьезно, как несерьезна и смешна рифма. Рифма же, поэзия, стихи, понимаемые как спонтанное изъявление чувств, как свободное выражение личности, были крайне важной стороной жизни для интеллигента, человека уходящего века. Не менее важно, чем самоубийство, которое тоже может быть проявлением личности, не лишенным поэзии и романтизма. Самоубийство для нового, прагматичного индивидуума – это пережиток, глупое и неоправданное действие. Андрей Бабичев с ухмылкой предлагает Николаю Кавалерову повеситься на самом видном месте – «под подъездом ВСНХ, на Варшавской площади» [Олеша, 1956, с. 39] для большего эффекта.

Понятие личности, как показывает анализ персонажей Олеши, изменяется лишь внешним образом, внутренне же человек остается человеком со всеми его пороками и добродетелями. С внешней стороны появляется стереотип «человек-машина», которого до этого времени не было, но мечта советского человека не может стать реальностью. «Человек-машина» в действительности понятие невозможное, хотя бы потому, что человек – существо живое, наделено чувствами и разумом. «Если человек будет сознавать себя одной из внешних, объективированных вещей мира, – считал Бердяев, – то он не может быть активным познающим субъектом» [Бердяев, 2015, с. 254]. Культуролог Л.М. Баткин высказал интересную мысль по поводу Ренессанса: «Замысел типа культуры никогда не совпадает с ее актуальным существованием» [Баткин, 2015, с. 37], и эту истину можно соотнести не только с эпохой Возрождения, которая является основной темой творчества Л.М. Баткина, но и сопоставить с любым другим периодом истории. Несмотря на все устойчивые изменения и появление новых культурных особенностей уже советской действительности, человек все равно остается человеком: он не может быть заменен машиной или переделан в вещь, даже при большом желании. Человек во все времена будет представлять собой творческую личность. Личность, которая в государстве «заявляет себя, занимает определенное место, входя в него как “один из”» [Сапронов, 2014, с. 7]. «Более того, она существует еще и благодаря восприятию ее со стороны других или чужих» [Сапронов, 2014, с. 7]. Поэтому интеллигенту есть место в новом мире, как и любому другому человеку.

Мир в XX в. развивается стремительно: «Как быстро авиация стала промышленностью… Летательные машины перестали быть похожими на птиц… Летательная машина похожа теперь на тяжелую рыбу» [Олеша, 1956, с. 51]. И человек старого времени, в том числе интеллигент, не успевает за новыми веяниями, в лучшем случае ухитряясь лишь приспосабливаться, выживать, но не жить. Личность нового времени и личность уходящего века будто живут на разных планетах. Слишком поэтичен и чувствителен человек прошлого, слишком деятелен и конкретен человек будущего.

Список источников

1. Олеша Ю. 1956. Зависть. В кн.: Олеша Ю. Избранные сочинения. М., Государственное издательство художественной литературы, 25–128.

2. Олеша Ю. 1956. Человеческий материал. В кн.: Олеша Ю. Избранные сочинения. М., Государственное издательство художественной литературы, 249–253.

3. Смирнов И. 2012. Роман и смена эпох: «Зависть» Юрия Олеши. Звезда: литературно-художественный общественно-политический независимый журнал. (8) URL: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1877 (дата обращения 8 июля 2018).

Список литературы

1. Баткин Л.М. 2015. Собрание избранных работ в шести томах. Т. 2: Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., Новый хронограф: 504 с.

2. Белинков А. 1997. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. М., РНК Культура, 536 с.

3. Бердяев Н.А. 2015. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. В кн.: Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., Академический проект; Екатеринбург, Деловая книга. 522 с.

4. Бурдин В.И. 1968. Проблема личности в творчестве Юрия Олеши и художественная индивидуальность писателя. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 19 с.

5. Игнатова А.М. 2006. Роман Ю.К. Олеши «Зависть»: история создания; опыт научного комментария. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 24 с.

6. Сапронов П.А. 2014. Человек среди людей. СПб., Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 363 с.

7. Сухих И.Н. 2013. Русский канон: книги XX века. М., Время: 864 с.

References

1. Batkin L.M. 2015. Sobranie izbrannyh rabot v shesti tomah. Vol. 2: Leonardo da Vinchi i osobennosti renessansnogo tvorcheskogo myshleniya [Collection of selected works in six volumes. T. 2: Leonardo da Vinci and features of Renaissance creative thinking]. M., Novyj hronograf: 504 p.

2. Belinkov A. 1997. Sdacha i gibel' sovetskogo intelligenta. YUrij Olesha. [The surrender and death of the Soviet intellectual. Yuri Olesha]. M., RNK Kul'tura: 536 p.

3. Berdyaev N.A. 2015. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka [Sense of creativity. Experience of human justification]. In: Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka [Philosophy of freedom. Sense of creativity. Experience of human justification]. M., Akademicheskij proekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga, 522 p.

4. Burdin V.I. 1968. Problema lichnosti v tvorchestve YUriya Oleshi i hudozhestvennaya individual'nost' pisatelya. [The problem of personality in the work of Yuri Olesha and the artistic individuality of the writer]. Avtoref. dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. filol. nauk. M., 19 p.

5. Ignatova A.M. 2006. Roman YU.K. Oleshi «Zavist'»: istoriya sozdaniya; opyt nauchnogo kommentariya [The novel "Envy" by Yury Olesha**:** the history of creation; experience of scientific comment]. Avtoref. dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. filol. nauk. M., 24 p.

6. Sapronov P.A. 2014. Chelovek sredi lyudej [Human among people]. SPb., Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii: 363 p.

7. Suhih I.N. 2013. Russkij kanon: knigi XX veka [Russian canon: the books of the 20th century]. M., Vremya, 864 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воевода Дарья Викторовна, аспирант кафедры философии и религиоведения Русской Христианской Гуманитарной Академии, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria V. Voivode, postgraduate of the Department of Philosophy and Religious Studies of the Russian Christian Academy of Humanities, Sankt-Peterburg, Russia

УДК 316.2
DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-579-588

Социологический анализ распространения виртуальных мобильностей как формы виртуализации пространственных перемещений (на основании социологии мобильностей Джона Урри)

Ходыкин А.В.
Самарский государственный экономический университет,
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской армии, 141
E-mail: khodykin8@gmail.com

Аннотация. Представлено исследование виртуальных мобильностей как возможностей преодоления сопротивления физического пространства посредством создания его виртуального образа. На основании трудов британского социолога Джона Урри автором исследованы виртуальные мобильности с точки зрения социологии пространства. Анализ социологии мобильностей Урри позволил выделить в его работах три хронологических этапа становления мобильностей, связанных с изобретением и внедрением новой техники и технологий. Первый этап (XIX век) связан с механизацией передвижения. Второй этап (XX век) включает в себя массовое производство двигателей внутреннего сгорания, их совершенствование и появление новых видов транспорта. Третий этап (рубеж XX–XXI веков) характеризует революционное развитие коммуникации за счёт резкого повышения мобильности информации, что сделало возможным активное развитие виртуальных мобильностей. Виртуальные мобильности делают отдалённые в физическом пространстве события близкими в виртуальном пространстве и доступными для виртуального участия в них. Автором исследованы сервисы онлайн карт, содержащие панорамные изображения; спутниковые снимки и фотографии населённых пунктов; видеозаписи поездок; фильмы о путешествиях; виртуальные экскурсии; образовательные виртуальные мобильности; видеопутешествия по экстремальным местам и виртуальные путешествия в космическом пространстве. Социология мобильностей Урри стала исходной точкой для теоретизирования, формирующего социологию виртуальных мобильностей. Все остальные концепции, будь то социология пространства или теории виртуальности, становятся дополнительными ресурсами для теоретизирования.

Ключевые слова: Джон Урри, виртуальная реальность, пространство, социальная теория.

Для цитирования: Ходыкин А.В. 2020. Социологический анализ распространения виртуальных мобильностей как формы виртуализации пространственных перемещений (на основании социологии мобильностей Джона Урри). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 45 (3): 579–588. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-579-588

Sociological analysis of the spread of virtual mobility as a form of spatial movement virtualization (based on John Urry's sociology of mobility)

Alexander V. Khodykin
Samara State Economic University,
141 Sovetskoy Armii St, Samara, 443090, Russia
E-mail: khodykin8@gmail.com

Abstract. The paper presents a study of virtual mobility as a way to overcome the resistance of physical space by creating a virtual image of it, which allows a person to be in a different place from where he is physically,

through virtual reality. Based on the works of the British sociologist John Urry, the author investigated virtual mobility from the point of view of the sociology of space. The analysis of the sociology of mobility of Urry allowed us to identify three chronological stages of the formation of mobility associated with the invention and introduction of new techniques and technologies. The first stage (XIX century) is associated with the mechanization of movement. The second stage (XX century) includes mass production of internal combustion engines, their improvement and the emergence of new modes of transport. The third stage (the turn of the XX–XXI centuries) characterizes the revolutionary development of communication due to a sharp increase in the mobility of information, which made possible the active development of virtual mobility. Virtual mobility makes events that are remote in physical space close in virtual space and available for virtual participation in them. The author has studied the following information technology capabilities: online map services containing panoramic images; satellite images and photos of localities; video recordings of trips; travel films; virtual excursions; educational virtual mobility; video trips to extreme places and virtual travel in Outer Space. Urry's sociology of mobility has become the starting point for the theorizing that forms the sociology of virtual mobility. All other concepts, whether it is the sociology of space or the theory of virtuality, become additional resources for theorizing.

Keywords: John Urry, mobility, virtual reality, space, social theory.

For citation: Khodykin A.V. 2020. Sociological analysis of the spread of virtual mobility as a form of spatial movement virtualization (based on John Urry's sociology of mobility). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 45 (3): 579–588 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-579-588

Введение

Пожалуй, наибольший вклад в теорию пространственных мобильностей за всю историю социологической мысли внёс британский социолог Джон Урри, создавший оригинальную теорию мобильностей, исследующую перемещение людей не в социальном, как это делали большинство социологов, начиная с Питирима Сорокина [Сорокин, 1992], а в физическом пространстве. В своей работе «Мобильности» Джон Урри доказывает на множестве исторических примеров и технических фактов тезис о том, что развитие технологий даёт людям новые возможности для пространственных перемещений, которые становятся основой жизни и развития современной цивилизации [Урри, 2012]. «Движение как ключевой социологический феномен и понимание организации всей социальной жизни через конкретно-исторические исследования социальных и технических систем, обеспечивающих это движение», – именно так Н.А. Харламов обозначил основное кредо социологии мобильностей Урри [Харламов, 2012, с. 10].

Пространственное устроение социальной жизни, а также влияние особенностей физического пространства на действия социальных акторов исследуются социологией пространства [Lefebvre, 1974; Филиппов, 2001; 2003; 2008; Звоновский, 2009; Ходыкин, 2019а]. Физическое пространство оказывает сопротивление действиям социальных акторов посредством дистанций, которые акторам необходимо преодолевать, и свойств среды, в которой локализованы действия акторов. Чтобы переместиться из точки А в точку Б, нужно затратить усилия, объём которых зависит от дистанции между точками в пространстве и особенностей среды, в которой происходит перемещение. Таким образом, мобильности в физическом пространстве есть результат преодоления акторами сопротивления данного пространства. Совершенствование технологий повышает эффективность преодоления человеком сопротивления физического пространства, в результате чего происходит то развитие мобильностей, которое стало центральной темой социологии Джона Урри. Прочтение теории мобильностей Урри в контексте социологии пространства даёт возможность проследить то, как увеличение возможностей человека преодолевать сопротивление физического пространства приводит к совершенствованию уже имеющихся и появлению новых видов мобильностей, а также выделить виртуальные мобильности как осо-

бый вид преодоления сопротивления физического пространства, характерный для информационной эпохи. Решению этих задач посвящена данная работа.

Анализ теории мобильностей Урри в контексте социологии пространства

На основании анализа творчества Джона Урри можно выделить три ключевых этапа формирования мобильностей, связанных с изобретением и внедрением парадигмально новой техники и технологий, революционно изменивших способность человека к эффективному преодолению сопротивления физического пространства.

Первый этап (XIX век). Механизация передвижения. До этого времени передвижение осуществлялось за счёт тяговой силы животных на суше и ветра на воде (паруса). Появление двигателей резко повысило скорость и грузоподъёмность средств передвижения, что нашло наиболее значимое отражение в железнодорожном транспорте. Появление железных дорог дало людям возможность быстро перемещаться на бóльшие расстояния, что в прежние времена было невозможным. Это привело к бурному развитию туризма в конце XIX века, когда путешествия стали доступны относительно широкому кругу населения развитых стран. Развитию туризма как особого вида массовых мобильностей Урри уделяет отдельное внимание в работах, посвящённых исследованию феномена «взгляда туриста» [Urry, 1990; 2000].

Второй этап (XX век). Массовое производство двигателей внутреннего сгорания, их совершенствование и появление новых видов транспорта. Конвейерное производство двигателей сделало доступными личные автомобили, что повысило мобильность большего числа людей. Совершенствование двигателестроения сделало возможным создавать крупные суда с мощными двигателями, в результате чего мобильность грузов значительно повысилась за счёт резкого повышения грузоподъёмности, безопасности и скорости передвижения по морю. Появление авиации дало человеку возможность перемещаться в новом воздушном пространстве, специфика которого позволяет преодолевать его со значительно большей скоростью. Появление авиации и активное использование автомобилей сделали возможным массовое перемещение людей, товаров и технологий по всей Земле. В работах, посвящённых «автомобильности», Урри характеризует развитие автомобилестроения и повышение доступности автомобилей как важнейший драйвер развития глобальных мобильностей как товаров, так и людей [Urry, 1999; 2003; 2004; Featherstone et al., 2005]. Для перемещения товаров революционное значение, по Урри, имеет появление контейнерных морских перевозок, значительно удешевивших транспортировку грузов. Современные суда, гружённые огромным количеством контейнеров, заполненных товарами, способны относительно быстро и с меньшей по сравнению с другими видами перевозок стоимостью перевозить грузы в отдалённые от их производства точки Земли. Книгу «Офшоры» Урри посвятил формированию новых экономических отношений под влиянием развития мобильностей. Автор показывает, как широкие возможности перемещения рабочей силы, товаров и производств способствуют созданию офшорных зон, экспорту производства и его издержек из развитых в менее развитые страны, формированию новых видов социально-экономического неравенства, как между странами, так и между отдельными людьми и появлению других социальных рисков [Урри, 2017].

Третий этап (рубеж XX–XXI веков). Революционное развитие коммуникации за счёт резкого повышения мобильности информации. Сегодня наиболее эффективно преодолевать сопротивление физического пространства способны информационные потоки, мобильность которых перестала зависеть от мобильности их материальных носителей. Развитие информационных технологий позволило людям даже на дальних расстояниях мгновенно обмениваться информацией и тиражировать её, что привело к четвёртой промышленной революции и появлению информационного общества. Для этого этапа харак-

терно развитие нового вида мобильностей, связанного с телекоммуникационными технологиями и появлением Интернета – виртуальных мобильностей, о которых мы подробно поговорим далее.

Джон Урри, разрабатывая социологию мобильностей, выделяет в ней также и системы мобильностей, которые определяются как «комплекс социальных отношений и материальной инфраструктуры, который делает определенный вид перемещения возможным» [Харламов, 2012, с. 24]. Системы мобильностей создают социальную и предметную структуру, упорядочивающую свободные потоки мобильностей. Если мобильности представляют собой способ преодоления сопротивления физического пространства для перехода в иную его точку, то системы мобильностей – это инструменты, обеспечивающие наиболее эффективный переход в иную точку физического пространства. В контексте виртуальных мобильностей системы мобильностей создаются системами материальных объектов, делающих виртуальную реальность возможной, т.е. видеокамер, серверов, компьютеров и т.д., а также правил и законов, регулирующих виртуальные мобильности.

Джон Урри классифицирует мобильности на пять видов [Урри, 2012]:

1. Физическое перемещение людей в пространстве. Подробно охарактеризовано выше при описании первых двух этапов формирования мобильностей. Сопротивление физического пространства преодолевается здесь телами людей.

2. Физическое перемещение объектов в пространстве. Также охарактеризовано выше при описании первых двух этапов формирования мобильностей. Сопротивление физического пространства преодолевается различными техническими объектами и грузами.

3. Воображаемые путешествия. Это «путешествия», осуществляемые в сознании человека при помощи имеющихся у него образов пространств, полученных из книг, фильмов, рассказов, фотографий, картин и т.д. Такие путешествия стали возможны благодаря совершенствованию знаний человечества, повышению их массовой доступности и информированности людей относительно пространственно отдалённых регионов в рамках становления информационного общества. Сопротивление физического пространства в данном случае преодолевается не при помощи пространственного перемещения людей и объектов, а силой воображения и ресурсами накопленных человечеством знаний. В таком случае недостаток ресурсов, необходимых для физических путешествий, компенсируется информационными ресурсами.

4. Коммуникационные мобильности, осуществляемые «посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон» [Урри, 2012, с. 136]. Сопротивление физического пространства преодолевается информационными потоками и коммуникационными сетями, делающими пространственно отдалённых социальных акторов коммуникационно близкими.

5. Виртуальные мобильности – это возможность быть не в то время или не в том месте, в котором человек находится физически, и видеть, слышать, чувствовать что-либо, пребывать в какой-либо ситуации посредством виртуальной реальности. Виртуальное пространство становится цифровым образом реального физического пространства [Хоружий, 1997; Грицанов и др., 2003; Рузавин, 2010]. Преодоление сопротивления физического пространства осуществляется за счёт его замещения виртуальным аналогом, путешествовать в котором значительно проще. Виртуальные мобильности делают отдалённые в физическом пространстве и (или) во времени события близкими и доступными для пусть и виртуального, но всё же участия в них. Телевизионные трансляции, виртуальные экскурсии по музеям, видеосъёмки природных объектов, видеозаписи лекций – всё это примеры виртуальных мобильностей. Виртуальные мобильности можно разделить на трансляционные и нетрансляционные. Первые предполагают удалённое виртуальное участие в событии в одно время с его совершением. К ним относятся прямые трансляции, изображения с камер наблюдения в онлайн режиме, вебинары и т.п. Для вторых не выполняется требование единства во времени события и виртуального участия в нём актора. Сюда можно от-

нести видео- и аудиозаписи лекций, видеоэкскурсии по музеям, телепередачи о путешествиях в дальние страны и т.д.

Анализ корпуса работ Джона Урри в контексте социологии пространства показывает, что социолог акцентировал внимание на создании научно-техническим прогрессом новых средств передвижения и более совершенной инфраструктуры (систем мобильностей) как ресурсов для трансформирующего социальные явления более эффективного преодоления сопротивления физического пространства. В своей работе «Мобильности» он также выделяет, но не исследует подробно воображаемые путешествия, коммуникационные и виртуальные мобильности [Урри, 2012]. Однако, не интегрируя ресурсы социологии пространства в свою теорию мобильностей, Урри не уделил достаточного внимания исследованию создаваемой модели физического пространства в виртуальном пространстве, не оказывающем физического сопротивления перемещениям в нём. Таким образом, более эффективно преодолевать сопротивление физического пространства человек может посредством (1) совершенствования средств передвижения и необходимой для их использования инфраструктуры, (2) создания электронных коммуникационных сетей для мобильностей потоков информации, (3) создания в виртуальном пространстве моделей физического пространства и событий, объектов и перемещений в нём. В первом случае осуществляется мобильность физических объектов (человека и техники) в физическом пространстве, во втором – мобильность информации в физическом пространстве, а в третьем – мобильность воспринимаемых человеком виртуальных образов реальных перемещений, событий или объектов в виртуальном пространстве. Подробнее исследуем виртуальные мобильности на комплексе примеров.

Исследование новых возможностей для виртуальных мобильностей

На сегодняшний день, благодаря развитию цифровых технологий и их массовому внедрению в жизнь людей появляется большое количество новых возможностей для виртуальных мобильностей. Проанализируем некоторые недавно появившиеся возможности.

1. Сервисы онлайн-карт, предоставляющие возможности использования панорамных изображений, снимков со спутников и размещённых пользователями фотографий. Сегодня большинство сервисов онлайн-карт содержат функцию просмотра панорамных изображений и фотографий, покрывающих большинство населённых пунктов Земли. Панорамные изображения, созданные на основании данных, полученных путешествующими по населённым пунктам автомобилями с панорамными камерами, позволяют человеку не только осмотреть местность съёмки с возможностью вращения камеры на 360 градусов, но и возможность передвигаться по карте при помощи специальных стрелок. В результате пользователь получает ощущение полного присутствия на дорогах и в населённых пунктах. Причём в некоторых случаях есть возможность сравнить состояние данной местности с её состоянием в предыдущие годы при помощи выбора года съёмки. В таком случае виртуальная мобильность становится возможной не только в пространстве, но и во времени. Спутниковая карта Земли даёт возможность просматривать сверху практически всю поверхность нашей планеты. А возможность размещения фотографий на электронных картах предполагает коммуникацию между пользователями, добавляющими на местность её фотографии. Люди активно добавляют свои фотографии деревень, природных объектов и городских пейзажей, конкретизируя тем самым карту местности изображениями мест. Особого внимания заслуживает специально созданный для виртуальных путешествий проект Google Earth, создающий 3-D карту Земли. Такая карта представляет собой виртуальную модель Земли, предназначенную для обзора и перемещения по ней, т.е. для мобильности пользовательского восприятия в виртуальной модели физического пространства Земли – 3-D карте. При этом возможности виртуальных мобильностей уже выходят

за пределы Земли. Корпорация Google совместно с партнёрами создала и активно развивает проект создания 3-D карты Марса[1]. Таким образом, виртуально путешествовать, хотя пока и со значительными ограничениями, можно уже и по Марсу.

2. Дорожные видеозаписи. В последнее время на видеохостингах стали активно размещаться видеозаписи поездок, в особенности, железнодорожных. Появляются тематические каналы, полностью посвящённые таким видео. Причём никаких рассказов в них нет: просто размещается камера у окна, пишется звук, а зритель получает аудиовизуальное ощущение поездки[2], симулирующее реальное железнодорожное путешествие. Такие видеозаписи содержат поездки в разное время суток и года по разным ландшафтам местности и характеризуются большой длительностью видео – встречаются записи, длящиеся по 12–15 часов. Примечательно, что они имеют большую популярность у пользователей: видео железнодорожных поездок набирают более сотни тысяч просмотров, что свидетельствует о наличии у людей спроса на такие виртуальные поездки. В наиболее популярных комментариях к таким видео пользователи отмечают создающееся у них ощущение реальности поездки и делятся воспоминаниями о своих реальных путешествиях, а также отмечают ценность для них возможности совершать железнодорожные путешествия, не покидая дома. Виртуальная мобильность в данном случае создаётся восприятием реальной мобильности в физическом пространстве (поездки), отражённой в его виртуальной модели (видеозаписи этой поездки).

3. Фильмы о путешествиях. Такие фильмы, рассказывающие о путешествиях в интересные точки нашей планеты, ранее снимались телевизионными компаниями, но в последнее десятилетие стали сниматься и видеоблогерами. В том числе благодаря подобным фильмам пространство присутствия отдельно взятого человека значительно расширяется, так как виртуально человек может посетить гораздо больше мест, чем реально. Однако в данном случае есть важное ограничение: человеку представляется возможность увидеть мир глазами авторов фильма, т.е. чужими глазами, в результате чего внимание зрителей акцентируется по желанию авторов фильмов. Здесь виртуальная мобильность создаётся посредством восприятия зрителем передаваемого автором нарратива, отражающего результат реальной мобильности автора в физическом пространстве (путешествия).

4. Виртуальные экскурсии. Уже в 2000-е годы люди смогли увидеть экспонаты Эрмитажа, картины Третьяковской галереи и другие культурные реликвии, не выходя из дома. Это стало доступным благодаря появлению виртуальных экскурсий по главным музеям и галереям разных стран. Люди получили возможность не только во всех подробностях и со всеми визуальными эффектами увидеть достопримечательности, но и послушать увлекательное повествование о них от специалистов в области истории, культурологии, искусствоведения и т.д. В данном случае виртуальная мобильность осуществляется в виртуальном пространстве, сконструированном авторами посредством сочетания виртуальных объектов, не имеющих реального воплощения, нарисованных с помощью компьютерных технологий и создающих виртуальную гиперреальность, и виртуальных моделей реально существующих или существовавших объектов (снимков произведений искусства, видеозаписей выступлений лектора и т.д.).

[1]См. URL: http://mars3dmap.com/#bookmark. Чтобы виртуально путешествовать по Марсу в лучшем качестве и с большими возможностями, нужно скачать приложение от Google по URL: https://www.google.com/intl/ru/earth/download/gep/agree.html и там в меню необходимо выбрать пункт – «планета Марс». Инструкции по выполнению всех необходимых действий см. URL: https://www.google.com/earth/ (дата обращения: 09.03.2020).

[2]Примеры таких видео: URL: https://www.youtube.com/watch?v=6t5yTlm_3s8, https://www.youtube.com/watch?v=DyYszhSST04, https://www.youtube.com/watch?v= GFQnOL-_aoI (дата обращения: 09.03.2020).

5. Образовательные виртуальные мобильности. Информационные технологии позволяют создавать виртуальное образовательное пространство, объединяющее образовательные информационные ресурсы из разных стран, городов, университетов. Видеолекции, онлайн курсы, вебинары и другие информационные ресурсы позволяют людям из любой точки планеты, где есть Интернет, виртуально посещать научные и образовательные мероприятия лучших учебных заведений мира, находящихся в разных странах. Виртуальная мобильность здесь может осуществляться посредством мобильности восприятия слушателя (1) в виртуальных моделях реальных событий (лекций) или (2) в виртуальном пространстве, дополненном элементами гиперреальности, в котором реальное событие (лекция) дополняется гиперреальными эффектами (компьютерной графикой, иллюстрирующей слова лектора).

6. Видеосъёмки наиболее экстремальных мест. Современная техника обладает высоким запасом прочности и способна записать видео и звук даже из самых экстремальных мест. Поэтому сегодня мы можем виртуально заглянуть в жерло вулкана, в Марианскую впадину, на льды Северного и Южного полюсов и другие подобные места. По Урри, данная техника становится продолжением взгляда человека в другое пространство, протезирующим объектом, дополняющим и компенсирующим несовершенство человеческого тела, которое не способно пребывать в экстремальных средах. Поэтому виртуальная мобильность становится единственным способом преодоления восприятием человека сопротивления физического пространства самых экстремальных мест.

7. Виртуальные путешествия по космосу. Фото- и видеокадры с МКС, планет и спутников Солнечной системы, а также фильмы о космосе, показывающие сконструированные изображения даже далёких от нас галактик, позволяют человеку увидеть то, что он в принципе не может увидеть своими глазами, побывать, хотя и виртуально, там, где реально побывать человеку невозможно. Стоит также отметить, что применительно к космической деятельности виртуальные мобильности используются не только на Земле. Примером виртуальных мобильностей может стать и психологическая поддержка космонавтов на МКС посредством аудиовизуальных образов, при которой космонавтам, находящимся в длительных экспедициях вдали от родной планеты, показывают фотографии и видео с Земли, содержащие изображения природы, родных членам экипажа мест на Земле, близких им людей и т.д. В данном случае космонавты посредством таких виртуальных мобильностей в своём сознании преодолевают сопротивление пространства, породившее их отдалённость от родного для них мира [Ходыкин, 2019б].

Список охарактеризованных нами здесь виртуальных мобильностей отнюдь не исчерпывает всю их палитру. Но представленные выше их виды остаются наиболее распространёнными и демонстрируют основные способы формирования виртуальных мобильностей. Мы надеемся, что даже небольшой комплекс рассмотренных здесь мобильностей хотя бы частично способен продемонстрировать многообразие виртуальных путешествий. Создание виртуальных образов реальных объектов делает эти объекты более близкими нам и удобными для нашего восприятия. В результате пространство присутствия (пусть даже и виртуального) человека в мире значительно расширяется и включает в себя пространства новых объектов, начиная от жерл вулканов и заканчивая космическими объектами.

Даже в современном мире, где у человека появились более широкие возможности для физических мобильностей, на него всё ещё действуют значительные пространственные ограничения, препятствующие его физическим перемещениям. Однако создание виртуальной модели реального физического пространства предлагает новый способ преодоления его сопротивления и значительно расширяет пространство пребывания человека. Количество мест, в которых среднестатистический современный человек побывал при помощи виртуальных путешествий, сильно превышает количество физически посещённых им территорий. Высокая популярность использования охарактеризованных нами видов виртуальных путешествий свидетельствует о них как о значимом социальном явле-

нии, изучение которого представляет высокий интерес для современной социологии. Поэтому виртуальные мобильности, которые активно развиваются в настоящее время, становятся предметом социологического анализа, теоретический инструментарий для которого был оставлен нам в наследство выдающимся британским социологом Джоном Урри.

Заключение

Преимущество социологии мобильностей Урри для исследования виртуальных мобильностей состоит в том, что Урри сумел создать теоретическую модель, позволяющую объединить перемещения в пространстве как источник производства социального в современном мире и виртуальную реальность как модель реального пространства в виртуальном. Использование теоретических ресурсов социологии пространства в контексте социологии мобильностей Урри позволило нам определить мобильности как способ преодоления сопротивления физического пространства. В случае мобильностей реальных объектов и людей в физическом пространстве его сопротивление преодолевается за счёт развития транспортных средств (социотехнических гибридов) и создания инфраструктуры (системы мобильностей). В случае виртуальных мобильностей это сопротивление преодолевается путём создания в виртуальном пространстве модели реального пространства, не оказывающего сопротивления перемещениям в нём. Таким образом, можно говорить о социологии виртуальных мобильностей, изучающей их как новый вид преодоления сопротивления физического пространства, ставший возможным благодаря развитию информационных технологий и появлению виртуальной реальности. Социология виртуальных мобильностей формируется на основании применения ресурсов социологии пространства к изучению виртуальных мобильностей в контексте социологии мобильностей Джона Урри.

Следующим теоретическим ходом становится применение ресурсов современной философии [Бодрийяр, 2017; Хоружий, 1997] и социологии [Иванов, 2002] виртуальности к социологии виртуальных мобильностей, что позволяет разделить виртуальное пространство на 1) виртуальный образ реального пространства и объектов в нём (например, панорамные изображения в онлайн-картах или видеозаписи поездок) и 2) гиперреальность, не имеющую воплощения в реальном пространстве (например, местность в компьютерной игре, нарисованная с помощью компьютерной графики). Это разделение отмечено нами при исследовании видеолекций, в которых видеозапись становится виртуальном образом реального события в реальном пространстве, а нарисованные с помощью компьютерной графики элементы (виртуальная электронная доска, например) относятся к гиперреальности и становятся её элементами в виртуальном пространстве как виртуальном образе реального пространства. В контексте социологии виртуальных мобильностей виртуальное пространство понимается только в первом его значении, т.е. как виртуальный образ реального пространства, пусть даже и дополненный элементами гиперреальности. Исключение из анализа гиперреальности обусловлено тем, что социология виртуальных мобильностей рассматривает виртуальное пространство не как самоценную реальность, а как особое средство преодоления сопротивления физического пространства с наибольшей результативностью при наименьших затратах.

Значимость социологии мобильностей Урри состоит в том, что она стала основой и исходной точкой для теоретизирования, формирующего социологию виртуальных мобильностей. Все остальные концепции, будь то социология пространства или теории виртуальности, становятся дополнительными ресурсами для теоретизирования.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. 2017. Симулякры и симуляция. Пер. с франц. М., Постум, 320 с.
2. Грицанов А.А., Галкин Д.В., Карпенко И.Д. 2003. Виртуальная реальность. Новейший философский словарь. Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., исправл. М., Книжный Дом: 171–173.

3. Звоновский В.Б. 2009. Социология пространства повседневности. Самара, Самарский университет, 166 с.

4. Иванов Д.В. 2002. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., Петербургское Востоковедение, 217 с.

5. Рузавин Г.И. 2010. Виртуальность. Новая философская энциклопедия. Электронная книга. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7eff9048db8416a128fb7 (дата обращения: 18 апреля 2020).

6. Сорокин П.А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. М., Политиздат, 543 с.

7. Урри Дж. 2012. Мобильности. Пер. с англ. М., Праксис, 501 с.

8. Урри Дж. 2017. Офшоры. Пер. с англ. М., Дело, РАНХиГС, 288 с.

9. Филиппов А.Ф. 2008. Социология пространства. СПб., Владимир Даль, 285 с.

10. Филиппов А.Ф. 2001. Социология пространства как теоретическая альтернатива. В кн.: Россия: трансформирующееся общество. М., КАНОН-пресс-Ц, 45–63.

11. Филиппов А.Ф. 2003. Теоретические основания социологии пространства. Автореф. дис. … докт. соц. наук. М., 40 с.

12. Харламов Н.А. 2012. Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри. М., Праксис, 576 с.

13. Ходыкин А.В. 2019а. Систематизация трактовок взаимосвязи физического и социального пространств в социологических теориях. В кн.: Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова). М., ФНИСЦ РАН, 285–290.

14. Ходыкин А.В. 2019б. Освоение космоса как социологическая проблема. Социологическое обозрение, 4: 47–73. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-4-47-73.

15. Хоружий С.С. 1997. Род или не род? Заметки к онтологии виртуальности. Вопросы философии, 6: 56–74.

16. Lefebvre H. 1974. La production de l'espace. L'Homme et la société, 31(1): 15–32.

17. Urry J. 1999. Automobility, Car Culture and Weightless Travel. Available at: http://www.comp.lancaster.ac.uk/sociology/soc008ju.html (accessed 8 February 2020).

18. Urry J. 2004. The “System” of Automobility. Theory, Culture and Society, 21: 25–39.

19. Urry J. 2000. The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies. London, Sage, 176 p.

20. Urry J. 1990. The consumption of tourism. Sociology, 24(1): 23–35.

21. Urry J. 2003. Global Complexity. Cambridge, Polity Press, 172 p.

22. Featherstone M., Thrift N., Urry J. 2005. Automobilities. London, Sage, 285 p.

References

1. Baudrillard J. 1981. Simulacres et simulation. Paris, Pabl. Galilée, 212 p.

2. Gritsanov A.A., Galkin D.V., Karpenko I.D. 2003. Virtual reality. In: Virtual'naya real'nost' [Virtual reality]. Novejshij filosofskij slovar' / Sost. i gl. nauch. red. A.A. Gricanov. 3-e izd., ispravl. Moscow, Knizhnyj Dom: 171–173.

3. Zvonovsky V.B. 2009. Sociology of everyday life space. In: Sociologiya prostranstva povsednevnosti [Sociology of everyday life space]. Samara, Pabl. Samarskij universitet, 166 p.

4. Ivanov D.V. 2002. Virtualization of society. Version 2.0. In: Virtualizaciya obshchestva. Versiya 2.0. [Virtualization of society. Version 2.0]. SPb., Pabl. Peterburgskoe Vostokovedenie, 217 p.

5. Ruzavin G.I. 2010. Virtuality In Virtual'nost' [Virtuality]. Available at: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7eff9048db8416a128fb7 (accessed 8 February 2020) (in Russian)

6. Sorokin P. 1992. An Individual. Civilization. Society. Moscow, Pabl. Politizdat.

7. Urry J. 2007. Mobilities. London, Pabl. Polity, 335 p.

8. Urry J. 2014. Offshoring. Cambridge, Pabl. Polity, 200 p.

9. Filippov A.F. 2008. Sociology of space. In: Sociologiya prostranstva [Sociology of space]. Saint Petersburg, Pabl. Vladimir Dal', 285 p.

10. Filippov A.F. 2001. Sociology of space as a theoretical alternative. In: Sociologiya prostranstva kak teoreticheskaya al'ternativa [Sociology of space as a theoretical alternative]. Rossiya transformiruyushcheesya obshchestvo. Moscow, KANON-press-C: 45–63.

11. Filippov A.F. 2003. Theoretical foundations of the sociology of space. In: Teoreticheskie osnovaniya sociologii prostranstva [Theoretical foundations of the sociology of space]. Abstract.. dis. … dokt. soc. sciences. Moscow, 40 p.

12. Kharlamov N.A. 2012. A new society or a new science of society? In: Novoe obshchestvo ili novaya nauka ob obshchestve? [A new society or a new science of society?]. Mobil'nosti. Moscow, Pabl. Praksis, 576 p.

13. Khodykin A.V. 2019a. Systematization of interpretations of the relationship between physical and social spaces in sociological theories. In: Sistematizaciya traktovok vzaimosvyazi fizicheskogo i social'nogo prostranstv v sociologicheskih teoriyah [Systematization of interpretations of the relationship between physical and social spaces in sociological theories]. Budushchee sociologicheskogo znaniya i vyzovy social'nyh transformacij (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Yadova). Moscow, Pabl. FNISC RAN: 285–290.

14. Khodykin A.V. 2019 b. Outer Space Exploration as a sociological problem. In: Osvoenie kosmosa kak sociologicheskaya problema [Outer Space Exploration as a sociological problem]. Sociologicheskoe obozrenie, 4: 47–73. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-4-47-73.

15. Horuzhiy S.S. 1997. Genus or not genus? Notes on the ontology of virtuality. In: Rod ili ne rod? Zametki k ontologii virtual'nosti [Genus or not genus? Notes on the ontology of virtuality]. Voprosy filosofii, 6: 56–74.

16. Lefebvre H. 1974. La production de l'espace. L'Homme et la société, 31(1): 15–32.

17. Urry J. 1999. Automobility, Car Culture and Weightless Travel. Available at: http://www.comp.lancaster. ac.uk/sociology/soc008ju.html (accessed 8 February 2020).

18. Urry J. 2004. The “System” of Automobility. Theory, Culture and Society, 21: 25–39.

19. Urry J. 2000. The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies, 2nd edn. Sage, London, 176 p.

20. Urry J. 1990. The consumption of tourism. Sociology, 24(1): 23–35.

21. Urry J. 2003. Global Complexity. Cambridge, Polity Press, 172 p.

22. Featherstone M., Thrift N., Urry J. 2005. Automobilities. London, Sage, 285 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ходыкин Александр Владимирович, аспирант кафедры социологии и психологии института менеджмента Самарского государственного экономического университета, г. Самара, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Khodykin, PhD-student of the Department of sociology and psychology, Institute of management, Samara State Economic University, Samara, Russia